ГЕНРИХ ШТОЛЛЬ

КЛАССИЧЕСКИЕ МИФЫ ГРЕЦИИ И РИМА

Генрих Штолль

Классические мифы Греции и Рима

«Остеон-Групп»
1860

Штолль Г.

Классические мифы Греции и Рима / Г. Штолль — «Остеон-Групп» , 1860

ISBN 978-5-85689-097-5

Перевод с немецкого языка древних мифов Генриха Штолля был осуществлен впервые в 1867 г. Затем эта книга долго не переиздавалась. В первом томе этого уникального электронного издания рассказывается о божествах и героях Древней Греции – Прометее, Персее, Дедале, Орфее, Эвридике, Геракле, Тезее, Ясон, аргонавтах и др. Поэтические рассказы о древнегреческих богах и героях изложены простым и понятным языком, рассчитаны на детей, подростков и взрослых читателей, интересующихся древнегреческой мифологией, рассказы снабжены иллюстрациями. Одна из частей книги посвящена метаморфозам, т. е. превращениям людей и богов в животных, созвездия и пр. Содержится трогательная повесть о любви Амура и Психеи (по Апулею), рассказывается о подвигах Геракла и походе Ясона и аргонавтов. Во втором томе книги приведены сказания о Троянской войне и божествах Древнего Рима. Имена героев Троянской войны сделались нарицательными, выражения Гомеровских поэм вошли в поговорку. Не одни поэты, но также историки и философы-моралисты в своих изысканиях и рассуждениях отводили видное место Трое, троянской войне. Художники-ваятели заимствовали из сказаний об этой войне сюжеты для своих произведений, предназначавшихся для украшения храмов, общественных зданий и т. п. Словом, память о Трое проходит красной нитью через всю античную литературу и через все античное искусство, а через них перешло и в наши дни, будучи постоянно оживляемой тем или другим способом.

ISBN 978-5-85689-097-5

© Штолль Г., 1860
© «Остеон-Групп» , 1860

Содержание

Том первый. Истории богов и героев 8
Предисловие 8
О верованиях древних греков 12
Книга первая. Великие титаны и боги Эллады 16
Глава 1. О происхождении богов 16
1. Первые боги 16
2. Кронос и Зевс 18
3. Прометей 19
Глава 2. Ранние времена человечества 24
4. Пять веков 24
5. Великий потоп 27
6. Падение Фаэтона 30
7. Ио 34
8. Данай и Данаиды 36
9. Персей 37
10. Сизиф и Салмоней 43
11. Беллерофонт 44
Книга вторая. Отпрыски богов 47
12. Европа 47
13. Кадм и Гармония 48
14. Актеон 51
15. Дионис – рождение 53
16. Дионис и Тирренские корабельщики 54
17. Пенфей, Агава и Дионис 56
18. Ион 59
19. Прокрида и Кефал 63
20. Дедал 65
21. Эак 68
22. Тантал и Пелопс 70
23. Зет и Амфион 72
24. Ниоба 73
25. Аэдона 75
26. Диоскуры и Афареиды 75
27. Орфей и Эвридика 77
Книга третья. Деяния Геракла 79
1. Рождение героя и его юность 79
2. Геракл на распутье 81
3. Геракл и Эврисфей 82
4. Немейский лев и гидра 83
5. Керинейская лань. – Эриманфский вепрь и Стимфалийские птицы 83
6. Авгий и его конюшни 85
7. Критский бык. Кобылицы Диомеда 85
8. Пояс Ипполиты. Быки Гемона 86
9. Яблоки Гесперид. Цербер 88
10. Геракл у Эврита 89

Геракл и Омфала 90
12. Геракл и Адмет 90
13. Геракл и Лаомедонт 93
14. Геракл и гиганты 94
15. Геракл и Деянира 95
16. Смерть Геракла 97
17. Гераклиды 100
Книга четвертая. Тезей 104
1. Рождение Тезея и его путешествие в Афины 104
2. Тезей в Афинах 107
3. Путешествие Тезея на Крит 108
4. Тезей и Ипполит 110
5. Свадьба Пирифоя. Битва кентавров с лапифами 114
6. Первое похищение Елены. Смерть Тезея 117
7. Калидонская охота (Мелеагр) 118
Борьба этолийцев и куретов 118
Книга пятая. Ясон и аргонавты 123
1. Фрикс и Гелла 123
2. Ясон и Пелий 123
3. Приготовление аргонавтов к походу 125
4. Аргонавты на Лемносе 126
5. Кизик 128
6. Гилас 129
7. Амик 131
8. Финей 133
9. Симплегады 134
Конец ознакомительного фрагмента. 136

Генрих Штолль
Все классические мифы Древней Греции и Рима

Штоль Г.В. Мифы классической древности = [Die Sagen des klassischen Altertums]. Пер. с немецкого В.И.Покровского и П.А.Медведева.
Под редакцией Вл. Южина
Вступительная статья В. Лукьянской
ООО "Остеон-Групп"

Том первый. Истории богов и героев

Предисловие

Давным-давно, на юге Балканского полуострова и прилегавших к нему многочисленных островах, разбросанных в Средиземном море зародилась уникальная цивилизация. Благодатная эта страна, казалось, была просто создана для любви, красоты и процветания. С трех сторон полуостров окружает спокойное синее море; далеко-далеко раскинуло это море свои глубокие воды, а над водой раскинулось необъятное синее небо, и где кончается море и начинается небо – различить трудно.

Греческий акрополь сегодня

По морю раскинулись острова; некоторые из них очень велики; все они заросли лаврами и кипарисами и зеленеют точно плавучие сады посреди синего моря.

С трех сторон окружило Грецию море, а с четвёртой стороны по самой ее границе тянутся горы) и они отрезали эту маленькую землю от всех других земель.

Длинные ряды невысоких гор тянутся и по самой Греции; они изрезали всю страну вдоль и поперек. Между горами лежат тихие, ровные долины; светлые ручьи и реки сбегали сюда с гор в старину и катили по ним свои воды. По склонам гор высятся леса; велики и дремучи были эти леса в старину, и высокие дубы и буки росли в них.

Хороша Греция еще и теперь, хотя местность ее сильно выжжена солнцем и покрылась слоем сыроватой земли, выветрившейся из скал; леса и рощи большей частью повырублены, многие ручьи и реки, когда-то весело сбегавшие с гор и пробегавшие по долинам иссякли и

исчезли с лица земли, но чудо как хороша была эта страна в старину, когда по берегам ее вечно зеленели лавровые рощи, серебрились серо-зеленые оливы, черно-зеленые кипарисы, точно громадные свечи, поднимали к синему небу свои острые верхушки. Каме плоды там зрели, какие прекрасные цветы цвели и благоухали!

Климат в Греции здоровый; по краям страны, у моря, никогда не бывает зимы со снегом, деревья вечно зелены; нет там и зноя, потому что от моря постоянно дует освежающий ветер. Чуть дальше от моря – и зимою уже выпадает снег, и деревья на зиму теряют зелень, но и там зима не суровая, а лето не очень знойное.

Густая разнообразная растительность, спокойное синее море, тихо плещущееся у берега, зубчатые, невысокие горы на фоне синего яркого безоблачного неба под золотым солнцем, – все в меру и все прекрасно, вот какова была в старину Греция, «Эллада», как звали свою страны древние греки, сами же себя они называли «эллинами».

Теперь Греция – одно из небольших государств Европы; жизнь населяющего ее народа сравнительно мало чем отличается от жизни других народов, но когда-то, очень давно, эта небольшая страна выделялась из ряда других стран своей культурой, развитием науки и искусства – которые позже легли в основу развития всей европейской цивилизации. От греков поздние и другие народы переняли не только науки, но и законы, обычаи, порядки, ремесла и искусства, которые дошли и до нашего времени. Уже в очень далекие времена, за много лет до Рождества Христова, среди греков были удивительные мудрецы и замечательные поэты, от которых и теперь по их книгам узнать можно много истинного и прекрасного.

Но не всегда, разумеется, были греки такими мудрыми и просвещенными – сначала и они были людьми темными, дикими, и лишь мало-помалу, спустя многие тысячи лет воспитания собственной культуры, после долгих трудов стали они людьми искусными и светлыми разумом.

О древнейшем периоде развития эллинской цивилизации нам рассказывают классические мифы Эллады.

Первый народ, пришедший из Азии в Грецию, звался «пеласгами». В то время, когда пеласги только что пришли в Грецию, она была еще вся покрыта болотами и непроходимыми лесами, наполненными дикими зверями, и мест, годных для жизни, там было мало. Но пеласги, не жалея трудов, шаг за шагом осушили болота, вырубили непроходимые леса и на вырубленных местах стали заводить скот, а поздние стали обрабатывать землю и разводить хлеб.

Мало-помалу вся страна изменилась: болота сделались редкими, леса остались только по горам. а долины превратились в луга и в пашни.

Прошло около 500 лет, и в Грецию пришли новые азиатские выходцы – эллины и, покорив их, поселились тут же. Эллины говорили на том же языке, что и пеласги; у них было много сходных порядков и обычаев, и поэтому эти два народа скоро смешались между собою в один народ, и все стали называться эллинами, а страну свою стали называть Элладой. Разумеется, это было не первое и не единственное государство на свете.

К тому времени в некоторых местах земли люди уже давно и крепко осели на одном месте, основали города и большие государства с городами и селами: Египет, Ассирия, Финикия и другие.

Финикия находилась в Азии, у самого Средиземного моря. Финикияне издавна были хорошими мореходами; они с незапамятных времен начали делать корабли и плавать в них по морю. Финикияне были торговым народом; они возили свои товары по морям и заезжали с ними в разные земли. В больших царствах, египетском и ассирийском, они скупали ткани, цветную посуду и прочие товары и возили все это продавать в другие земли, где не умели делать таких вещей. Там они меняли товары на металлы, ценный лес или же на шкуры зверей и другое сырье.

После того, как в Грецию пришли эллины, стали и сюда приезжать финикийские купцы с своими товарами и торговать с греками, и между финикиянами и греками завязались посто-

янные торговые сношения. Греки покупали у финикийских торговцев разные вещи, каких до того не знали, а потом стали и сами пробовать себя в ремеслах. Скоро они стали и сами строить себе корабли на манер финикийских и плавать по морю.

Сначала финикийцы только изредка приезжали в Грецию, но потом некоторые из них стали селиться на полуострове и соседних островах, и так образовались целые поселения финикийцев. Греки стали присматриваться к жизни финикийцев, к их порядкам и обычаям, стали у них многое перенимать и по их примеру устраивать свою жизнь. В ту пору— у финикийцев уже существовали разные науки; они умели уже прокладывать по морю путь по звездам, умели читать, писать, знали счет и вес товаров, и греки переняли у них все это.

Мы уже говорили, что вся Греция пересечена вдоль и поперек горами. Хоть горы эти и невысоки, но все же переходить через них из одной долины в другую было непросто, и люди, жившие в разных долинах, редко общались между собой. Каждая долина жила своей отдельной жизнью, в каждой долин было все, что нужно для жизни: свои леса, свои реки, свои поля и свои пастбища для скота. Но, несмотря на это, все греки считали себя одним народом, потому что они говорили на одном языке, имели одну религию, одни предания и много общих обычаев.

Греки того времени вели очень простую, незатейливую жизнь: их одежда, жилище, пища, домашняя утварь, – все было очень просто.

Вся одежда грека состояла из туники – недлинной широкой белой рубахи с короткими рукавами, перехваченной поясом, или из хитона, то есть просто из куска материи без рукавов, окутывавшего всего человека, с ног до головы, и из гиматиона – длинного темного плаща, накидывавшегося сверху. Гиматион этот больше надевали, когда выходили на улицу, вместо верхней одежды.

Женщины носили такие же туники, только длинные, до земли, а выходя из дома, накидывали сверху плащ-гиматион, или пеплос. Голову греки обыкновенно ничем не покрывали и только в дальний путь надевали круглую войлочную шляпу. Обувь греков состояла из одной подошвы, привязанной к ноге ремнями; такая обувь называлась сандалиями.

Так как климат в Греции был теплый, здоровый, то греки мало сидели дома, – вся жизнь их проходила на вольном воздухе, под открытым небом, а жилье им было нужно только для сна и обеда; поэтому греки не нуждались в просторных, богато устроенных жилищах, – их дома были очень невелики и были устроены очень просто и незатейливо: низенький домик, с битым земляным полом, под легкой плоской деревянной кровлей, нисколько скамей для сиденья да нисколько кувшинов и блюд для питья и воды, – вот все, что нужно было греку для полного счастья. Пища его была так же проста, как и жилище: нисколько олив (маслин), кусок хлеба да немного молока было достаточным греку для обеда.

Сначала все греки, как бедные, так и богатые, много трудились – даже цари их сами плотничали и пасли скот, а их жены и дочери (царицы и царевны) сами стирали и пряли и ткали одежду на себя и на всю семью. Каждый хозяин семьи сам обрабатывал свою землю и приготовлял со своими домашними и слугами любой инструмент и утварь, нужную для дома, в то время, как женщины ткали и занимались домашней работой.

«Праздный человек одинаково противен и богам и людям: это то насекомое без жала, тот жадный трутень, который откармливается в бездействии работой пчел. Трудясь, ты станешь любезен и богам и людям, потому что они не терпят праздности. В труде нет ничего постыдного: постыдна только леность»… – вот как пел великий греческий поэт Гесиод в одной из своих песен.

Древние греки жили семьями. У отца семейства над всеми членами семьи была полная и непререкаемая власть. Под именем отца семейства греки понимали главу всей семьи, а семьи тогда были очень большие, потому что тогда семейные не расходились по разным домам, и женатые братья и сыновья со всеми чадами и домочадцами жили все вместе одной общей большой семьей, которая называлась родом.

После смерти старшего в роду его имя и власть переходили по наследству к его старшему сыну, и он становился теперь в свою очередь отцом семейства, начинал приносить жертвы и молиться богам за всю семью и получал власть над всеми домашними; все члены семьи: мать, братья, сестры и даже старики, подчинялись его власти и называли его отцом. Ни у кого из семейных не было своего имущества: все имущество у семьи было общее, а заботился о нем и распоряжался им, как хотел, один старший в роду.

Отец семейства был волен даже над жизнью и смертью своих детей; он мог наказывать их за проступки, как только хотел и имел право даже убить провинившегося. Если старшему в роду были нужны деньги, он мог продать в рабство своего сына или дочь, а брат мог продать своих сестер. Такие суровые были тогда обычаи.

О верованиях древних греков

Как только человек стал пробуждаться от своего дикого состояния, как только стал он сознавать себя самого и окружающий его мир, стал он в то же время сознавать, что есть что-то вне его в этом мире возвышенное, нечто непостижимое и необъятное – Вселенная, время, мироустройство, стихии. И стал он пытаться постичь это возвышенное, почувствовал потребность преклониться перед ним, стал искать у него помощи и покровительства; так возникала религия.

Вначале, как и делают по сей день многие дикие племена, греки молились душам своих умерших родственников и считали их за богов. Они много думали над тем, что делается с человеком после его смерти и верили, что он не может исчезнуть бесследно. Они полагали, что душа не умирает вместе с телом, а продолжает жить в прежней жизнью – в могиле. Там, в земле, она становится сильным, могущественным существом, *маном*; она может приносить пользу или вред людям, поэтому ее нужно задабривать – хорошо кормить и поить, – тогда она будет помогать своим живым родственникам и посылать им удачу, а если родственники забудут ее или не принесут ей даров или обидят ее чем-нибудь, то душа эта будет мстить и пошлет на всю семью страшные несчастья. Поэтому похороны у греков считались важнейшим из всех обрядов и проходили с большой пышностью.

Покойника одевали в лучшие одежды, румянили ему щеки, окуривали дорогими куреньями, клали на богато украшенные носилки или на колесницу и с громким плачем, причитаниями и с музыкой отвозили его к могиле. Впереди покойника шли плакальщицы с распущенными волосами, в белых одеждах; они громко кричали, плакали, стонали, рвали на себе волосы, били кулаками в грудь, царапали себе ногтями лицо. Был установлен целый порядок похорон, и отступить в чем-нибудь от этого порядка считалось большим грехом, за который покойник, сделавшись богом, может страшно отомстить.

Поэтому греки старались задобрить души умерших родственников и просили у них разных благ для себя; они молились им и приносили на их могилы пищу и питье, потому что полагали, что душа, как и смертный человек, должна есть и пить, чтобы не мучиться голодом и жаждой. Греки часто приходили навещать родные могилы и подолгу просиживали тут, ведя длинные разговоры с покойниками. Иногда они приходили сюда с музыкой, чтобы повеселить своих покойников, приносили на могилы молоко, хлеб, вино и мясо; мясо и хлеб сжигали, а вино и молоко выливали на землю. Это называлось «приносить жертву».

Земля, где были похоронены отцы и деды семьи, считалась священной. Никто из чужих не смел подходить к ней и даже видеть ее; поэтому место, где греки хоронили своих покойников, всегда огораживалось высокой стеной. Точно за такой же крепкой стеной находился и дом.

За преступления тогда наказывали тем, что лишали погребения, то есть человеку заявляли, что после смерти его не будут хоронить, а просто выбросят его мертвое тело. Это наказание считалось тогда ужасным, потому что греки думали, что душа, лишенная жилища, век не будет иметь покоя. Ей предстоит веками скитаться по свету, не отдыхая ни на минуту; вечно голодная, вечно жаждущая, тоскующая, она носится, будто бы, по свету, отыскивая своих родственников. Она не дает покоя живым; она мучает их болезнями, трясет лихорадками, пугает страшными видениями, губит их поля и бесит скот. Так объясняли себе греки все, что было им непонятно; все, что их страшило.

Так и жили греки ранней эпохи – каждая семья жила своей жизнью обособленно за своей высокой стеной, молилась только своим богам, только за себя и за свою семью. До других людей и их богов ей не было никакого дела – всякий другой человек из другой семьи, был для нее – чужаком, один взгляд которого на священную землю, где были похоронены их предки,

уже оскорблял эту землю. Каждая семья не только не хотела общаться с другими семьями, но старалась всячески удаляться от них, и на чужого тогда смотрели как на врага.

Общая же вера тесно связывала между собою всех членов семьи. Греки молились своим богам не только на могилах, но и у себя в доме; они верили, что души их предков постоянно невидимо носятся в доме, где они жили до своей смерти, и живут в огне, который горит на домашнем очаге.

Очагом называлась большая печка, которая устраивалась посреди дома. В каждом греческом доме был непременно такой очаг, и на этом очаге неугасимо горел огонь.

Мать семейства должна была заботиться о том, чтобы он никогда не потухал. Перед этим огнем отец семейства несколько раз в день молился за всю семью богам.

Здесь же, вокруг очага, собиралась вся семья обедать и ужинать; перед едой греки опять всегда молились своим богам.

Если в семью вступал какой-нибудь новый член, прежде всего необходимо было приобщить его к своим богам – упросить богов принять его под свое покровительство.

Если же кто-нибудь по какой-то причине выходил из семьи, – выдавали ли дочь замуж, изгонял ли отец сына за какой-нибудь проступок, уходил ли кто-нибудь из домашних добровольно, не захотев подчиниться отцу семейства, – всякий раз первым делом такого человека отлучали от богов, и тогда считалось, что он порвал всякую связь с семьей, домашние боги переставали быть его богами, и он делался вдруг совершенно и навеки чужим для семьи. На этом основывались все обряды и порядки в древнем греческом быту.

Когда в семье родился ребенок, его подносили с молитвами к домашнему очагу и просили богов принять его под свою защиту и покровительство; после этого ребенок считался уже своим, родным.

А вот как справляли у древних греков свадьбы. Прежде всего отец семейства невесты при всей семье и при женихе заявлял перед очагом, что он отдает свою дочь такому-то. Считалось, что боги слышат это заявление и с той минуты перестают заботиться о девушке и покровительствовать ей. Так лишалась девушка своих прежних богов; с той минуты как домашние боги оставили ее, она становилась совершенно чужой в родительском доме; она отрекалась от прежних богов и должна была служить другим богам в доме своего мужа.

Затем невесту выводили из родного дома, сажали на колесницу и с песнями и музыкой везли в дом к жениху. Невеста была одета в белые одежды, лицо у нее было закрыто покрывалом, а на голову был надет зеленый венок.

Жених встречал ее на пороге своего дома; он снимал ее с колесницы и переносил на руках через порог в дом, где ждала вся ее новая семья.

Там он вел ее к домашнему очагу, где невеста должна была в первый раз молиться новым богам; она приносила им жертву и в первый раз прикасалась к священному огню, горевшему на очаге, а домашние кропили ее водой.

Наконец, новобрачные, помолившись вместе богам делили между собой пирог, хлеб и нисколько плодов, и тем свадьба кончалась.

С этих пор молодая женщина считалась принятой под покровительство домашних богов мужниной семьи и делалась в новой семье своим человеком.

В то время при семьях были уже и рабы. Эти рабы помогали в работе и считались как бы членами семьи. Как только приводили в семью нового раба, отец рода подводил его к очагу и молил своих богов принять еще одного нового человека в семью. После этого раба окропляли освященной водой, и он молился вместе со всеми у домашнего очага.

Греки любили своих родных, почитали старших, любили детей и были ласковы к гостю, переступившему порог их дома; но вообще к посторонним людям, как мы уже говорили, они относились еще враждебно. Всякий посторонний человек считался у них чужим, чужому не жаль и не стыдно было нанести всякую обиду и зло. Даже убить чужого не считалось преступ-

лением, а убийство на войне считалось даже весьма достославным делом, потому что оно обороняло своих— свою семью и очаг. За всякую обиду, нанесенную чужаком мстила вся семья.

Месть считалась похвальным делом; считалось, что дети должны непременно мстить убийце за смерть отца, иначе душа его не будет иметь покоя. Того, кто платил злом за зло и мстил за отца или за брата, хвалили и прославляли, а того, кто не мстил, называли трусом, и родная мать отрекалась от него и, случалось, проклинала его за это.

С самого раннего детства мать и все домашние учили ребенка чуждаться посторонних людей. Они говорили ребенку, что он растет для того, чтобы заступаться и мстить за родных, чтобы явиться мстителем за отца или брата, если кто-нибудь из них будет убит на войне, – мстить кровью не только тому, кто убьет их, но и тому, кто чем-нибудь их обидит. Вырастая с такими жестокими понятиями, греки сызмальства смотрели на войну и на месть как на важное и наиболее святое дело своей жизни.

Благодаря постоянному пребыванию на чистом воздухе, греки были здоровы, бодры, веселы и любили жизнь простую, тихую, спокойную. У них не было вечной заботы о куске хлеба, они не страдали от холода, не мучились голодом, а вокруг них все было так прекрасно – и синее безоблачное небо, и яркое благодетельное солнце, и красивые горы, и прекрасная густая зелень у тихого моря.

Вся жизнь греков проходила среди этой тихой жизни природы. Грек от души любил и яркое золотое, греющее его, солнце, и ясное небо, и тихое море, – он восторженно радовался им; он страшился бури, боялся тьмы, закрывающей от него на ночь солнце, дрожал перед тучей с дождем и вихрем, которая грозила побить его поле и оставить всю его семью без хлеба, он изумлялся величию сил природы, и ему казалось, что все эти чудеса: и солнце, и небо, и туча, и море, – все это отдельные живые существа; каждое из них делает свое дело в мире, и человек бессилен и ничтожен перед ними. Он назвал их богами и преклонился перед ними.

Одних богов он чтил за их красоту и за то добро, которое, как он думал, они приносили ему; других он боялся и молил их не делать ему зла. Так стали греки молиться разным силам природы.

Все, что видели греки дивного и непонятного в мире, назвали они богами: и солнце, и земля, и море, и далекое небо, – все это были у них отдельные боги. Эти боги, – думалось грекам, – сильны и могущественны; они, каждый порознь, делают в мире свое дело и часто борются между собою: солнце каждый день борется с тьмою, море и небо с непогодой и так далее.

Вся жизнь человека зависит от них: они светят ему и греют его, дают ему жизнь или губят его, вызывают из земли травы и деревья, поят и кормят его или иссушают его поля, поселяют в нем хорошие и дурные мысли, чувства и желания.

Греки считали, что все, что они думают, чувствуют, желают, все это они делают не сами по себе, а что все это посылают им боги.

Греки представляли себе своих богов такими, каковы они были сами, – тоже людьми, но только самыми прекрасными, самыми сильными, могущественными и мудрыми, каких только можно себе представить. Для людей они были невидимы, но все же греки верили, что где-то, в невидимом мире, на небесах, боги живут как и простые люди: – женятся, ссорятся и мирятся, советуются о делах и спорят между собой.

Мало-помалу у греков появилось много разных сказаний о жизни этих богов; они чтили гору Олимп, на вершине которой боги будто бы собирались вместе для совета и судили о своих и людских делах.

Все непонятное для себя греки старались объяснить делами богов и складывали для объяснения всего для них непонятного разные сказания. В их сказаниях, которые мы теперь называем мифами, мир богов был устроен точно так же как и мир людей – боги вынуждены повиноваться старшему в своей семье, а за его спиной интриговали друг против друга. Боги могли

быть и жестокими, хитрыми, мстительными и очень часто непокорными. Великий Зевс убивает своего отца, чтобы завладеть царством, Венера постоянно обманывает мужа, Гера постоянно старается навредить подружкам своего супруга – и это продолжается бесконечно! Но греки даже и не замечали того, что боги их дурны, ведь под именем богов они понимали самых лучших, совершеннейших в мире существ!

Насчитывалось двенадцать главных богов-олимпийцев: верховный бог Зевс, его супруга Гера, его брат Посейдон и сестра Гестия; дети – Феб-Аполлон, Артемида, Гермес, Афина-Паллада, Гефест, бог войны Арес и его жена Афродита и еще бог Солнца – Гелиос.

Кроме того, эллины верили в существование еще множества других младших богов, которые подчинялись старшим и служили им. Боги-олимпийцы были самые сильные и могущественные боги, и все в мире подчинялось им и жило по их воле. Но и над этими богами также была сила, которой они не могли противиться, – это был Рок, или Судьба, которую олицетворяли три древние старухи Мойры, как называли их греки. Всё течение жизни, все дела богов решала заранее Судьба, и они ничего не могли сделать, чтобы отклонить это решение.

Самым старшим и могущественным из богов-олимпийцев был бог неба Зевс. Во время грозы он бросал с неба молнии; Зевс всегда присутствовал в мире и руководил жизнью всей земли и людей, а также и всеми остальными богами, которые должны были подчиняться ему. Гера, жена Зевса, была богиней земли.

Книга первая. Великие титаны и боги Эллады

Глава 1. О происхождении богов
По поэмам Гесиода «Теогония» и «Труды и дни»)

1. Первые боги

Прежде всего, прежде самых предвечных богов и небесных светил во Вселенной зародился Хаос, а следом на свет появилась широкогрудая мать-Земля – Гея. Она вначале породила равное себе ширью Звездное Небо, Урана, чтобы он в точности покрыл ее всюду и чтобы служил прочным сводом для всех созданий живых и жилищем для блаженных богов.

Одновременно с Ураном Гея создала и его противоположность – всеобщий безопасный приют – сумрачный Тартар, залегающий в глубоких земных недрах.

Под оплодотворяющим дождем Урана Гея породила на свет травы, цветы и деревья, произвела зверей и птиц, и наконец мыслящую субстанцию – титанов и титанид.

Ею же был создан прекраснейший из вечных богов – бог любви Эрос. Он обладает способностью обволакивать сладкой истомой и покорять души всего живого на земле – зверей и людей, богов и растений, он лишает их всех способности рассуждать и побуждает лишь к любви.

Но из Хаоса же родились и черная Никта-Ночь и угрюмый бог мрака Эреб. Ночь же, сочетавшись с Эребом в любви, зачала и породила воздух-Эфир и сияющий День, или Гемеру.

А кроме того Гея родила обитающих в чащах горных лесов нимф, затем; ни к кому не всходив на ложе любви Гея также родила, шумное и бесплодное море, Понт. А потом, разделив ложе с Ураном, она произвела на свет глубокий Океан, титанов Коя и Крия, а еще – Гипериона и Иапета, Фею и будущую матерь богов – Рею, великую богиню правосудия Фемиду и божество памяти Мнемосину, увенчанную золотым венком титаниду Фебу и миловидную Тефию. Позже, сочетавшись браком с Океаном, Тефия породила три тысячи речных потоков: рек, ручейков, речушек и речонок.

Также Гея родила троих надменных циклопов – и звали их Бронтом, Стеропом и Аргом. Во всем они были похожи на прочих богов, но у каждого из них на середине лица находился лишь единственный глаз: потому-то они и звались «круглоглазыми» или «циклопами». Хотя были они искусными мастерами, и для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

Также другие еще родились у Геи с Ураном трое огромных и могучих сыновей— Котт, Бриарей и суровый Гиес. Они были просто несказанно ужасны, поскольку каждый обладал полусотней крепких голов и целой сотней чудовищных рук, которые росли между плеч этих великанов. Они обладали просто неподступной силой и гигантским ростом.

После всех родился самый ужасный из детей Геи – хитроумный Кронос. Полный ненависти ко всем своим браться и сестрам, он более остальных ненавидел своего всемогущего отца.

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном, были ужасны и стали ненавистны даже своему отцу. С первого взгляда, едва лишь появлялся кто-либо из детей его на свет, Уран каждого прятал в недрах Земли, не выпуская на белый свет и наслаждаясь собственным злодейством.

Великанша Земля тяжко стонала с полной утробой. И тогда ей пришло на ум весьма коварное дело.

Вначале она произвела на свет само железо, затем выковала из него огромный серп и показала его своим детям.

И, возбуждая в них смелость, сказала Гея, преисполненная печали:

– Дети мои и нечестивого вашего отца! Если хотите быть мне послушными, мы сможем справедливо воздать отцу вашему за его злодеяния: поскольку он замыслил против вас ужасные вещи.

Так говорила Гея, но объятые страхом дети ее молчали и ни один из них не проронил ни звука, страшась гнева всесильного отца. Лишь хитроумный Крон набрался смелости и немедленно отвечал милой матери:

– Мама, я с возьмусь за такое дело с величайшей охотой и меня при этом мало огорчает жребий нашего злодея-отца, раз уж он первым против нас такое задумал.

Услышав эти слова, обрадовалась исполинская Гея. Запрятав сына в укромное место, она дала ему в руки острозубый серп и обучила его коварству.

И вот, ведя за собою Ночь, появился Уран, и возлег он около пышнотелой свой Геи, пылая любовным желанием, и мигом распространился повсюду. Неожиданно его сын вытянул из засады левую руку, а правой взмахнул огромным серпом и мигом лишил милого родителя плодородия.

Однако ни одна из кровавых капель не пропала даром – все их приняла Земля и с годами из них произошли мощные богини мести Эринии и великие соперники богов – воинственные гиганты и нимфы-мелиады, которыми позже был воспитан Зевс.

Около одной из капель взбилась пышная морская пена, и внезапно в той пене зародилась прелестная девушка. Сначала она подплыла к священным Киферам, но там ей не понравилось, и она пристала к омытому морю Кипру. И вот на берег вышла прекрасная богиня. Стоило ей ступить своей стройной ножкой на землю, как из земли тут же пробивалась трава, стоило ей взять руку ветку – и самая сухая ветвь расцветала. Боги и люди прозвали ее Афродитой, «Пенорожденной», еще «Прекрасновенчанной Кифереей» – потому, что вначале она пристала к Киферам, «Кипророжденной» (или Кипридой) также ее зовут, поскольку родилась она все же на Кипре. Богиня родилась – и тут же отправилась к племени вечных блаженных богов.

Деве сопутствовал бог любви Эрос, за нею же следовал и бог любовного желания прекрасный Гимер. С самого начала ей в удел были даны во владение: любовный девичий шепот, и улыбки, и смех, и любовные обманы, и сладкая нега любви, и пьянящая радость объятий – и этой силе подчинялись как земные люди, так и бессмертные боги.

Проклял своих детей-титанов некогда великий, а ныне повергнутый Уран-повелитель за то, что они посмели простереть руку к нечестивому делу и совершили злодеяние, – будет им кара за это, и победителю своему Кроносу предрек он, что будет он свергнут с небес своими же собственным сыном.

Ночь родила еще и ужасного бога смерти Танатоса с черными богинями бед и страданий Керами. Она также родила она и бога сна – Гипноса и толпу Сновидений.

Ночью было порождено божество сплетен и злословия по имени Мом, а потом родила она и Печаль, источник страданий; Ночью же были рождены и очаровательные сестрички-Гесперид, – они с давних пор живут далеко за океаном и холят и лелеют в своем саду золотые, прекрасные яблоки.

Кстати та же Никта-Ночь родила и богинь судьбы – Мойр. Всего их три древних сестры – Клото, Лахезис и Атропос. Людям они при рождении определяют несчастье и счастье. Клото из перепутанной пряжи вытягивает и скручивает нитку человеческой судьбы, Лахезис протягивает ее столько, сколько жизни этой суждено продлиться, а Атропос большими железными ножницами обрезает ее.

2. Кронос и Зевс

Победитель Кронос взял себе в жены Рею, и та родила ему светлых детей – вечную деву-Гестию, богиню плодородия Деметру и Геру, которая в знак своего высокого достоинства обувалась в золотые сандалии. Могучий и не знающий жалости в сердце Аид отправился под землю и воссел в царстве мертвых – Тартаре.

Затем Рея произвела на свет «колебателя волн» – шумного Энносигея, который позже был прозван богом морей Посейдоном и тогда же проведающего мысли людей Зевса, который стал владеть громами и молниями.

Но ужасы, которым подвергал детей своих Кронос, были пострашнее Урановых, поскольку Кронос, боясь соперничества, не запирал своих детей в застенки, а опасаясь соперничества, попросту пожирал их, стоило лишь младенцу попасть ему на колени – очень уж боялся он, как бы царская власть не досталась кому-то из более сильных, чем он потомков Урана. Помнил он проклятие Урана, что суждено ему быть свергнутым его же собственным сыном. Так что приходилось Кроносу быть вечно начеку и проглатывать каждого произведенного на свет ребенка.

А мать богов Рею охватило неизбывное горе. И вот как-то раз, когда она как раз собиралась родить Зевса, будущего владыку, отца смертных и бессмертных, взмолилась она к своим родителям – великой Гее и бесплодному, но все еще могучему звездному Небу-Урану.

– О милые родители мои! Подайте совет, как бы мне после рождения спрятать милого сына, чтобы не попал он в пасть Кроноса, но чтобы смог вырасти и отомстить отцу за злодеяния?

Гея с Ураном вняли молитвам любимой дочери и точно сообщили ей, какая судьба ожидает и могучего Кроноса-царя и его сына. А затем они послали ее в плодородную критскую область Ликтос, на покрытую диким лесом Эгейскую гору. Там, посреди тенистой чащи, когда наступило время родить, Гея восприняла у матери младенца. А дочь она надоумила завернуть в пеленки большущий камень и подать Кроносу. И повелитель богов, не глядя, схватил завернутый в пеленки валун и без зазрения совести проглотил его!

Вот ведь злобный нечестивец! Не ведал он, и в мыслях своих не держал, что остался невредимым его сынишка, что растет он у бабки в полной безопасности, и что скоро предстоит ему взять верх над отцом, свергнуть его с трона и самому стать владыкой над богами. Нимфа Адрастея воспитывала его и кормила сладким молоком волшебной козы Амалфеи. Золотая колыбелька младенца-Зевса висела на дереве, чтобы Кронос не сумел его найти ни на земле, ни на воде, ни в небесах, а служители Реи куреты денно и нощно плясали вокруг колыбельки и пели громкие воинственные песни, ударяя мечами и копьями о щиты. И тем самым заглушали они могучий плач божественного малютки.

У юного Зевса начали быстро прирастать силы – мчались года за годами. Перехитрил он отца, послушавшись предписаний Геи. А вышло так. Когда Зевс стал юношей, он по совету титаниды Метиды, попросил мать назначить его виночерпием во дворце Кроноса. Рея замолвила за него словечко, а потом еще и достала для сына соль и горчицу. Их Зевс подмешал в медовый напиток Кроноса и тот… моментально изрыгнул наружу вначале проглоченный им камень (позже этот камень поставили в городе Пифоне, в долине под самым Парнасом, «чтобы всегда там стоял он как памятник, смертным на диво»), а потом всех проглоченных им ранее детей – братьев и сестер Зевса. Все они сплотились против Кроноса, но победить его было непросто – ведь за ним было целое племя титанов.

Благодарные за свое спасение братья и сестры Ураниды, которых отец буздумно вверг в заключение и которых вывел на свободу Зевс, вручили брату гром и палящую молнию, которые до той минуты скрывала великанша-Земля.

Так началась великая война богов-олимпийцев с титанами, которая продолжалась долгие десять лет и была прозвана людьми «титаномахией». Прежде всего сами титаны отстранили от руководства Кроноса, как бездарно упустившего пленников, и назначили своим руководителем титана Атланта. Затем они привлекли к битве гигантских чудовищ-гекатонхейров. Но не все было ладно в стане титанов, были среди них и такие, которые не одобряли соперничества с Зевсом

3. Прометей

Когда Зевс начал борьбу с верховным богом Кроносом и титанами, чтобы вырвать у них власть над миром, титан Прометей советовал своим родственникам-титанам покориться Зевсу, далеко превосходящему их мудростью. Но дикие и могучие титаны, полагаясь на свою великую силу, со смехом отвергли совет своего родича, понадеявшись на то, что им легко будет устоять против Зевса. Отважно вступили они с ним в борьбу. Тогда Прометей отделился от своих и вместе с матерью, титанидой Фемидой, перешел на сторону Зевса. Заранее предупрежденный предсказанием матери, которая могла провидеть будущее, он знал, что победа останется на той стороне, где вместе с силой будет и мудрость. После страшной борьбы, продолжавшейся десять долгих дет, Зевс, благодаря всего поддержке Прометея, одержал победу над Кроносом и надменными титанами и низверг их, по совету Прометея, в глубокий тартар. Однако Кронос во время падения произнес над сыном проклятие, какое когда-то изрек над ним самим низверженный им самим отец его Уран. Поэтому и Зевсу надлежало ждать участи, подобной участи отца его Кроноса. Однако никто этого проклятия не услышал – никто, кроме Прометея.

После победы новый властитель начал распределять почести и должности в своем царстве, управляемом новыми законами. Разумеется, все теплые места распределялись между младшими, родственными ему, богами. Нужно было стереть с Земли последние следы владычества титанов. Даже тех из них, которые помогали ему, Зевс вместо благодарности отстранил от себя. Океан был удален на самый край земли, прорицательница Фемида должна была уступить свой оракул в Дельфах сыну Зевса Аполлону; а люди, жившие при Кроне и возносившие ему почести, должны были погибнуть и очистить место новому поколению. Тогда-то за бедный род людской вступился Прометей и возвестил Зевсу, что придет время – и жена смертного родит героя, Геракла, который будет побеждать львов, и только смертному— дано будет тогда освободить отца богов и людей Зевса от тяготеющего над ним отчего проклятия. Зевс уступил и избавил род человеческий от гибели; но Прометея, оказавшего ему столько услуг своим мудрым советом, возненавидел он, как последнего из могучего рода титанов, который осмелился противиться его воле. Сам Прометей очень скоро дал властителю повод к гневу и наказанью.

В далекие первобытные времена, когда миром еще правил Кронос, боги и люди, произошедшие от одной общей матери – Земли, дружно жили вместе, едва ли сознавая, есть ли между ними какое-либо различие. Когда же, по низвержении Кроноса, власть над миром принял его могучий сын Зевс, и когда жилищем богов стала высокая вершина Олимпа, – боги пожелали отделиться от людей. В конце концов, они были бессмертны, они были могучи, они были способны управлять силами природы, повелевать мыслями людей и даже внушать им какие угодно мысли и желания… Разумеется, они захотели, чтобы люди поклонялись им и возносили почести за их благодеяния. И вот однажды боги и люди собрались на совет по этому случаю в сикионском городе Меконе. Зевс взял на себя защиту интересов богов, представителем же людей вызвался быть Прометей, сын титана Иафета, из рода божественных титанов, которые, после долгой борьбы с Зевсом, были низвергнуты им в бездны Тартара. Разумный и хитрый Прометей понадеялся на собственный ум и задумал перехитрить Зевса, мудрейшего из богов. Прометей забил большого быка, разобрал его на части и предоставил небожителям выбрать для будущих жертвоприношений ту из частей, которую они пожелают. Части эти он сложил в две кучи. В одной поместил куски мяса и съедобные, жиром покрытые внутренности, плотно

покрыв их кожей жертвенного животного, а сверху положил желудок – самую отталкивающую часть. В другую кучу он искусно сложил кости и покрыл их отменным жиром. Таким образом он придал лучшей части невзрачный вид, а худшей же – весьма привлекательный. Отец богов и людей всеведущий Зевс, посмеиваясь, сказал:

– О, могучий сын Иафета, верный друг мой, как неравно распределяешь ты части!

Прометей же с улыбкой молвил:

– Досточтимый Зевс, величайший из бессмертных богов, выбери ту часть, какая тебе по душе.

Зевс избрал самую привлекательную часть. Обеими руками снял он отменный жир и, когда увидел белые кости и убедился в хитром обмане, сказал с гневом:

– Поистине, сын Иафета, ты великий знаток коварства; не разучился ты обманывать! Вот только будет ли тебе толк с того обмана?

Однако сделанного не воротишь. И с этих-то пор люди стали сжигать на дымящихся алтарях кости жертвенных животных, а мясо съедали сами.

За обман Прометея и в наказание ему Зевс не дал людям огня. Но Прометей хитростью похитил огонь с Олимпа.

Люди тех времен были жалким, бессильным племенем, без мудрых мыслей и каких-либо надежд. Глядя, они ничего не видели; слушая – ничего не слышали, бродили, как тени; мысли их путались и они, тупоумные, не разумели того, что ощущали. Не ведали люди светлых, каменных домов, не знали и плотничьего искусства. Лишь подобно кишащим муравьям, жили они в глубоких подземельях, гнездились в лишенных солнечного света пещерах, не зная близости зимы, цветоносной весны и обильной плодами осени. Все, что ни творили они, делалось необдуманно и беспорядочно. Сжалился тогда Прометей над бедными созданиями. Он отправился на остров Лемнос, в кузницу своего друга Гефеста, на огненную гору Мосихл, добыл там искру божественного огня и, схоронив ее внутри тлеющей феруловой тростинки, принес людям и научил их различным искусствам и наукам. Он объяснил им почему бывает восход и закат небесных светил, научил их науке складывания чисел, употреблению письма, дал их мозгу силу воспоминания, заложил основы вещего искусства. Дикого горного вола впряг он для людей в ярмо, а гордого коня в колесницу, построил корабль и окрылил его льняным парусом, чтобы плавал он по водам морским. По его же наставлению люди научились находить, добывать и употреблять на пользу сокрытые в земле сокровища: медь и железо, серебро и золото. До той поры, если человека настигала болезнь, не было никаких средств к исцелению – ни питья, ни мази: Прометей научил людей составлять целебные смеси, от которых унимается беспощадная сила болезни. Тогда же открыл он им различные средства угадывать будущее: толковать сны, понимать голоса и звуки, разуметь полет птиц, смотреть во внутренности животных. Освободил он людей и от мучительного предчувствия и страха смерти и вселил в них слепую надежду, так что они и думать забыли о смерти. Так люди были посвящены Прометеем во все искусства жизни и из своего дикого, беспомощного состояния перешли к лучшей и гораздо более счастливой жизни.

За этот самовольный поступок Зевс озлобился на титана, особенно же за похищение против его воли божественного огня. Прометея, правда, предостерегала мать его Фемида, уверяя, что новый властитель только о том и думает, как бы избавиться от последнего из титанов. Провидев его будущее, она предрекла сыну, как будет он, прикованный, мучиться за свой поступок тридцать тысяч дет, пока, истомленный и обессиленный всевозможными мучениями, не примирится с властителем. Но Прометей не боялся гнева Зевса; его гордый дух, его любовь к человеческому роду влекли его к погибели.

Радуясь, что нашел вину за гордым, непокорным высшей власти титаном, Зевс повелел могучим исполнителям своей воли богине силы Биа и богу власти Кратосу, схватить Прометея, отнести его в Скифскую страну, на самый край земли, и приковать его там к голым, омываемым

волнами, скалам Кавказа. Цепи для титана выковал сам Гефест, но исполнил он волю Зевса с тайным нежеланием: ведь с давних пор был он дружен с Прометеем.

Гефест наложил несокрушимые железные оковы на руки и ноги, на бока и бедра, и адамантовым клином пронзил другу грудь. В то время как он, глубоко вздыхая, преисполненный сострадания, оковывал своего друга железною сетью, грубые спутники его, издеваясь над несчастным, бросали ему жестокие слова и укоряли за преступную гордость, сгубившую его; но сын титана гордо и упрямо молчал, не издав ни единого стона. Только когда удалились его мучители и он остался один, начал он громко жаловаться на свои муки, на свой позор, и голос его далеко разносился по скалистым берегам моря. Всего же более скорбел он о том, что терпит муки за доброе дело, за благодеяния людям; противодействие же свое воле Зевса считает он справедливым.

Прекрасные океаниды из далекого грота своего отца услышали стук молота, которым приковывали страдальца к скале. Полные участия, прилетали они утешить его и склонить к уступкам новому властителю: он ведь с ними одного племени, отцы их – братья а супруга Прометея, Гесиона, – им родная сестра. Приходил и сам старец Океан и увещевал Прометея покориться могучему Зевсу, которому и сам он мудро уступает. Океан готов идти аж на самый Олимп, лично к Зевсу и замолвить о Прометее словечко. Но титан не пожелал никакого ходатайства, – ведь сострадание к нему может навлечь на Океана ненависть нового властителя. Прометей твердо, непреклонно решился испить чашу страданий, пока, наконец, не укротится гнев и ненависть в груди Зевса.

Только отошел Океан, как по побережью пробежала нестерпимо мучимая оводом Ио, злосчастная дочь аргивского царя Инаха, превращенная женою Зевса, ревнивой Герой в корову. Теперь, пострадавшая за любовь к ней Зевса бедняжка Ио в страшных мучениях блуждала по земле, не принимая ни питья, ни пищи и нигде не находя покоя из-за злосчастного овода. Прометей тотчас же узнал Ио своим провидящим умом и возвестил ей, что придется ей пройти страны в Европы и Азии, пока она, наконец, после долгих странствий, найдет избавление от своих страданий в далеком и знойном Египте. Там прикоснется к ней кроткой рукою Зевс, и она родит сына Эпафа; от него в тринадцатом колене произойдет отважный герой Геракл, которому суждено освободить титана от мучений. Тогда и Зевс, наконец, склонится к примирению.

Да и сам Зевс находится под всемогущею властью богинь судьбы Мойр, и ему не избегнуть грозного рока без помощи Прометея.

Проклятие отца, Кроноса, которого Зевс сверг с престола, грозит и ему тем же низвержением, если только он вступит в брак, о котором помышляет. Судьба Зевса – в руках Прометея. Он один знает от своей вещей матери имя богини, которая родит ему могучего сына, если Зевс вступит с ней в брак. Сын этот будет сильнее отца и лишит его власти над миром. Эту тайну Прометей скроет в груди своей, и никакие пытки, никакие хитрости не заставят его открыть ее, если Зевс не освободит его от оков; а не сделает он этого, тогда престол его будет низвергнут, и сам он падет с великим позором.

С высокого неба Зевс услышал угрозы титана. Он послал своего вестника Гермеса к Прометею с повелением открыть роковую тайну. Громом и молнией грозил он раздробить скалу, к которой прикован титан, и повергнуть его в мрачную пропасть, где будет он томиться целые тысячелетия; а если и возвратится в светлый мир, то мощный и жадный орел Зевса вновь будет терзать его исстрадавшееся тело и пожирать его печень. И не кончатся муки эти до тех пор, пока один из богов добровольно не сойдет за него в ад, в мрачную область смерти. Но не устрашил он Прометея угрозами. Мятежный титан решился хранить свою тайну, даже когда все вокруг разрушится. И вот задрожала земля, проревел глухой отголосок грома, молния сверкнула огненными извивами, прах взвился вихрем. Все ветры, освобожденные от цепей, рвану-

лись в общую битву; поднятое море слилось с небесами, и скала, вместе с титаном при завывании бури низверглась в пропасть.

Зевс оставил людям огонь, но люди показались ему уж слишком счастливыми. Оказалось, что непокорный Прометей тайком от всех освободил людей от всех бедствий: злобы, зависти, голода, болезней, страданий. Да не просто освободил, а собрал все эти беды в один потайной ящик и дал на хранение своему брату Эпиметею.

На новую войну с титанами Зевс пока не решался. Тут следовало действовать не силой, а хитростью. По его повелению, бог-искусник Гефест создал из земли и воды чудную деву, голосом и силой подобную другим людям, лицом же – подобную бессмертным богиням. Афина, вместе с Пейфо[1], харитами и орами[2], опоясала и одела прекрасную деву в белую, пышную одежду; вычесали ее волосы и украсили ее косы венком дивных цветов; на голову ей надели тонкий, искусно сотканный покров и возложили еще золотой венец работы Гефеста, затейливо изукрашенный разноцветными изображениями животных. Афина научила ее искусству рукоделия; Афродита окружила ее прелестью и преисполнила ее облик соблазнительными чарами и ревнивым желанием нравиться; Гермес дал ей скрытность и вкрадчивую речь.

Боги подивились прекрасной деве и назвали ее Пандорой – что означало «всеми одаренная», ибо все они осыпали ее дарами.

Когда на пагубу людям была создана чарующая дева, по воле Зевса Гермес ввел Пандору в дом Прометеева брата Эпиметея. Прометей часто предостерегал брата, чтоб не принимал он от богов никаких даров – не произошло бы от того людям какого горя; но простодушный Эпиметей давно позабыл о предостережении брата и с благодарностью принял роковой, дар. Он даже вступил с Пандорой в брак, и она стала праматерью всех жен на земле. Только впоследствии понял Эпиметей какое горе принял он в дом свой, да уже поздно. Красавица Пандора отыскала секретный ящик, не долго думая открыла его огромную крышку и высвободила из него на волю все людские бедствия, – так и разошлись они между людьми по земле. Только надежда осталась вверху, на краю ящика: и по воде Зевса, Пандора быстро захлопнула крышку.

С той поры бесконечный рой бедствий носится над смертными; горе и скорбь наполняют и сушу, и море. И незваные болезни, днем и ночью подступают к людям, подступают тихо, в молчании: Зевс не дал им голоса. И приносят они людям много горя и скорую смерть. Прежде же смерть подходила к людям тихо, как сон.

* * *

Целые тысячелетия скованный Прометей одиноко томился в мрачной, глубокой расселине скал; но сердце его было непоколебимо. Неизменно, каждый третий день, мощнокрылый орел медленно опускался с вышины, вонзал свои лютые когти в чрево страдальца и выклевывал ему печень, всякий раз выраставшую снова. Кровь, сочащаяся из ран в течение веков, свернулась на теле его в отвратительный сгусток и, согреваемая палящим солнцем, каплями падала на каменистую землю.

Такие мучения, длившиеся целые тысячи лет, могли бы сломить самый упорный дух, самую исполинскую силу. И Прометей наконец утомился; он пожелал примирения и освобождения. Прежние сообщники его, титаны, давно уже смирились с новым мироустройством, со властью громовержца-Зевса. Свободные от цепей, они снова вышли из тартара, пришли к своему злосчастному родичу и дали ему совет покориться. Приходила и Фемида, старая, скорбью согбенная мать Прометея, и напоминала ему, что уж близко время, когда Зевс пожелает

---

[1] Пейфо (Пейто) – богиня, олицетворявшая искусство убеждения, одна из *харит*.

[2] Хариты, младшие богини красоты и женской прелести, часто сопровождавшие Аполлона и Афродиту. Оры – три богини времен года – дочери Зевса и Фемиды.

вступить в роковой брак, который станет причиной его падения. Теперь-то, говорит Фемида, Зевс станет просить у тебя совета и примирения; это – последний случай спастись: не следует упускать его».

Зевс слышал слова мудрой Фемиды и, в виду близкой опасности, начал помышлять о примирении с Прометеем.

С течением времени, смягчился прежний, властолюбивый дух Зевса: трон его был настолько прочен, что ему нечего было бояться титанов. и повелел тогда Зевс странствовавшему по свету Гераклу зайти к Скифской скале и своей стрелой убить на груди Прометея жадного орла. Но и этого было мало для освобождения титана – для его полного избавления требовалось, чтобы кто-то из бессмертных добровольно сошел за него в пасть Тартара.

И лишь когда Геракл обещал, что друг его, божественный кентавр Хирон, случайно получивший от отравленной стрелы его неизлечимую рану, добровольно умрет за Прометея, Зевс повелел ему разорвать Прометеевы оковы.

С дружескими речами послал он Гермеса к титану, и тот охотно открыл, наконец, свою тайну. Вот она: «если Зевс вступит в брак с дочерью Нерея, Фетидой, то, по решению судьбы, она родит сына более сильного и могучего, чем отец, и этот сын низвергнет его с престола. А потому, пусть выдаст ее Зевс за вождя ахеян Пелея, от этого брака у него родится сын – Ахилл, славнейший из героев Эллады. Чтобы завершить примирение, пришел и страдающий от нестерпимо болящей раны Хирон и объявил, что он готов снизойти за Прометея в подземный мир. В воспоминание же о том, что он был прикован, и в знак того, что он покорился и предался Зевсу, Прометей возложил себе на голову ивовый венок и с той же целью стал носить с тех пор железный перстень, в который был вставлен камушек, отбитый от кавказской скалы. Так миновала Зевса роковая беда, а Прометей стал свободен от оков, и на свадьбе Фетиды с Пелеем олимпийские боги праздновали свое окончательное примирение с титанами. Впрочем, как выяснилось, праздновали они рано, поскольку решающая схватка им еще предстояла.

Богини бедствий и мщения Керы тяжко карают и людей и богов за проступки, и никогда не бывает, чтоб их яростный гнев прекратился раньше, чем любой виновный в проступке получит отплату за свои проступки.

Божественная Ночь-Никта также родила специально для отмщения людям богиню Немезиду, а за нею – были рождены Обман, Сладострастие, Старость, а также несущая беды богиня раздора Эрида.

Хотя и грозна и ненавистна Эрида, но и ей был порожден утомительный Труд, а также богиня голода Лимнос, ею же были порождены богини Забвения и Скорби, источающие слезы у простых смертных. От Раздора на свет произошли жестокие Схватки, Битвы, Избиения и Убийства, Ложь, Словопрения и Судебные Тяжбы. Этот печальный парад замыкают родные друг другу Ослепление души с Беззаконием. Но более других горя приносит смертным бог Орк, наказывающий тех, кто давая клятву сознательно солжет.

Глава 2. Ранние времена человечества (По поэме Гесиода «Труды и дни»)

4. Пять веков

В то время, когда над миром владычествовал Кронос, жило золотое поколение людей. Подобно богам, вели эти люди блаженную жизнь, чуждую забот и труда. Не знали они хилой старости; постоянно бодрые и сильные, не знакомые ни с каким горем, тешились они веселыми пирами, жили долго, и тиха, как сон, была смерть их. При жизни же не было у них недостатка ни в каком добре: кормилица-земля, невозделанная, в изобилии приносила дары свои; много-

численные стада паслись у них на полях; спокойно, мирно и счастливо люди заканчивали свои повседневные деда. Блаженные боги были к ним благосклонны и находились с ними в дружеском общении. Золотое поколение людей жило без законов, без принуждения, жило честно и справедливо. Не было тогда судей, ничего не ведали люди о страхе наказания, а между тем все жили в безопасности. Еще не срубалась сосны в горах, не спускались еще корабли на морские волны – и не посещали стран им чуждых, поскольку люди никуда не отдалялись от родных берегов.

Золотой век человечества

Города в те блаженные века не окружались еще рвами; медная труба, меч и шлем были неизвестны; беззаботно, удобно, спокойно жили люди и без наемных войск. Не тронутая киркой, не взрытая плугом, земля все давала сама собой; довольствуясь пищей, даруемой землею, люди собирали в горах душистые ягоды, толокнянку и землянику, ежевику и кизил, а также желуди, падавшие с широковетвистого дерева Юпитера. На земле была вечная весна; Тихий ветер лелеял цветы; никем не посаженные семена всходили и созревали на не паханном поле. Текли тогда молочные реки и ручьи нектара, а с зеленых дубов капал золотистый мед. Когда же исчезли с земли эти люди, то они стали добрыми гениями, духами – хранителями смертных. Незримые, обходят они землю, охраняют на ней право, карают зло и подают людям богатство и счастье. Таково их царственное служение, возложенное на них волей великого Зевса.

Когда же Кронос был низвергнут в мрачный Тартар и миром стал править Зевс, возникло серебряное поколение людей. Оно было далеко не равно золотому по телесной силе и не сходно с ним нравом. Это поколение было хуже золотого, но лучше медного. Весна в ту пору не цвела уже круглый год, как во времена первобытные: зиму, лето и осень Зевс отделил от краткой весны. То зной стоял над землей, обезвоживая и раскаляя воздух, то цепенела земля от страшного северного ветра, и ледяная кора одевала сучья деревьев и скалы. Тогда-то в первый раз люди стали искать себе убежища в пещерах, густых кустарниках и стали жить шалашах из свя-

занного тростником хвороста. Только теперь они стали бросать зерна на милость Цереры во взборожденную плугом землю, и тяжело застонал под ярмом рабочий вол.

По сто лет проводили эти люди в младенчестве; сто лет дитя неразумное оставалось дома, на глазах у заботливой матери. Достигнув, наконец, зрелого возраста, эти люди жили недолго, но вместо того чтобы мирно и разумно наслаждаться благами жизни, омрачали они и эти немногие годы своим безрассудством: легко вступали в распри между собой; буйные и дерзкие, они оскорбляли друг друга; нерадивые, не приносили они богам подобающих жертв. За непочтение к богам. Кронион-Зевс, в гневе своем, истребил этих людей и сокрыл их под землею, где ведут они блаженную жизнь; не бессмертны они и не так мощны, как блаженные люди золотого века, но не лишены и они почета.

И вот третье поколение людей сотворил Зевс, медное, серебряному не равное; из ясеня, что идет на древки смертоносных копий, создал он это племя, жестокосердое, крепкое, могучее. Кровавое дело войны, своевольство и насилие были этим людям потехой и отрадой. Твердо, как алмаз, и неукротимо было их сердце; роста они были исполинского, силы непомерной; страшна была тяжелая рука их. Из меди они строили дома, из нее же выделывали орудия войны и труда; темного железа у них еще не было. Дикие и войнолюбивые, они истребили друг друга и без имени низошли в ад, – как ни могучи были они, а не осилили страшной смерти.

Когда же земля поглотила и это поколение, Зевс вызвал к жизни четвертое – божественный род героев. Они были благороднее, правдивее людей медного века и в старину назывались полубогами. Губительная война и кровавые битвы истребили их. Одни погибли в Кадмейской земле, в войне с семивратными Фивами, ратуя за Эдиповы стада; другие пали под Троей, в кровопролитных битвах из-за похищенной Елены. По смерти же, отец Зевс поселил их далеко от жилищ людей и бессмертных – на самом краю земли, у потоков океана, – там, на блаженных островах, где властвует Кронос и где земля трижды в год приносит сладкие свои плоды, ведут они беззаботную, счастливую жизнь.

Пятый род, живший после героев и продолжающий жить и доныне, называется железным. Днем и ночью, без отдыха, изнуряют себя эти люди трудами, томятся печалями, и боги посылают им все новые и новые заботы. Суетны, нечисты помыслы и дела их. Отец не любит сына, сын отца; хозяин не верен гостю, товарищ – товарищу; да и между братьями нет той любви, какая была во дни былые. Нет уважения к сединам родителей; жестокими словами и дурным обращением оскорбляют их дети и остаются неблагодарными за их попечения. Повсюду самоуправство; один разрушает у другого город; везде царит неправда, клятвопреступления, надменность, зависть, злоба, и человек дурной и вероломный в большей силе, чем справедливый. Богини святого стыда и справедливости, в своих белых одеждах, отлетели от земли на небо, и ничего не осталось людям, кроме безысходного горя.

Исчезли и стыд, и правда; место их заступили хитрость и обман, коварство, насилие и наглое корыстолюбие. В этот век корабельщик распустил паруса навстречу неизвестным ветрам, и сосна, долго стоявшая нетронутой на высоких горах, дерзнула переплыть чуждые ей воды. И земля, прежде общая, как воздух и солнечный свет, теперь тщательно измерена и разделена длинными межами. Не только с тучной почвы стали люди собирать жатву и добывать пищу, но проникли и внутрь земли и начали вынимать из недр ее глубоко сокрытые в них металлы, корень всему злу. Извлечено уже из земли пагубное железо и золото, еще более губительное. Поднялась ратующая и золотом, и железом война, и кровавой рукой потрясает оружием. Все живет грабежом; не в безопасности гость у хозяина, шурин у зятя, редка стала любовь и между братьями. Муж замышляет убийство жены, а она – мужа; мачехи готовят из бледноцветных трав ядовитый напиток, и сын нетерпеливо добивается прежде времени узнать о часе кончины отца. Исчезла всякая любовь и верность, и дева Астрея, друг справедливости и права, последняя из бессмертных оставляет осквернённую кровью землю. Всевозможные ужасные дела стали совершаться в это железное время и конца ему еще не видно.

5. Великий потоп

(По «Метаморфозам» Овидия)

Много дурных вестей о людской испорченности дошло до Зевса, отца богов. Желая убедиться, что слухи эти несправедливы или преувеличены, он решился оставить небо и в человеческом облике пространствовать между людьми и увидеть всё в собственными глазами. К несчастью, он нашел, что на самом деле все обстояло еще хуже, чем гласила молва. Всюду встречал он бесчестие и дикость. Как-то раз поздними сумерками прибыл Зевс в аркадский город Ликосуру, в дом царя Ликаона. Войдя в дом, он тотчас же явил знамение своей божественности, и толпа почтила его молитвами и обетами. Но Ликаон, глумясь над мольбами толпы, сказал себе: «Вот испытаю я, бог это или смертный». Он задумал умертвить своего гостя ночью во время сна; но наперед испытать пришельца иным образом. Был в его доме заложник от народа молосов. Ликаон мечом пронзил ему горло, сварил и изжарил еще трепещущие члены несчастного и предложил это кушанье своему гостю.

«Узнает ли он, – думал Ликаон, – что это за пища?» Но Зевс не только сразу узнал, но и покарал нечестивца. Карающей молнией царь богов поразил дом Ликаона и разметал его. Объятый ужасом, бросился злодей из разрушающегося дома и завыл, будучи не в силах говорить человеческой речью. Кровожадный, как и прежде, неистово бросился он на стада. Одежда Ликаона распалась в грубые клочья, руки превратились в мохнатые лапы и вот… он становится волком, сохраняя еще следы своего прежнего вида – те же седые волосы, те же кровожадные глаза, ту же дикость во взгляде и движениях.

С той поры положил Ликаон начало кровавому племени волков-оборотней. Тайком живут они на земле, ничем до поры не выделяясь из людей, но настаёт их пора— и сбиваются они в стаи, превращаются в кровожадных волков и выходят на охоту. И горе несчастному, который попадется среди ночи на их пути.

Дом Ликаона был разрушен; но гнев царя богов был велик. Не одному дому следовало подвергнуться этой участи. Отец богов и смертных решил истребить все нечестивое человечество. Тотчас по возвращении на небо созвал он на совет всех богов. Дорогой бессмертных, блистающим Млечным путем, поднялись они к небесным царственным чертогам великого громовержца. Когда блаженные боги длинной вереницей вошли и расселись в мраморной палате Зевса и сам он, опираясь на скипетр из слоновой кости, воссел он на высоком троне, трижды, четырежды потряс он мощной главой, от мановения которой заколебались земля и море, и молвил так:

– Никогда еще не боялся я так, как теперь, за свое царство, даже в то время, когда змееногие гиганты громили небо. На всей земле, от одного края до другого, не нашел я ничего кроме страшных беззаконий. А потому следует нам истребить все человечество.

Услышав историю Ликаона, все боги одобрили решение Зевса; только, озабоченные, спросили они:

– В каком же состоянии будет земля, когда истреблены будут люди? Кто же станет приносить богам фимиам и жертвы?

Но царь богов успокоил их и обещал населить землю новыми, лучшими, чем нынешние, людьми. Он уже берется за сноп молний, чтобы рассеять их по земле; но стал опасаться, как бы не зажегся эфир и не сгорело бы небо. Припомнил он, что, по решению судьбы когда-то настанет время, когда земля, море и небесная твердь разрушатся в страшном пожаре. Отложил он свои перуны и решил истребить людей небесной водой.

И вот все ветры, что разносят облака и расчищают небо, заключил Кронион в пещеры Эола; волю дал лишь южному ветру, дожденосному Ноту. И влажнокрылый Нот полетел над землею, покрыв голову непроницаемым мраком. Вначале капли воды падали с его седых волос,

крыльев, груди и длинной бороды. Толпою окружили его облака, и лишь подавит он их рукою, как сплошной ливень со страшным шумом начинает литься на землю; богиня радуги Ирида в сияющей одежде без устали черпала воду и питала ею облака. Уже прибиты дождем нивы, рушилась надежда земледельца, погибли плоды долгого года трудов; а разгневанному Зевсу все мало небесных вод: брат его, бог моря Посейдон, помогал ему своими водами и призвал все реки.

– Прорвите все плотины, – повелевал он им, – откройте водохранилища, дайте водам вашим полный простор!

Реки повиновались, и сам Посейдон вонзил трезубец в землю: задрожала земля, и водам, таившимся в недрах ее, открылся свободный исток. И вот реки вышли из берегов и стали уносить с собою посевы, деревья, людей и скот, дома и храмы. Нет больше границ между водой и сущей – все стало единым безбрежным морем.

Там, где паслись прежде стройные козы, очутились безобразные тюлени; дельфины кишели в лесах; нимфы морей, нереиды, дивились никогда ими прежде не виданным рощам, домам и целым городам подводным. Беспорядочной толпой носились по волнам волки и овцы, львы и тигры; не в помочь вепрю его страшная сила, не в помощь оленю быстрота его бега, и птица, напрасно искавшая себе места для отдыха, падает, наконец, утомленная, в море. А люди? Одни искали спасения на холмах и горах, другие в челнах и кораблях; но вода залила и холмы, и горы – если же кого и щадила вода, того губил голод.

* * *

Между Этой и Беотией лежит плодородная земля Фокида – точнее она была плодородной, пока еще была землей; теперь же и она стала частью моря, широкой водной поляной. Здесь далеко над облаками возвышается двувершинный Парнас; и нигде вокруг нет горы ему равной. Вершины Парнаса не коснулась волна, и на нее высадились спасшиеся на небольшом корабле последние из оставшихся на земле людей: это были сын Прометея Девкалион и его жена – дочь Эпиметея и Пандоры, красавица Пирра.

Перед потопом, по совету отца своего Прометея, Девкалион построил небольшой, но крепкий и отлично укрытый от непогоды и чужих глаз корабль и надолго снабдил его припасам. Когда начался потоп, он с Пиррой взошли на корабль и предоставили свою судьбу воле волн. Так избежал Девкалион гибели. Когда же Зевс увидел, что из стольких тысяч людей осталось лишь двое безгрешных и отличавшихся от других благочестием, он рассеял темные тучи, снова открыл небу землю, а земле небо. Согласно его воле и Посейдон повелел тритонам трубить отбой морским волнам. Море опять вошло в берега, а реки и ручьи в свои русла; из волн выступили холмы, леса, луга, и земля открылась своем в прежнем виде.

Когда, по окончании потопа, Девкалион увидел одинокую и пустынную землю, он со слезами на глазах сказал Пирре:

– О сестра и супруга моя, единственная жена на всей земле, от солнечного восхода до заката нет в мире людей, кроме нас: всех поглотили волны. Да и мы еще не в безопасности: каждое облако страшит мою душу. Если и минуют нас опасности, то и тогда – что делать нам, одиноким, на опустелой земле? Хорошо, если бы я научился творить людей, вдыхать жизнь в глиняные формы.

Так говорил он, и зарыдали оба и решили испросить через оракула совета и помощи у бессмертных. Они разыскали место дельфийского оракула, где будущее возвещала тогда еще Фемида. Коснувшись ступеней покинутого храма, пали они на землю и облобызали полуразрушенный алтарь:

– Скажи нам, Фемида! – взмолились они ей, – каким искусством можно возместить гибель человеческого рода, – дай опустошенному миру новую жизнь!

Богиня же в ответ им изрекла:

Выйдите из храма
Головы ваши покройте, пояс одежд отрешите
Матери кости великой бросьте назад чрез себя…

Долго стояли они и дивились. Наконец Пирра прервала молчание и заявила, что не желает повиноваться богине и со страхом умоляет ее о прощении. Как бы люди ни проклинали ее мать, Пандору, но Пирра не могла оскорбить тень матери, не желала разбрасывать ее костей. Однако Девкалион не слушал ее. Все глубже и глубже вдумывался он в темные слова изречения богини и вдруг для него прояснился смысл. Ласковым словом успокоил он супругу:

– Слушай, жена, или разум мой меня обманывает, или слова богов святы и не заключается в них никакого преступления. Великая мать – это земля; а кости в той земле, думается мне, ни что иное как камни: вот их-то мы и должны перебросить назад.

Правда, они еще сомневались в справедливости толкования, но отчего ж не попытать счастья? Девкалион и Пирра спустились в долину, освободили свои одежды от поясов и… начали бросить камни за спину. Камни же – о чудо! – начали терять свою твердость и хрупкость, понемногу размягчались и вырастали. С ростом они стали принимать и более приятный и привычный вид; в них виднелись, хотя еще и неясно, человеческие формы, как это бывает в тех фигурах, которым ваятель еще не придал последней отделки. То, что было в камнях влажного, землистого, стало мясом; твердое и негибкое – костью, а жилы так и остались жилами. И так вот, в короткое время, по воли богов, камни, брошенные Девкалионом, превратились в мужчин, а брошенные Пиррой – в женщин. Так заселилась земля людьми. И до сих пор видно, какого мы происхождения – суровое, выносливое в труде племя.

Скоро возникли вновь и другие живые существа. Когда жаркие лучи солнца прогрели глубокий ил, осажденный водами потопа, этот ил разрыхлился, распался, и под ним зародилась новая жизнь. Возникли самые разнообразные создания, многочисленные виды животных распространились по земле, в водах и в воздухе – живут они и по сейчас.

6. Падение Фаэтона

(по «Метаморфозам» Овидия)

Прекрасный юноша Фаэтон, сын бога Солнца Гелиоса и океаниды Климены, вырос у своей матери, в солнечной восточной Эфиопии. Гордясь своим происхождением от бога солнца, Фаэтон как-то осмелился поставить себя вровень со своим ровесником и таким же гордецом Эпафом, сыном Зевса и Ио. Эпаф поднял его на смех и высказал сомнение в его божественном происхождении. Мучимый стыдом и гневом, Фаэтон поспешил к своей матери Климене, бросился к ней на грудь и пожаловался на обиду.

– Дай мне верный знак, – молил он мать, – того, что отец мой – и впрямь бессмертный Гелиос.

Климена подняла руки в небу и, обратив взор свой к светлому солнцу, сказала:

– Этими всевидящими лучами заклинаю тебя: ты – сын Гелиоса; если я тебе лгу, пусть глаза мои в последний раз видят свет солнца! Близко от земли нашей и дом отца твоего; если желаешь, ступай к нему и сам спроси его о своем происхождении.

При этих словах радость объяла юношу, и он тотчас же поспешил он из Эфиопии через горы Инда прямиком на восход солнца. Там, на высокой горе стояли светлые чертоги солнца, окруженные высокими колоннадами, сиявшие в огне золотом и яркими цветными каменьями. Кровля их была из роскошной слоновой кости, серебром блистали створы ворот.

Но драгоценнее самого материала была на воротах лепная работа. Гефест изобразил на них землю, море и небо. В воде видны были боги морские, а на суше – люди и города, леса со зверями и дичью, реки и нимфы; на небе же были изображены блистающие звёзды: шесть созвездий на правой и столько же на левой створке ворот.

По крутой тропинке прибыл туда Фаэтон; великолепными вратами вошел он во дворец отца; но не в силах был вынести яркого солнечного света: он стал в отдалении и увидел Гелиоса. В пурпурной одежде восседает бог на троне, блистающем изумрудами. Справа и слева стоят перед ним день и месяц, год и столетие и, в равных друг от друга расстояниях, часы. А вот и юная, увенчанная цветами Весна, вот и обнаженное Лето, в венке из колосьев, с колосьями в руках, и забрызганная соком винограда Осень, а рядом с нею – седовласая, ледяная Зима.

Как только Гелиос увидел своим всевидящим оком юношу, с удивлением смотревшего на все эти чудеса, он спросил его:

– Что привело тебя сюда, Фаэтон? Чего ищешь, сын мой, в чертогах отца?

А он в ответ:

– Светлый отец мой, если позволишь мне употребить это имя, – на земле сомневаются в том, что я твой сын, – и порочат мать мою. А потому и пришел я спросить у тебя знамения, которым мог бы убедиться в моем происхождении.

Так говорил он.

Тогда Феб снял с головы роскошный, лучезарный венец, ослеплявший очи юноши, подозвал его к себе, обнял и сказал:

– Климена правду сказала; достоин ты назваться сыном моим, и никогда я не отрекусь от тебя. А чтоб не оставалось у тебя сомнения, проси себе любой милости – получишь, клянусь тебе подземными волнами Стикса.

Только произнес Феб эти слова, как Фаэтон стал просить, чтобы отец предоставил ему на один день управление крылатой солнечной колесницей.

Ужаснулся отец и раскаялся в своей клятве; трижды, четырежды покачал он блестящей своей головою и сказал:

– Сын мой, ты заставил меня изречь безумно отважное слово!… Если б я только мог его взять назад, то, признаюсь в этом одном желании я отказал бы тебе. Но я должен тебе его отсоветовать. Твое желание соединено с большой опасностью; далеко не по твоим оно юношеским силам; ты смертен, а то, чего ты желаешь, дело бессмертных. Нет, ты желаешь еще большего, чем дано бессмертным. Только я и могу стоять твердо на оси огненной колесницы; даже властитель Олимпа, десница которого потрясает страшными молниями, не в силах управлять этой колесницей. Путь ее сначала крут, едва могут одолеть его ранним утром кони со свежими силами. Среди неба достигает он страшной выси; даже я со страхом взираю оттуда вниз – на землю и море. К вечеру колесница несется по покатой дороге к морю, и, не правь я твердою рукой, не удержаться бы ей на небе. К тому же подумай, что небо со всеми звездами постоянно вращается, и я должен править навстречу этому круговороту. Неужели ты в силах это сделать? Ты думаешь, быть может, встретить там прекрасные рощи, города, храмы богов? Не встретишь этого. Там животные, страшные видом; там Бык грозит своими рогами, Стрелец луком, Лев своею пастью, Скорпион и Рак[3] своими страшными клешнями. Сын мой, откажись от своего желания, перемкни его на лучшее; перед тобой целый обширный мир со всеми своими благами: требуй их; оставь только это желание, – оно не честь принесет тебе, а кару.

Но напрасны все увещивания отца. Юноша обнимает его и просит, и умоляет, а отец, произнесший святую клятву, должен исполнить желание безумца. Подводит он его к высокой солнечной колеснице, что смастерил и подарил ему Гефест.

Из золота были ось и дышло, и ступицы колес, из серебра – колесные спицы; на ярме блистали ряды хризолитов и драгоценных камней. Пока Фаэтон, вне себя от радости, дивится колеснице, Эос[4] открывает пурпурные врата востока и розами усыпанные чертоги; скрываются звёзды, гонимые денницей – звездою утра[5] и звезда эта сама удаляется с небесной стражи.

Лишь увидел Гелиос, как зарумянились земля и небо, он повелел быстрым орам впрячь коней в колесницу. Проворно исполняют они это: отводят пышущих огнем, амброзией вскорм-

[3] Перечисляются созвездия Зодиака.

[4] Богиня утренней зари (она же римская Аврора).

[5] Планета Венера.

ленных коней от яслей и взнуздывают их бренчащей уздою. Священною мазью Гелиос помазал лицо сына, чтоб истребительный огонь не причинил ему боли; с глубоким вздохом, с сердечной болью возлагает он ему на голову лучезарный венец, предчувствуя близкое горе.

– Не гони коней, сын мой, – предостерегает юношу Гелиос, и крепче держи поводья, – кони бегут очень быстро и сами, и стоит большого труда сдержать их. Путь твой идет вкось огромною дугой, а на юге пересекает три пояса неба: ты ясно сможешь различить стезю, оставленную колесами; держись ее, не спускайся ниже и не подымайся слишком высоко. Прочее вручаю судьбе: да будет она благосклонна и позаботится о тебе лучше, чем сам ты. Итак, вперед! Мрак рассеивается; пробуждается день; возьми вожжи иди – есть еще время! – прими совет мой и дай мне самому править колесницей.

Падение Фаэтона

Не слушая слов отца, юноша весело вспрыгивает на колесницу. Четыре крылатых коня дышат огнем; далеко раздается в воздухе их ржанье; нетерпеливо бьют они подковами в сдерживающую их преграду, падает, наконец, преграда, и перед ними – широкое небо. Бодро пробивают кони густой туман; быстро понеслись они. Но колесница слишком легка; ей недостает привычной тяжести: колеблясь из стороны в сторону, несется она по небесным пространствам, подобно кораблю без балласта. Лишь заметили это кони, бешено бросились они в сторону от обычной дороги. Испугался юноша; в отчаянии направляет он коней то в одну сторону, то в другую. С эфирной выси взглянул он на землю и побледнел; задрожали колени, тьма покрыла очи. Тут желал бы он никогда не знать о своем происхождении, никогда не трогать коней отца. Но уже слишком поздно; велико им пройденное пространство, впереди же путь еще длиннее. Не зная, что делать, юноша не решается ни опустить вожжи, ни осадить коней. Не может он назвать их по имени. И вот, объятый страхом, видит он разных чудовищ, страшных небесных зверей. Скорпион грозно простирает к нему свои сильные клешни. В страхе юноша бросает вожжи, и еще стремительней, еще беспорядочней понеслись кони. То высоко подымаются они в

эфир, то мчатся низко над самою землей, Задымились опаленные облака, зажглись высоты гор, земля расседается глубокими трещинами, сохнет трава, горят деревья и нивы; гибнут целые города с своими башнями, пламенем объемлются леса, покрывающие склоны гор. Горящий пар, смешанный с пеплом и искрами, охватывает несчастного возницу, и во страхе не знает он, куда мчат его кони.

Тогда-то, думают, у египтян кипучая кровь прилила к коже и вычернила ее навсегда; тогда-то Эфиопия стала песчаной безводной пустыней. Нимфы рек и озер громко рыдают, видя, как кипят и испаряются реки. Нил в ужасе бежит в далекие страны и скрывает – до сих пор неизвестно где – свое начало. Сквозь трещины земли свет проникает в глубины Тартара и вопли теней устрашают Плутона и Прозерпину. Море суживается; там, где было дно морское, теперь – широкое, сухое песчаное поде. Рыбы ищут глубокого дна, а безжизненные тюлени носятся по теплым волнам; сам Нерей[6] и жена его Дорида[7] с дочерьми убегают в глубокие гроты, но и там жар томит их.

Посейдон трижды хотел поднять из волн руки и мрачное лицо свое, но жар заставлял его снова погружаться в волны. Но вот досточимая Теллус[8] поднимает из земли свою опаленную голову и молит Зевса о спасении погибающего мира, и Зевс бросает, наконец, свою молнию в несчастного Фаэтона и пламенем тушит пламя.

Кони вырываются из разбитой колесницы и в страхе разбегаются в разные стороны. Безжизненный упал Фаэтон, и горящая голова его кажется с земли падучей звездою; упал он далеко от родины, в сторону солнечного заката, в волны реки Эридан. Гесперийские наяды схоронили разбитое тело юноши и на могильном камни начертали такую надпись:

Здесь лежит Фаэтон, он правил отца колееницей;
Править конями не смог он, сгубил его замысел смелый.

Когда Гелиос узнал о бедствии своего сына, впал он в глубокую скорбь, – покрыл свою голову, и целый день – если тому можно поверить – совсем не светило солнце, свет издавало лишь пламя пожаров.

Безутешная Климена долго искала труп сына и нашла, наконец, в чужой земле его могилу. На могиле Фаэтона вместе с Клименой горюют дочери ее, Гелиады, дочери солнца, фаэтонтиды, и четыре месяца оплакивали они милого брата. Совершилось тут дивное чудо. Раз, в то время, как сестры плакали на могиле брата, раздался жалобный крик старшей сестры Фаэтусы: желая пригнуться к земле, почувствовала она, что ноги ее коченеют. Лампетия хочет придти к ней на помощь, но ее удерживает какой-то корень; третья сестра в ужасе хватает себя за голову, но не волосы она рвет на себе, а листья; одна жалуется, что ноги ее срослись в ствол древесный; другая, что руки ее приняли вид зеленеющих ветвей. Пока они с удивлением смотрят на это, кора облекает им ноги и все тело. Остаются одни только уста, и уста эти зовут Климену. Мать спешит то к одной дочери, то к другой, целует их, тщится снять кору с их тела, оторвать молодые ветви, вырастающие у них из рук, – из-под коры и из надломов падают кровавые капли.

«Пощади, о мать, – умоляют они, – не кору ты срываешь, а тело. Прощай!» – восклицают гелиады все вместе, и тут же уста их закрываются корою. Тополями стали они. С тех пор слезы текут с этих деревьев и, сгустившись на ветвях от лучей солнца, обращаются в янтарь. Светлая река принимает в себя блестяшие золотистые слезы и несет их к своему устью… И эти слезные капли становятся украшением девам земли.

---

[6] Древнейший морской бог, старше самого Посейдона, он обладает даром прорицания и способностью менять свой облик.

[7] Морская богиня, супруга Нерея и мать 50 морских нимф-нереид.

[8] Автор обращается к богине римской мифологии, отвечающей за производительные силы Земли, но у эллинов к Зевсу обращается сама богиня Земли Гея.

7. Ио

(по „Метаморфозам" Овидия).

У Инаха, бога одной аргивской реки и первого аргивского царя, была красивая дочь по имени Ио. Зевс полюбил ее. Когда узнала об этом Гера, Зевс, желая избавить свою любимицу от мести суровой богини, обратил Ио в прелестную белоснежную телицу. Гера выпросила ее у Зевса себе в дар и отдала стеречь исполину Аргусу, сыну Арестора.

У Аргуса было сто глаз, из которых постоянно сомкнуты были только два, другие ж смотрели во все стороны. Днем он пас бедную телицу и тщательно стерег ее; ночью же запирал ее и заковывал ее нежную шею в цепи. Бедная дева, сохранявшая и в превращенном виде человеческий разум, питалась древесными листьями и горькой травой, пила из мутной реки, спала на жесткой земле. И не было у нее никаких средств понятно выразить свое горе: ни рук, чтобы простереть их с мольбой к жестокосердому стражу, ни человеческой речи; вместо жалобных воплей, у ней вырывалось мычанье, и пугалась она собственного голоса. Вот пришла она к берегу отчей реки, где так часто прежде игрывала; увидала в водах свою неуклюжую голову и рога свои, ужаснулась она, убежала от собственного вида. Не узнали Ио сестры ее, речные наяды, не узнал и сам Инах. Она же подошла к отцу, к сестрам, дала себя поласкать, полюбоваться собою. Старец Инах нащипал ей травы; она стала лизать ему руки и не могла удержаться от слез. Будь у ней человеческий голос, взмолилась бы она о помощи, назвалаа бы себя, поведала б о своем горе.

Но все это для нее было невозможно. И тогда на песке ногою написала она про свою печальную участь.

– Горе мне злосчастному! – воскликнул Инах и с плачем и воплями припал к шее превращенной дочери. Но к чему его вопли? Безжалостный страж Аргус отстранил его, и погнал телицу к другому дальнему пастбищу, а сам воссел на вершину горы, чтобы далеко видеть во все стороны.

Но отец богов не мог долее смотреть на страдания возлюбленной Ио и повелел Гермесу убить исполина. Покорный сын Зевса тотчас же слетел с неба на землю; сняв с себя сандалии с крыльями и окрыленную шляпу, он взял лишь свой волшебный прут и, наигрывая на своей пастушеской свирели, сиринге, прелестные напевы, погнал перед собою стадо коз, невдалеке от Аргуса. С наслаждением прислушался исполин к приятным звукам и закричал ему:

– Кто б ни был ты, подойди ко мне, присядь на эту скалу; нигде нет такой роскошной травы; а какая прохладная тень здесь для пастухов!.

Гермес подсел к исполину, проболтал с ним день и пытался усыпить его звуками свирели.

Аргус старался преодолеть сон, и хоть иные из ста глаз его сомкнулись от дремоты, зато другие бодрствовали. Чтобы не заснуть, Аргус задавал собеседнику то те, то другие вопросы, спросил его и о том; как изобретена сиринга, – она ведь изобретена недавно. Тогда вот что разсказал ему хитрый бог:

– В горах Аркадии жила прекраснейшая из всех нимф, наяда Сиринга; неприступнее этой наяды не было девы на земле: тщетно преследовали ее своею любовью сатиры и прочие боги лесов и лугов. Ее подругой и образцом была строгая Артемид: подобно ей, высоко подпоясанная, охотилась она по лесистым горам, и по всему можно было бы счесть ее за Артемиду, только у богини лук золотой, а у Сиринги он был резной. Да и так ее часто принимали за дочь Латоны. Раз возвращалась Сиринга с ликейской горы и увидал ее Пан, шаловливый бог стад и пастбищ, полей и лесов и, очарованный ее красотою, сказал… Гермесу следовало еще передать о том, что сказал ей; и как нимфа, презрев его искание, убежала в непроходимые горы и достигла поросшего тростником берега Ладона; как бегство ее было остановлено волнами этой реки и как взмолилась она здесь богу реки, чтоб дал он ей иной образ и укрыл ее от преследо-

вателя. Бог уже готов был схватить ее, но схватил вместо нимфы тростник. Застонал Пан, и в колеблющейся, ковылистой чаще тростника его стон повторился тонким, печальным отзвуком. Очарованный прелестью звуков, бог воскликнул: «так соединюсь же я неразрывно с тобою!» – и разрезал ту тростинку на неравные дудочки, слепил их воском и назвал эту тростниковую флейту Сирингой, по имени любимой нимфы…

Все это хотел еще рассказать хитрый Гермес, как увидел, что все очи стража смежились сладкой дремотой. Тотчас умолк он; тихо касается своей волшебною тростью глаз Аргуса, и сомкнулись они, отягченные глубочайшим сном. Своим серповидным мечом отрубил он поникшую во сне голову великана, и, брызгая кровью, покатилась голова со скалы. Сто глаз верного Аргуса поместила потом Гера на хвосте павлина и, словно блистающими звёздами, украсила ими свою любимую птицу.

Гера украшает глазами верного Аргуса павлиний хвост

Так избавилась Ио от своего мучителя; но разгневанная Гера выдумала для несчастной новую муку. Она наслала на обращенную в телицу деву огромного шершня, который своим жалом довел ее до безумия; мучимую страхом, гнал он ее по всем странам земли, чрез Иллирио, другие страны Скфию, Кавказ, страну Амазонок, чрез Киммерийский Босфор, через все страны Азии, до того ущелья на юге, где, с гор Библоса, Нил начинает сливать свою. плодотворную воду на почву Египта. По течению Нила дошла наконец Ио до его низовьев, до той треугольной страны, которая опоясывается рукавами Нила. Здесь нашла она новую родину и освободилась от долгих мучений.

Тут, у берега реки, в изнеможении припала несчастная дева на колени и с плачем и стоном умоляла Зевса положить конец ее страданиям. Он укротил, наконец, гнев своей супруги и возвратил деве ее прежний вид. И вот шерсть сходить с ее тела, опадают рога, орбиты глаз суживаются, толстые губы изменяются и превращаются в человеческие, исчезают копыта, и нечего не остается от ее недавнего вида – одна только блестящая белизна кожи. Выпрямляется

и встает Ио в прежней, человеческой красе. Боязливо пытается она воспользоваться голосом: все боится еще, не замычать бы по-прежнему; но – о, радость! – она опять говорит человеческой речью.

Нежной рукой прикоснулся к ней Зевс, и родила Ио в Египте Эпафа, которому суждено было властвовать над этой страной.

Впоследствии египетский народ стал почитать Ио богиней под именем Изиды.

8. Данай и Данаиды

(Эсхил „Молящие о защите").

У Бела, потомка, Эпафа, было два сына, Египт и Данай; первому он отдал Ливию, другому – Египет. Египт от разных жен имел пятьдесят сыновей, Данай – столько же дочерей: многочисленным, цветущим потомством благословили боги род Ио. Но Гера, с такою враждой и так долго ее преследовавшая, так неохотно прекратившая свои гонения, продолжала преследовать и род ее: в дома обоих братьев вносит она раздор. Египт, по ее внушенью, пошел войной на брата и лишил его царства, а пятьдесят сыновей его, объятые бесстыдной страстью, возжелали обладать данаидами, Но данаиды ненавидели похитителей трона отца их и возмущались самой мыслью о браке в таком близком родстве. Когда же сыновья Египта решились принудить их к тому силой, Данай построил пятидесятивесельный корабль – до него таких кораблей не строили – и вместе с дочерьми тайно оставил страну.

На острове Родосе, лежавшем у них на пути, они построили храм Афине-Палладе и установили ей культ; затем отсюда поплыли к Аргосу, родине своей праматери Ио. Вступив на аргивский берег, запуганные, как преследуемая голубиная стая, сели они с только что сорванными ветвями у подножья одного из алтарей, дабы снискать этим право на защиту в чужой стране. Царь этой страны, Пеласг, узнав о прибытии гостей, пришел к ним в сопровождении вооруженных людей и спросил о причине их появления, Данай ответил, что его преследуют племянники, что они, вероятно, скоро прибудут сюда с войском, чтобы силой увезти его дочерей; данаиды же объявили, что они сами лишат себя жизни у алтарей, если Пеласг не даст им просимой защиты. Царь устрашился войны с сильным войском египтян, но страшился и гнева небожителей, в случае если безбожно выдаст просящих о защите. Вместе с народом своим, он решился защищать чужеземцев, и когда, во главе многочисленного войска, появились в Аргосе сыны Египта, он вышел на встречу им с вооруженною силой. Дошло дело до битвы, и Пеласг был побежден.

Царем аргивяне избрали Даная, как прямого потомка Ио, а Пеласг переселился, в северную часть своего царства. Чтобы сохранить за собой новое владение, Данай должен был принять мир, предложенный ему племянниками, и выдать за них дочерей. Бракосочетание совершилось; но, принужденный уступить силе, Данай решился избавиться от ненавистных притеснителей кровавою хитростью. Он роздал дочерям своим кинжалы и велел им ночью умертвить новобрачных супругов.

Данаиды охотно свершили кровавое дело, лишь одна Гипермнестра, из любви, пощадила своего Линкея. Сестры за это обвинили ее, и Данай настоял на том, чтоб аргивяне предали ее суду. Однако богиня любви Афродита явилась на суд и защитила любящую супругу. Судьи оправдали ее. Гипермнестра была объявлена не виновной. И тогда Данай самовольно вверг дочь в темницу. Однако прошло время и он разрешил ей снова соединиться с Линкеем.

От этой четы произошел славный род героев, к которому принадлежит Геракл, спасший людей от многих бед и, по совершении на земле славных дел для блага рода людского, достигший бессмертия.

Остальные данаиды, убив своих мужей, а также родственников приняли на себя великий грех; но Зевс, предок этого славного рода, при посредстве Гермеса и Афины, умилостивил тени умерщвленных и очистил руки убийц. Чтоб опять выдать дочерей своих замуж, Данай устроил общественные игры, на которых они отданы были в награду победителям. В подземном же царстве, данаиды потерпели жестокую кару за свое злодейство: они из века в век вливают воду в дырявый сосуд – бесцельная, бесконечная работа.

9. Персей

(по „Метаморфозам", Овидия)

Аргивскому царю Акрисию, внуку Линкея, возвещено было оракулом, что у дочери его, Данаи, родится сын, от которого ему суждено быть убитым. Желая избежать этого, Акрисий заключил дочь свою в подземные медно-каменные покои; но золотым дождем проник туда Зевс, и Даная родила сына Персея, предизбранного судьбою для великих подвигов. Когда царь услыхал крик мальчика, игравшего в подземной темнице, он вывел из нее и мать, и малютку и, заключив их в ящик, пустил по широкому морю. Долго несчастная мать с любимым малюткой носилась по бушующим волнам и, наконец, приплыла к острову Серифу. Диктис, в то время ловивший близ берега рыбу, вытащил ящик на берег и привел Данаю с сыном к брату своему Полидекту, царю острова. Радушно принял их царь, удержал у себя и дал малютке тщательное воспитание. Но впоследствии, когда Персей, уже юноша, стал препятствовать насильному

браку царя с Данаей, Полидект невзлюбил его и, чтобы избавиться от него навсегда, поручил ему достать голову Медузы.

Три страшные сестры-горгоны: Сфейно, Эвриала и Медуза, из которых лишь последняя не была бессмертна, обитали на самом крайнем Западе, в области ночи и смерти. Это были крылатые, змеевласые девы, с такими страшными лицами и взором, что обращали в камень всякого одним своим видом. Полидект, стало быть, мог надеяться, что Персею не воротиться от них. Но боги помогли доблестному сыну Зевса: ему содействовали мудрая Афина да хитроумный Гермес.

С мужеством в сердце, отправился юноша в путь и после долгих странствий прибыл к сестрам горгон – граям. Эти старухи так и родились с седыми волосами, и у всех троих был один только глаз и один зуб, которыми они пользовались поочередно; они стерегли горгон и только они одни знали путь к ним. Персей похитил у них единственный глаз и старужи вынуждены были согласиться ему помочь.

Персей похищает глаз у грай. С картины Э. Борн-Джонса

Путь этот вел прежде всего к нимфам; нимфы дали Персею окрыленные сандалии, которые могли поддерживать его на воздухе, мешок и Аидов шлем-невидимку; Гермес дал ему серповидный меч, а Афина – металлический гладкий, светлый, как зеркало, щит. В этом вооружении Персей прибыл к горгонам.

Страшные сестры спали. Персей мгновенно отрубил Медузе голову и бросил ее в мешок, данный ему нимфами. Все это совершил он, держа пред собою зеркально гладкий щит Афины, дабы видеть в нем отражение Медузы, от которой он отвратил лицо, чтоб самому не обратиться в камень. Из туловища обезглавленной горгоны возник крылатый конь Пегас и исполин Хрисаор, создания бога Посейдона.

Персей убивает Медузу. С картины Э. Борн-Джонса

Едва лишь окончил Персей свое дело, как проснулись обе сестры Медузы. Чтобы избежать их преследования, Персей надел шлем-невидимку и в окрыленных своих сандалиях полетел в обратный путь Когда пролетал он над Ливийской пустыней, на землю упали капли медузиной крови; из этой крови возникли ядовитые ехидны, и с тех пор Ливия кишит ими.

Скоро потом бурные ветры подхватили Персея и стали носить его то в одну сторону, то в другую. К вечеру достиг он крайнего запада, царства исполина Атланта, и, не желая ночью вверяться непостоянным ветрам, опустился на землю.

Атлант был богатый царь, владелец многочисленных стад и роскошных, обширных садов. В одном из садов находилось дерево с золотыми ветвями, листьями и плодами. Еще в глубокой древности предречено было Атланту, что к нему придет некогда сын Зевса и снимет с дерева золотые плоды. Высокой, крепкой стеной исполин окружил сад, золотые же яблоки поручил охранять семи сладкоголосым нимфам-гесперидам, дочерям Никты и Эреба и страшному дракону, и ни одного чужеземца не велел им подпускать к своим пределам. Когда Персей, назвав себя сыном Зевса, стад просить у него гостеприимства, Атлант, припомнив древнее предсказание, грозными словами стал гнать от себя юношу и уже хотел прибегнуть к насилию, как

вдруг Персей вынул голову горгоны и показал ее исполину. Не смог Атлант устоять перед ее страшной силой: кости его обратились в камень, голова стала вершиной горы, плечи и руки стали отрогами гор, борода и пряди волос превратились в густые леса. И подымается и разрастается гора эта до необъятных размеров; вот поднялась она до неба, и, по воле богов, небо всею тяжестью своею, со всеми звёздами покоится с тех пор на плечах Атланта.

На другой день, рано утром, герой опять поднялся на воздух. Было тихо; долго летел Персей и, наконец, прибыл на берег Эфиопии, в страну Кефея. Там, на пустынном и скалистом берегу, увидел он прекрасную Андромеду, дочь Кефея и Кассиопеи. Дочери выпало на долю искупить надменную речь матери, похвалившейся, будто она прекрасные всех нимф морских. Разгневанные нимфы жаловались Посейдону и попросили его отомстить за них. Посейдон послал великий потоп на Эфиопскую землю и страшное морское чудовище, которое, выходя из моря, поглощало людей и животных. Оракул Зевса-Аммона возвестил Кефею, что он должен отдать дочь свою на съедение морскому чудовищу, и народ принудил царя исполнить веление оракула.

Персей увидал прикованную к скале Андромеду. Неподвижная стояла она, и если б легкий ветерок не шевелил ее кудрей, если бы не видно было горючих слез, Персей принял бы ее за мраморную статую. Подивился юноша деве, летел и почти не правил крыльями, – любовь овладела его сердцем, Тотчас же спустился он к ней, спросил, кто она, из какой страны и за что прикована к этой скале. Дева молчала, не смея вымолвить юноше ни слова. Она стыдливо закрыла бы лицо свое, если бы не была скована; теперь же она могла лишь проливать обильные слезы. Персей настаивал, и девушка, не желая, чтоб он счел ее виновной, назвала себя, свою родину и рассказала о проступке матери. Еще не окончила она речь, как зашумели волны, чудовище вышло из глубины и подплыло, покрывая грудью все прибрежье. Ужаснулась дева, вскрикнула; на крик бросились к ней злосчастные родители и заключили узницу-дочь в объятия. Помощи не принесли они, принесли лишь жалобные стоны да плач.

– Поберегите слезы, – крикнул им чужеземец, – спасенье близко. Я – Персей, сын Зевса и Данаи, Персей, умертвивший горгону. Зятя такого, как я, конечно, не стыдно будет иметь вам: отдайте мне вашу дочь, если, при помощи богов, я спасу ее.

Родители охотно приняли предложение и умоляли Персея спасти Андромеду, да еще в приданое обещали отдать свое царство.

Подплыло чудовище, бороздя волны, как быстровесельный корабль, и когда приблизилось на такое расстояние, что в него можно было добросить камнем, юноша поднялся на воздух. В зеркальной глади вод зверь увидел тень его и бешено бросился на нее. Но как орел налетает на змею, так налетел и юноша на чудовище и глубоко вонзил в него меч.

В страшных муках, то взлетало оно на воздух, то бросалось в сторону, как дикий вепрь, преследуемый собаками.

Быстрый крылья помогали юноше уклониться от врага, сам же он наносил ему рану за раной, и вот потоком хлынула из пасти зверя черная кровь. В пылу битвы намокли крылья Персея и едва ли донесли бы его до берега; но вовремя увидел он выступающую из волн вершину подводной скалы и стал на нее. Придерживаясь левой рукой за камень, правой нанес он чудовищу еще нисколько ударов. И вот истекая кровью, погрузилось оно в пучину.

Громкие крики одобрения раздались по прибрежью, и вторило им пространное небо. Обрадовались Кефей и Кассиопея, приветственными словами встретили спасителя дочери, а своего нареченного зятя, и вместе с дочерью поведи его в свой блистающий золотом дворец, где тотчас же устроили свадебный пир.

На свадьбе присутствовали Амур и Гименей с факелами в руках; фимиам и душистые цветы разливали свое благоухание; звуки флейт и лир и радостные песни раздавались по горницам. Длинной вереницей садились за стол гости; пили сладкий, веселящий сердце, сок винограда и внимали Персею, рассказывавшему о своих приключениях.

Но вдруг во дворце послышался стук оружия и раздались воинственные клики. Брать царя Финей, домогавшийся прежде руки своей племянницы, но покинувший ее в черные дни несчастья, с вооруженною толпой ворвался во дворец и потребовал своей невесты. Уже поднял он копье на Персея, но царь заслонил его и сказал брату:

– Что замышляешь ты, брат безумный? Персей не отнимал у тебя невесты: Андромеда не была уже твоею в то время, когда, прикованная к скале, не дождалась помощи от тебя, своего жениха и дяди. Что бы тебе самому совершить великие подвиги? Дева была бы тебе наградой.

Ответа не было. Онемев от злобы, Финей глядел то на брата, то на Персея, и не знал, в кого прежде бросить копье.

Но вот решился: из всех сил, – силы придала ему злость, – метнул он копье в юношу, да не попал; копье вонзилось в подушку. Тут вскочил со своего места Персей и тем же копьем, наверное, пронзил бы Финею грудь, когда бы тот не скрылся быстро за жертвенником. Вместо него был ранен один из спутников Финея. Поднялась кровавая схватка: все новые и новые толпы приходили на помощь Финею; трудно было устоять против них малочисленным противникам.

Персей бился как лев; наконец его окружили со всех сторон тысячи врагов, с самим Финеем во главе, и градом отовсюду посыпались на Персея стрелы. Прислонясь к колонне, отбивался он от нескольких тысяч врагов. Толпами падали они, но наконец мужество его должно было уступить численному превосходству, и Персей решился на последнее средство.

– Прибегну же я к старому врагу, коли вы меня к тому вынудили. Кто друг мне, обернись назад! – сказал он и вынул голову горгоны.

– Пугай других своими диковинами! – воскликнул один из противников и хотел было бросить в Персея копье, как вдруг превратился в каменную статую: так и остался стоять он с поднятым копьем. Один за другим окаменели враги героя; наконец у Финея осталось всего двести приверженцев: высоко подняв голову горгоны, Персей сразу же обратил их всех в камень.

Тут только спохватился Финей и почувствовал свою неправоту. В отчаянии огляделся он вокруг: и справа, и слева него ничего не было, кроме статуй в самых разнообразных положениях. Друзей узнал он в этих статуях, звал их по имени; не желая верить глазам своим, он дотрагивался до ближайших из них, но нет, все они превратились в камень! Ужаснулся Финей, с мольбою простер к победителю руки и, отвратив от него лицо, сказал:

– Ты победил, Персей; спрячь чудовище, спрячь ужасную голову: только жизнь оставь мне; бери невесту, бери все добро мое.

Гневно воскликнул Персей:

– Не беспокойся, тебя не коснется железо: несокрушимым памятником поставлю я тебя в доме моего тестя;– пусть образ прежнего жениха будет утехой моей супруге.

Так, насмехаясь, сказал он и направил на него Медузину голову. Как ни уклонялся Финей, Персей заставил его взглянуть на страшную голову, и Финей превратился в каменную статую. Но и окаменелый сохранил он тот же пугливый, тот же униженный вид, те же поникшие руки.

Скоро после того Персей с молодою супругой отправился на остров Сериф. Мать свою нашел он в храме, где укрывалась она от Полидекта, желавшего насильно жениться на ней.

Вовремя прибыл сын: он спас свою мать и отомстил за нее: он обратил Полидекта в камень в то время, как тот бражничал на роскошном пиру.

Власть над островом отдал Персей брату Полидекта Диктису, который ему и Данае всегда всегда выказывал нежную дружбу. Сандалии Персей возвратил Гермесу, а Гермес – нимфам. Он же доставил Аиду шлем-невидимку. Голову Медузы получила в дар Афина-Паллада и прикрепила ее к своему щиту.

Затем Персей с женою и матерью отправился в Аргос.

Между тем дед его, Акрисий, не забывший о старинном предсказании оракула, убежал из Аргоса, как только узнал о приближении внука; но бегство не укрыло его от неизбежного рока. Царь города Лариссы устроил в честь своего отца похоронные игры, в которых принял участие и Персей. Во время состязания по метанию диска он нечаянно нанес своему деду смертельный удар диском. Узнав, кто был убитый им незнакомец, Персей похоронил его со всем возможным великолепием. Герой побоялся оставить за собой наследие убитого им деда, и власть над Аргосом передал одному из своих родственников, Мегапенфу, себе же взял Тиринфское царство.

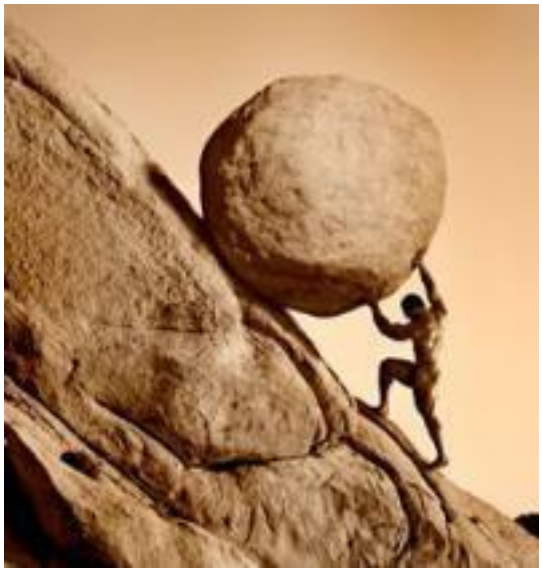
10. Сизиф и Салмоней

Сын Эола, Сизиф, был самый лукавый и самый корыстолюбивый из смертных; богам не уступал он ни в хитрости, ни в мудром совете. Он построил город Коринф и был первым его властителем. Умом своим и изворотливостью он нажил несметные богатства; только сгубила его корысть да чрезмерная самонадеянность. Лукавец заметил, как Зевс похитил дочь бога реки Асоп, прелестную Эгину, и как увлек ее на остров, впоследствии названный ее именем. Асоп стал разыскивать свою дочь и, прибыв в Коринф, спросил Сизифа, не знает ли он, где Эгина и как ее отыскать. Сизиф открыл Зевсову тайну; за что Асоп обязался создать в Акрокоринфе прекрасный источник и такой полноводный, что воды его хватало бы на целый город и на кремль. В наказание корыстолюбивому предателю, Зевс наслал на него Смерть и повелел ей низвести его в область Аида.

Однако Сизиф заметил приближение Смерти, подстерег ее и заключил в крепкие оковы. Перестали тогда люди умирать, и до тех пор не умерло на земле ни одного человека, пока могучий бог войны Арей не освободил узницу. Сам же Арей отвел Сизифа в царство теней; но еще до этой минуты Сизиф наказал жене своей Меропе не предавать земле его тела и не приносить на могиле его надгробных жертв.

Властителям подземного мира, Аиду и Персефоне, не по сердцу пришлось такое пренебрежение жертвами, и хитрый Сизиф успел уговорить их отослать его обратно на землю, чтобы наказать жену за ее нечестивость. Так лукавый Сизиф снова поселился на земле и задумал уже не возвращаться в подземный мир. Самым неумеренным, самым роскошным удовольствиям предался он на земле, но не надолго. Раз как-то бражничал он, как вдруг пришла за ним Смерть и, неумолимая, отвела его в область Аида. Там, в наказание за свои проступки, он осужден был на страшные муки. Одиссей, видевший Сизифа в царстве теней, так повествует о них:

Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью:
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, – назад устремлялся обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрыта черною пылью.



Брат Сизифа, Салмоней, основатель элидского города Салмоны, также тяжко провинился пред богами. Гордец осмелился выдать себя людям за Зевса и требовать себе жертв. На медной грохочущей колеснице разъезжал он по земле; размахивая факелами, ударяя по медным сосудам и натянутой коже, думал он подражать молнии и грому Кронида. За это истинный громовержец из густых туч послал на него свою молнию, поразил насмерть надменного хвастуна и стер с лица земли его город. В подземном же царстве, Салмоней со своими чадными факелами, со своими медными чашами принужден продолжать свое шутовское подражание громам и молниям Зевса.

11. Беллерофонт

(из «Илиады» и Пиндара)

У Сизифа был внук, великий Беллерофонт, сын Главка, а по другому преданию – бога Посейдона. Убив нечаянно одного коринфского гражданина, Беллерофонт должен был бежать из родного города. Убежал он в Тиринф, к царю Прэту.

Радушно принял юношу царь, очистил его от преступления и охотно дал ему место в своем доме. Дивного юношу полюбила супруга Прэта, Антея; но Беллерофонт не разделял ее любви. Оклеветала она его перед супругом, наговорила на него, будто он преследует ее своей любовью. Прэт, веря речам супруги, стал помышлять, как бы погубить Беллерофонта. На дорогого до сей поры гостя сам Прэт боялся наложить руки, и вот послал он его к тестю своему, ликийскому царю Иобату. Юноше Прэт вручил дощечку складную, а на дощечке той начертаны были злосоветные знаки.

Много на дщице складной начертал их, ему на погибель;
Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
Мирно достиг он Ликийской земли и пучинного Ксанфа.
Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель:
Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая,
На воссиявшей десятой заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес ему он от любезного зятя, от Прэта.
И когда он приял злосоветные зятевы знаки,

Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру
Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой;
Страшно дыхала она пожирающим пламенем бурным.
Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.

Беллерофонт поразил Химеру при помощи крылатого коня Пегаса.

Когда Пегас возник из туловища обезглавленной Медузы, он полетел над землей и в первый раз опустился на землю в Акрокоринфе, у источника Пирены. Здесь увидел его Беллерофонт, и неодолимое желание овладеть прекрасным конем проникло в сердце юноши; но как ни ловил он коня, тот не давался. По совету прорицателя Полиида, Беллерофонт лег возле жертвенника Афины-Паллады и ждал, не поможет ли ему богиня. Во сне явилась ему Афина, принесла золотую уздечку и сказала:

– Спишь ты, эолийский вождь… Встань, возьми эту смиряющую коней уздечку, покажи Посейдону и принеси ему в жертву лучшего быка.

Юноша тотчас проснулся, проворно встал и – диво! – чудная уздечка была перед ним. Обрадованный, поднял он ее, поспешил к Полииду и разсказал о случившемся; прорицатель посоветовал ему тотчас же последовать совету богини, принести быка в жертву Посейдону и построить Афине-Палладе алтарь. Юноша исполнил все это и, с помощью Посейдона и Афины, поймал быстролетного коня, надел на него золотую уздечку и, облеченный в медные доспехи, сел на него. С той поры божественный конь постоянно служил герою; им Беллерофонт и поразил Химеру в Ликийских горах.

Высоко поднявшись на воздух, он метал в огнедышащее чудовище свои стрелы, пока оно не испустило дух.

Когда Беллерофонт возвратился с победой к царю Иобату, царь поручил ему покорить солимов, часто нападавших с своих гор на землю ликийцев. Счастливо воевал герой с этим храбрым, войнолюбивым народом.

В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных;
Но ему, возвращавшемуся, Прэт погибель устроил:
Избранных в царстве пространном ликиян храбрейших
Выставил он на пути; но они своего не увидели дома:
Всех поразил идя воинственный Беллерофонт непорочный.
Царь наконец-то познал знаменитую отрасль бессмертных,
В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
Отдал ему половину блистательной почести царской;
И Ликийцы ему отделили удел превосходный;
Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оныйи.
Трое родилося чад от премудрого Беллерофонта.
Мужи – Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.

Гипполох был отцом мужественного Главка, блистательно сражавшегося под Троей; Лаодамия родила Зевсу Сарпедона, сопровождавшего Главка под Трою. Впоследствии, когда Беллерофонт стал ненавистен богам, Артемида сразила Лаодамию своею быстро губящею стрелой, Исандр же пал в войне с солимами.

Увы, тем счастьем, которое Беллерофонту даровали благосклонные боги, не наслаждался он до конца жизни. Счастье омрачило ум его, очерствило сердце: ему стало мало человеческих радостей, – он возжелал поравняться с богами. На быстролетном коне хотел он подняться на небо, в жилище отца богов; но Зевс послал на коня овода, который довел его до бешенства; бессмертный конь сбросил смертного всадника, а сам устремился к своим яслям. Беллерофонт же упал на землю и охромел.

Став небожителям всем ненавистен,
Он по Ахейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце тоскою круша, убегая следов человека…
Так страдал он, пока настигнут не был горькою смертью.

Книга вторая. Отпрыски богов

12. Европа
(по Моху „Идиллии")

Дивно-прелестная Европа была дочерью сидонского царя Агенора.

Раз на заре, когда полный неги сон лишь слегка смежает ресницы, когда над спящими носятся роем неложные сновидения, богиня любви Афродита послала деве сладкий, редкостный сон. Снилось ей, будто обе части света – Азия и та, что лежит напротив нее на западе – в образе женщин спорят из за нее между собою. Одна из женщин имела вид чужестранки, другая (Азия) – соотечественницы. Последняя особенно горячо спорила и никак не хотела уступить Европу противнице: «Она принадлежит, мне – я породила, я воспитала ее», – говорила Азия.

Но другая из споривших мощной рукой отстранила Азию и увела царевну за собой, ибо ей предоставлена была Европа в дар мироправителем Зевсом.

С трепетом в сердце пробудилась Европа и быстро поднялась на своем мягком ложе; сон этот был так жив, что казался действительностью. Долго сидела она молча; перед ее очами все еще носились образы обеих споривших из-за нее женщин. Наконец, замирающим голосом, проговорила она:

– Кто из небожителей послал мне это видение? Кто была чужестранка, виденная мною во сне? Как стремилось к ней мое сердце, как любовно сама она привлекала меня к сей и называла дочерью! Да даруют блаженные боги благое исполнение моему сну!

Так говорила она, затем встала и пошла созывать своих сверстниц, верных подруг, вместе с которыми забавлялась она хороводными плясками, купалась в прохладных волнах источника и рвала на лугах благовонные лилии. Тотчас собрались подруги и с корзинками в руках пошли вместе с царевной, на цветущий берег моря, где собиралась обыкновенно их веселая толпа, где любовались они распускающимися розами и слушали шум морских волн. Сама Европа несла в руках золотую корзинку работы Гефеста, подарившего ее Ливии в то время, когда она вступала в брак с Посейдоном.

Корзинка эта – истинное сокровище – вся была покрыта искусными рисунками, изображавшими историю Зевсовой любимицы Ио.

Придя на луг, девушки стали рвать цветы. Одни искали душистые нарциссы или гиацинты; другие собирали фиалки и бальзамический шафран. Блистая красою, как Афродита среди харит, стояла царевна среди своих подруг и нежной рукой срывала алые розы. Но не долго суждено было ей любоваться прелестью цветов. Лишь только увидал ее Кронион Зевс, как воспылал он к ней любовью, – пронзила его стрела Киприды, имеющей власть и над Зевсом. Но, дабы избежать гнева ревнивой Геры и не смутить девушки, Зевс совлек с себя божественный образ и принял вид быка – только не простого, не такого, какие кормятся у яслей, запрягаются в плуг или в телегу и пасутся на пастбищах: все тело его блистало, как яркое червонное золото, только среди лба выступало круглое серебристо-белое пятно; на темени было два красивых рога, подобных серпам молодой луны.

Таким явился он на лугу. Но явление его не испугало девушек: им захотелось подойти ближе и поласкать этого быка, дыханиее которого было благовоннее аромата цветущего луга.

Бык подошел к красавице Европе и стал ласкаться к ней; царевна гладила его, трепала и обтерла ему своей рукой белую пену у рта. Он лег к ногам царевны и, глядя ей в глаза, подставил свою широкую спину. Видя это, Европа обратилась к своим прекраснокудрым спутницам: «Давайте покатаемся на быке! – сказала она, – как на корабле, снесет он нас всех на широкой

спине своей. Как кротко и дружелюбно смотрит он – совсем не так, как другие быки; так и кажется, что ум у него человеческий, и нет только человеческой речи».

Так сказала она и, смеясь, вспрыгнула быку на спину. То же сбирались сделать и подруги царевны; но бык мгновенно поднялся – он похитил ту, которую хотел похитить, – и устремился с своею ношей прямо к морю. Простирая руки, девушка обратилась к подругам и позвада их на помощь, но подруги не смогли подоспеть к ней. Подбежав к морю, бык, бросился в волны и поплыл быстро, как дельфин.

Толпами теснятся вокруг него нереиды, всплывая из глубин на хребтах морских животных; владыка моря Посейдон сам правит брату своему путь по волнам и предводительствует шествием, окруженный обитателями темных соленоводных пучин, тритонами. Трубят тритоны в раковины и играют на них брачные гимны. Трепещущая девушка одной рукой держится за рог быка, другою же бережно подбирает полы одежды, дабы не коснулись их и не смочили морские волны.

Когда Европа была уже далеко от родной земли, и когда взорам ее не представлялось ничего, кроме неба вверху и безбрежного моря под ногами, – полная тоски, оглянулась она кругом и сказала:

– Кто ты, божественный бык, и куда несешь меня? Как можешь ты ступать бестрепетно по волнам морским? Море – путь кораблям; быки страшатся соленых вод морских. Если ты бог, то зачем же делаешь то, чего не надлежит делать богам? Не было видано, чтобы дельфины бродили когда по суше, а быки плавали по морю; ты же, невредимый волнами, как веслом развеваешь их своим копытом; скоро, кажется мне, поднимешься ты, подобно быстрокрылой птице, и в синюю высь эфира. Горе мне бедной, покинувшей отчий дом; горе мне! Посейдон, властитель пучин! Не без соизволения богов и не без твоего руководительства совершаю я этот путь по волнам водообильного моря.

Так говорила она, и бык отвечал ей:

– Утешься, дитя мое, и не страшись моря! Я – Зевс, и только принял вид быка. Но могу я облечься во любой образ, в какой только пожелаю. Любовь к тебе побудила меня принять на себя этот вид и искать пути по водам морским. Тебя примет Крит, прелестный остров, бывший и моей колыбелью; там поставлен будет твой брачный чертог, и там родишь ты славных сынов – скипетроносных царей, которые будут владычествовать над народами.

Так говорил он, и сбылось то, что было им сказано.

Вскоре показался из воды Крит и принял невесту Зевса.

Здесь стала она матерью великих царей – Миноса, Радаманта и Сарпедона.

13. Кадм и Гармония

(по „Метаморфозам" Овидия)

Когда Зевс похитил Европу, ее отец Агенор послал сыновей своих – Феникса, Килика и Кадма – отыскивать ее и повелел им не возвращаться до тех пор, пока ненайдут сестры.

Феникс и Килик вскоре прекратили свои поиски: первый поселился и основал царство в Финикии, другой – в Киликии; Кадм же, после долгих странствий, достиг Фракии вместе с матерью своей Телефассой, которая тут умерла.

Похоронив мать, он отправился в Дельфы спросить оракула Аполлона, в какой земле ему поселиться: найти сестру он уже не надеялся, возвращаться домой не хотел, страшась отчего гнева. Феб-Аполлон возвестил Кадму:

– В безлюдной долине встретишь ты корову, еще не бывшую под ярмом; ее возьми ты в путеводительницы, и там, где она остановится и ляжет на мягкую траву, построй город и назови его Беотийскими Фивами».

Едва лишь покинул Кадм Дельфийское прорицалище, как увидел он корову. Не было заметно на ней никаких следов ярма; никем не охраняемая, медленно расхаживала она по лугу.

Кадм пошел по следам ее, а сам тихо молился Фебу-Аполлону. Перешел уже Кадм брод реки Кефиса, миновал и Панопейские луга, как вдруг остановилась корова и, подняв к небу красивые рога свои, громко замычала. Окинув взором следовавших за нею мужей, она легла на мягкую траву. Обрадовался Кадм, облобызал он чуждую ему землю и приветствовал неведомые луга и горы. Желая принести жертву Зевсу, Кадм послал спутников своих к бьющему из скалы ключу за водою для священных возлияний.

Неподалеку возвышался дремучий, первобытный лес, которого не касалась еще рука человека. Среди этого леса, под высокой скалой была пещера, густо обросшая травой и кустарником, – из нее-то бил обильный водою ключ. Страшный Ареев дракон жил в той пещере и стерег он источник.

Огнем пылали глаза дракона, блистал как золото на голове его высокий гребень, все тело его было пропитано ядом. Три страшных, шипящих языка, три ряда зубов выказывались из его огромной пасти. Когда фракийских мужей злой рок привел в эту рощу, и когда погрузили уже они кружки свои в журчащие воды потока, злой дракон высунул из пещеры голову и страшно зашипел на них. В ужасе выронили они кружки, смертельный страх сковал их члены. Быстро бросился на них дракон, одних искусал он до смерти, других задушил в своих объятиях, иных же убил ядовитым своим дыханием.

Настал уже полдень. Дивился Агеноров сын, не зная, где замешкались его спутники, и собрался искать их. Накинув на себя шкуру собственноручно убитого льва, вооружившись дротиком, да железно-острым, блестящим копьем, а главное мужеством, – оно вернее всякого оружия, – Кадм пошел к лесу. Едва лишь вступил он в темный лес, как увидел безжизненные тела своих спутников, увидел, как страшный дракон лижет истерзанные члены несчастных.

– Или отомщу я за вас, друзья, воскликнул Кадм, – или пойду за вами в область Аида.

С этими словами схватил он огромный камень и бросил его в дракона. Высокие стены с грозными башнями сотряслись бы от этого удара, а дракон остался цел и невредим: чешуя и твердая кожа защитили его подобно панцирю, и только острому дротику уступило крепкое тело.

Жало дротика, пройдя сквозь искривленный хребет, глубоко вонзилось во внутренности дракона.

Яростно заревев от боли, дракон закинул голову назад, взглянул на рану и с силой вырвал из нее дротик, но острие осталось в хребте. Все больше и больше, вместе с болью, росла свирепость дракона: вздулась шея его и белою пеной наполнилась пасть; чешуйчатым хвостом забил он о землю и заревел, заражая воздух черным, ядовитым дыханием. То свертывался он клубком, то вытягивался во всю длину, но рана все больше и больше терзала его.

Яростно бросился он на Кадма, как горный поток в половодье, грудью напирая на могучие деревья, повергает их на землю. Кадм уклонился несколько в сторону, прикрылся львиной шкурой и встретил дракона копьем. Яростно схватил дракон копье зубами, но не сломить ему крепкого копья; уже полилась кровь из опухшей шеи и обагрила траву. Рана была легкая: сумел дракон вывертнуться из-под копья Кадма. Но вот Кадм успел наконец вонзить в гордо дракона свой меч и пронзил его насквозь.

В то время, как победитель смотрел на убитого дракона, неизвестно, откуда, но очень ясно, послышался ему голос: «Что так глядишь ты, Агеноров сын, на убитое чудище? Придет время, и сам ты примешь вид его». Долго стоял герой, недвижимый и бледный, объятый холодным ужасом. Но вот предстала Кадму благосклонная к нему Афина-Паллада и повелела посеять драконовы зубы во взборожденную землю. Кадм исполнил волю богини, провел по земле длинную борозду и побросал в нее зубы дракона.

И – трудно поверить! – глыбы земли пришли в движение, и из земли показалось сначала острое жало копья, затем густогривый шлем, грудь и мощные, вооруженные щитом и копьем руки. Так возникло из земли целое племя вооруженных витязей.

Ужаснулся Кадм при виде новых врагов: уже взялся он за оружие, как один из порожденных землею витязей воскликнул: «Остановись, не мешайся в наши раздоры», и с этими словами ударил мечом одного из братьев своих, повалил его на землю, но и сам пал от чьего-то дротика.

Не долго жил и тот, кто нанес этот последний ударь. Так яростно истребляли братья-витязи друг друга, и вот уже почти все они, истекая кровью, полегли на грудь земли-матери, только что их породившей. Осталось всего пятеро витязей. Из них первый Эхион, по воле Афины-Паллады, бросил свой меч и предложил братьям покончить усобицу; за ним последовали другие.

Эти, землею порожденные, меднодоспешные мужи помогли Кадму и спутникам его основать город Фивы с кремлем Кадмеей и были прародителями фиванской знати. Когда Кадм основал город и устроил новую общину, небожители дали ему божественную супругу Гармонию, дочь Арея и Афродиты.

Все боги пришли в Кадмею на свадьбу своего любимца и принесли новобрачным дивные дары. Среди даров были ожерелье и одежда – чудные, прекрасные дары; но натерпелась горя от этих даров семья Кадма. Много счастливых дней боги послали сыну Агенора, но много и тяжких бед вытерпел Кадм и весь дом его.

Гармония родила ему сына Полидора и четырех дочерей: Автоною, Ино, Семелу и Агаву. Ино и Семела, испытав тяжкие несчастья, стали богинями, у Агавы же и Автонои сыновей постигла горькая участь.

Кадм прозрел бедственную судьбу своих детей и внуков и в глубокой старости, согбенный под ударами судьбы, вместе с женою Гармонией, оставил он фиванскую землю и удалился в Иллирию. Там, как возвестил ему некогда оракул, Кадм, как и Гармония, обращены были в

драконов, и в этом виде вступили в Елисейские поля, в страну блаженных, куда после смерти попадают герои и праведники.

Добавим, что хотя список подвигов этого героя не слишком велик, но величайшая его заслуга перед народом в том, что Кадму приписывают изобретение греческого алфавита.

14. Актеон

(по „Метаморфозам" Овидия)

Актеон, внук Кадма, сын Автонои и Аристея, был мощный, мужественный юноша. Страстно любил он охотиться и странствовать по высоким горам. Как-то охотился он с товарищами на Кифероне. С раннего утра до полудня загоняли они прытких зверей в расставленные сети, и лов их часто бывал удачен. Раз, томимый полуденным зноем, юноша оставил своих товарищей и один стал искать в обильных ущельями горах укромного места, где бы можно было освежиться и отдохнуть после продолжительной, трудной охоты. Долго блуждал он и, наконец, вошел в поросшую кипарисом и пихтой долину, посвященную богине Артемиде – тожестрастной охотнице.

В глубине долины был прохладный, очаровательный грот. Так искусно создала его природа, так приладила камень к камню на своде его, что можно было счесть этот грот за дело рук человека. Вправо от него, в зеленеющей траве берегов журчал чистейший источник.

Часто бывала здесь Артемида: утомясь от охоты, водой этого источника освежала девственное тело свое. Раз вошла она в грот, одной из спутниц-нимф отдала свой дротик, колчан и ослабленный лук, а другой – одежду; две нимфы сняли с ног ее сандалии, а нимфа Крокада заплела ее длинные до плеч кудри в одну косу. Затем девы урнами стали черпать воду и обливать ею обнаженное тело богини.

В это время злой рок привел Кадмова внука по незнакомой тропинке к гроту. Как только увидели юношу нимфы, все они, с громкими криками, ударяя себя в грудь, стеснились около своей повелительницы и старались прикрыть ее собою; но богиня на целую голову была выше их всех.

Как румянит облака заходящее солнце, как пурпуром рдеет утренняя заря, так зарделось лицо богини, когда увидел ее наготу внук Кадма. Будь у нее стрелы, поразила бы она юношу. И вот поспешно зачерпнула богиня горсть воды, брызнула ею в лицо Актеона и воскликнула:

– Теперь хвастай, что видел меня без одежды, если только уста твои смогут вымолвить хоть слово.

И вот на окропленной голове юноши выросли рога оленя, шея его удлиннилась, руки превратились в ноги, на ногах выросли копыта, и все тело покрылось шерстью. Пугливый, как олень, кинулся бежать он, и дивился сам быстроте своего бега. В воде увидал он, наконец, свой образ: «О, я несчастный!» хотел было воскликнуть Актеон, но не слушались уста его, – они издавали лишь стоны: слезы текли по лицу его, но нет – это не его лицо. Весь изменился он, и лишь дух его, лишь разум прежний остался.

Что ему делать? Воротиться домой, в царские чертоги стыдно, а в лесу остаться страшно. В раздумии стоял превращенный Актеон, как вдруг его увидели его же собаки: пятьдесят гончих псов брал он с собой на охоту. Со страшным лаем бросились они на оленя, погнали его по горам и долам и по ущельям гор, и наконец настигли, вонзили они в него острые зубы, кусали и рвали его члены. Закричал превращенный юноша, и стоны его наполнили воздух. В изнеможении пал он на кольни; истерзанный, обращал он взоры то в ту, то в другую сторону, моля о пощаде. На лай собак пришли спутники охотника и стали еще более натравлять разъяренную стаю на неузнанного хозяина; жаль только им, что нет среди них Актеона и не удалось ему

порадоваться с ними удачной ловле. Со всех сторон оцепили они оленя и охотничьими дротиками пронзили насквозь ему тело.

Так, покрытый бесчисленными ранами, испустил дух бедный юноша; так Артемида, в гневе своем, покарала его за то, что видел ее наготу.

На пути из Мегары в Платеи долго еще показывали роковой источник и скалу, на которой сиживал Актеон, утомленный охотой. Чтобы успокоить блуждавший в этих местах дух Актеона, прикрыли землей уцелевшие куски его тела и поставили ему на скале медную статую.

15. Дионис – рождение

Дочь фиванского царя Кадма и богини Гармонии по имени Семела обладала необычайной красотой. Когда она подросла, то стала прислуживать богам, которые порой пировали в доме ее отца. Тогда-то и приметил ее царь богов, всемогущий Зевс. Однажды ночью он явился в спальню девушки и признался ей в любви, однако не показывал ей своего обличья. Семела ответила на любовь божества, еще не зная, кто ее возлюбленный и каков он с виду. От этой любви она забеременела, но ревнивица Гера узнала об этой связи и вознамерилась ее разрушить. Однажды она явилась к Семеле под видом старушки-соседки и стала учить ее уму-разуму.

– Девочка моя, как ты можешь быть такой беспечной, – всплеснула она руками. – Люди говорят, что ты беременна невесть от кого! Что о тебе скажут родственники! Твой отец и мать будут опозорены!

– Но мой возлюбленный – бог! – защищалась Семела. – Самый настоящий. Я правда, не знаю, кто это такой…

– А вот ты и заставь показаться тебе в своем истинном обличии, а то мало ли какой голодранец заверяет тебя в своем божественном происхождении, а на самом деле он какой-нибудь пастух или горшечник…

Той же ночью, когда Зевс явился на любовное свидание, Семела потребовала от него предъявить веские доказательства его божественности. Зевс изумился. До той поры никто не смел усомниться в его праве, а тут какая-то девчонка… Вначале он пытался свести все к шутке, потом призвал к логике – разве мог бы не бог проникнуть сквозь заглухо запертые двери?

Но Семела была неумолимой – нет доказательств, не будет и любви!

Разъяренный Зевс скинул с себя личину бледной тени – вмиг спальня царевны озарилась светом, и перед ней предстал царь богов в истинном своем царственном обличии: огромная и величественная фигура, вся в грохоте грома и сверкании молний, от него исходил нестерпимо яркий и жаркий свет, так что запылали занавески, покрывала, подушки и наконец одежда девушки. Ее жалобные мольбы и вопли были не слышны сквозь грохотание грома, так что когда Зевс обратил наконец внимание на свою прелестницу, ее тело уже наполовину обгорело, лишь у ног ее копошился недоношенный плод – ребенок, которого она зачала от Зевса.

Мигом явившийся Гермес, подхватил и ребенка, и Зевс позволил зашить его себе в бедро, где в положенный срок снова родился мальчик Дионис, который затем стал богом виноградарства и виноделия.

В сущности, несмотря на свой веселый нрав, это был самый несчастный из олимпийских богов, поскольку с самого момента рождения он подвергался непрестанным преследованиям ревнивой жены Зевса Геры. Опасаясь ее преследований, Гермес даже на период детства превратил его в козленка, и нимфы горы Ниса выкармливали его медом.

Когда же он чуть повзрослел, то его наряжали в женское платье и прятали среди других нимф.

Затем подросший юноша оправился странствовать по свету с целью обрести себе паству – ведь до тех пор, пока люди не будут знать о новом боге, они не станут приносить ему жертвы, а что за бог без верующих в него? В этих странствиях с Дионисом произошло множество удивительных приключений.

16. Дионис и Тирренские корабельщики

(по „Метаморфозам» Овидия)

Тирренские корабельщики под предводительствои молодого Акойта, плыли на Делос. Раз при наступлении ночи расположились они на берегу Хиоса. Лишь только занялась заря, Акойт поднялся со своего ложа, приказал своим товарищам принести свежей воды и указал им дорогу к источнику.

Между тем сам он взошел на ближайший холм и, посмотрев, какова погода и откуда ветер, стал сзывать своих людей и пошел к кораблю.

– Мы здесь! – крикнул ему один из корабельщиков, ведя за собою женоподобного юношу, который – так думал этот корабельщик, – был хорошей добычей в пустынном месте. Пленник отроческих еще лет едва мог за ним следовать, шатаясь подобно опьяневшему или сонному.

Акойт посмотрел на его лицо, походку и одежду и, не веря, чтобы это был простой смертный, сказал своим спутникам:

– Какое божество облечено в это тело, я не знаю; но верно, что в нем скрывается божество! – И, подойдя к юноше, он обратился к нему с такой речью: – Кто бы ты ни был, будь к нам милостив и дай нам успех в нашем деле. Прости взявшего тебя в плен.

– Не трудись просить за нас! – воскликнул один из толпы грубых корабельщиков, а за ним и другие. Желание добычи ослепило их.

– Я не потерплю, – сказал Акойт, – чтобы наш корабль принял на себя это священное бремя и привлек этим на себя несчастие; я воспользуюсь своею властью!

С этими словами он стал против своих спутников и возбранил им вход на корабль. Тут Ликабас, самый строптивый из всех корабельщиков, схватил Акойта за плечи и хотил было бросить его в море, но тот запутался в веревочных снастях корабля. Наглая толпа, смеясь, хвалилась своей поживой и ввела пленника на корабль, в надежде продать его в неволю и выручить за него хорошие деньги.

Казалось, только теперь шум пробудил чужеземного юношу от тяжелого сна и привел в чувство.

– Что они дедают, отчего такой шум?» – спросил он. – «Скажи, корабельщик, как я попал сюда, куда хотят они меня везти?

– Не бойся ничего, – сказал Пророй, – скажи только, к какой гавани желаешь ты пристать, там мы тебя и высадим на берег.

– К Наксосу, – отвечал юноша, – Наксос мое отечество, и вы будете радушно приняты там.

Лживая толпа поклялась ему всеми богами, что исполнит его желание, и приказала Акойту поднять паруса. Наксос лежал вправо; и когда Акойт направил корабль в ту сторону, закивали ему корабельщики и зашептали на ухо:

– Что делаешь, безумный? Повороти влево!

Акойт изумился и сказал:

– Так пусть же кто-нибудь другой займет мое место! – и, сказав это, сложил с себя свою обязанности шкипера. Глухой ропот послышался в толпе, и Эфалион насмешливо воскликнул:

– Да, в тебе одном ведь все наше спасение! – И с этими словами встал он на место Акойта к рулю и направил корабль в сторону, противоположную Наксосу.

Бог Дионис – а это был именно он в образе юноши – притворился, что только теперь заметил обман, и, окидывая взором море с кормы корабля, сказал, как бы плача:

– Это не та земля, на которую вы обещали меня высадить, не здесь желал я сойти! Что я вам сделал? Какая вам слава в том, что вы обманете меня: вас много, а я один!

Мятежная толпа отвечала смехом на слова юноши и крепче налегала на весла; судно быстро неслось по воднам. Вдруг корабль остановился посреди моря, как бы став на твердую землю. Удивленные, с удвоенной силой ударяли корабельщики веслами по воде, поднимали все паруса. Но внезапно ветви плюща, опутали весла, потянулись вверх и обвили паруса. Бог же облек чело свое венцом из виноградных гроздий, взял в руки тирс[9], обвитый виноградной листвой, и вокруг него стали собираться призрачные образы тигров, рысей и пестрых пантер. Быстро, как бы одержимые безумием или страхом, повскакали гребцы с своих мест. Первым поднялся Медон: спина его была изогнута, тело искривилось, и на нем выросли рыбьи плавники.

– Что за странный вид у тебя! – воскликнул Ликабас, и не успел еще кончить, как голова его стала рыбьей и кожа покрылась жесткой чешуей.

Дибис хотел упереться веслом, как вдруг его руки срослись и превратились в плавники. Кто-то распутывал канат, и вдруг глядит: а у него рук уже нет, ноги превратились в рыбий хвост, и он прыгает в волны.

Со всех сторон бросается превращенная толпа в море, то ныряя в глубь, то всплывая на поверхность; дико кружатся и тиснятся они, превратившись в стаю дельфинов. Из двадцати корабельщиков уцедел только один Акойт, хозяин корабля; он все время стоял испуганный и дрожал от страха, пока подошел к нему бог и не ободрил его словами:

– Не бойся, Акойт, и направь корабль к Наксосу.

Прибыв на остров, Акойт принес могущественному богу благодарственную жертву за свое спасение.

17. Пенфей, Агава и Дионис

(по Эврипиду „Вакханки")

Юный бог Дионис странствовал но земле, распространяя всюду дар свой, веселящий сердце – живительный плод винограда. Благо было тем, кто признал его богом, могучим сыном Зевса; но страшная кара ожидала всякого, кто не хотел признать Диониса и приносить ему жертв. Дионис странствовал не один: его сопровождала многочисленная толпа восторженных женщин, менад. Менады – его непобедимое войско. Вооруженные обвитыми плющем тирсами, восторженные, полные мужества, одаренные от Диониса неодолимой силой, прошли они с богом своим всю Азию и проникли даже до далекой Индии. Всюду на пути своем Дионис распространяя свой культ и осчастливливал людей своими благодатными дарами; всюду основывал города, устанавливал законы. Прибыл он наконец и в Европу, и прежде всего пожелал посетить родной город свой Фивы; но здесь-то и встретил он больше всего противников, не желавших признавать его богом.

В Фивах царем был в ту пору Пенфей – сын Агавы и порожденного землей витязя Эхиона, которому передал царство престарелый дед его, Кадм. Мать Пенфея, Агава, как и сестры ее, не раз обижали мать Диониса Семелу; не раз утверждали они, будто Диониса родила Семела не от Зевса, а от смертного, и будто за неправду Громовержец спалил Семелу огнем, а горницу

[9] Тирс (Фирс) – в Древней Греции жезл Диониса, его спутников и участников празднеств в честь этого бога, увитый плющом, виноградными листьями и увенчанный еловой шишкой.

ее разгромил своими перунами. Пенфей поверил злым женским речам и, завидуя славе родственника, гордец, никак не хотел почтить его.

Дионис пришел отомстить Пенфею и доказать свою божественность. Вначале мать Пенфея, сестер его и всех жен и дев Кадмова города Дионис привел в вакхическое исступление. Побросав веретена и ткацкие станки, поспешили они в Киферонские леса и там, на скалистых горах, под тенью вечно зеленых пихт совершали служение Дионису. Даже Кадм и провидец Тиресий, маститые старцы, давно уже признавшие божественность Диониса, собрались идти в Киферонские горы, чтобы достойно почтить Дениса бога. Но навстречу им попался юный властитель Фив – Пенфей, возвращавшийся домой после недолгого отсутствия. Он уже слышал, что фивянки ушли из города на праздник, что блуждают по лесистым горам, водят хороводы во славу обретенного бога. Разгневался Пенфей, услыхав о служении новому богу, развращающем, как ему думалось, людские нравы. Он уже велел схватить и ввергнуть в темницу нескольких вакханок, надеялся также удержать и образумить мать Агаву и теток – Ино и Автоною.

Всего же больше хотелось Пенфею схватить предводителя иноземных вакханок – этого скомороха, этого волшебника, доведшего фивянок до такого исступления; а он и не знал того, что этот волшебник – сам Вакх, да и никто не подозревал в нем бога. Дабы вернее отомстить Пенфею, Дионис принял вид служителя Дионича, явился цветущим, чернооким, длиннокудрым юношей, с белым, нежным, почти женственным лицом. Не диво, что фивянки были без ума от очаровательного юноши; но что Тиресий и Кадм, маститые старцы, увлеклись им, этого Пенфей понять не мог. В сильном гнев сделал он им резкие упреки, не желая слышать никаких поучений Тиресия о новой религии, никаких просьб Кадма; все более и более раздражался он и наконец издал приказ отыскать обманщика чужестранца, связать его и привести: «Горем отпразднует он этот праздник фиванской земли, – не миновать ему побиения камнями».

И привели ему слуги скованного юношу, которого искали.

Они рассказали, как нашли его на Киферонской горе, как сам он отдался им охотно, как, улыбаясь, велел связать себя и вести к Пенфею. Повидали они также, как вакханки, заключенные Пенфеем в темницу, сами сбросили с себя оковы и как бродят теперь с подругами по горам и величают бога, подавшего им спасенье. Не образумило Пенфея это чудное происшествие, и с язвительною усмешкой подошел он к своему узнику, внушившему даже грубым служителям благоговейный ужас. Бесстрашие чужеземца, его спокойный, полный достоинства вид и уверенность, что могучий бог защитит его от насмешек и угроз юного властелина, также не образумили Пенфея; он повелевает сковать юношу и привязать к яслям в темной конюшне, спутниц же его, менад, продать в рабство или засадить за ткацкий станок.

Узника увели; сам властитель пошел за ним и желая самолично приковать его к яслям; но тут помрачил бог Дионис разум Пенфея. Быка, находившегося у яслей, принял царь за волшебника-юношу и, в поте лица, задыхаясь от бешенства, принялся крутить его веревками по коленам и копытам.

А юноша сидел себе спокойно и глядел на него, как вдруг потряслись палаты Пенфея, дрогнули мраморные колонны, движимые невидимой Вакховою силой; над могилой Семелы, там, где она, пораженная молнией, сгорела в огне Кроониона-Зевса, поднялся огненный столб. Увидев это, Пенфей подумал, что весь дом его объят пламенем; в ужасе заметался он то в одну, то в другую сторону, стал звать слуг тушить огонь; но напрасны были все старания слуг. Думая, что узник освободился от оков, се обнаженным мечом побежал он во внутренние покои своего дома и в преддверии встретил призрак Диониса. Полный ярости, бросился он на этот призрак, ударил его мечом и подумал, что поразил его. Вдруг рухнуло все здание; пораженный Пенфей выронил меч из рук и упадал, а узник между тем спокойно вышел из разрушающегося здания и поспешил к вакханкам, в страхе глядевшим на разрушение дома: знали они, что это дело Диониса. А затем и Пенфей вышел из обрушившихся покоев; помутился ум его, все еще ищет он чужестранца, ускользнувшего из его рук, а юноша – перед ним, и без страха, спокойно выслу-

шивает его угрозы. В это время пришел пастух из Киферона и вот что рассказал о виденных им оргиях фивянок.

– Рано утром, – говорил пастух, – гоню я стада свои на гору и вижу три хора вакханок: в одном заметил я впереди всех Автоною, в другой мать твою, Агаву, в третьем Ино. Все эти жены и девы лежали, объятые дремотой. Одни, прислонясь к ветвистым пихтам, другие, беззаботно раскинувшись на покрывавших землю дубовых листьях. Малейшей нескромности я не заметил ни в лицах их, ни в одежде; не были они отуманены, как говорил ты, ни вином, ни звуками флейт. Вдруг послышался в горах рев быка; громко воскликнула тогда мать твоя и стала будить вакханок, возвещая им, что слышала рев быка. Пробудились юные и старые; встали, сошлись пестрой толпой; распустили они сплетенные волосы, перевязали пеструю оленью шкуру, покрывавшую их, и стали опоясываются змеями, а змеи кротко лобзали их ланиты; увенчанные плющом и дубовыми ветвями. Брали вакханки на руки волчат и кормили их грудью. Одна взяла в руки посох, ударила им по скале, и из скалы звучно заструился источник чистейшей воды; другая ударила посохом о землю, и бог послал источник вина; из земли же текло молоко от малейшего прикосновения к ней; потоки меда лились из зеленых листьев тирса. Когда бы тебе пришлось все это видеть, молитвой почтил бы ты бога, над которым издеваешься постоянно. Увидав эти диковинки, все мы, пастухи овец и быков, сошлись потолковать. Между нашими пастухами один, часто бывавший в городе, великий мастер говорить, обратился к нам с такой речью: «Обитатели святых высот Киферона, не отвлечь ли нам от этой толпы служительниц Вакха Агаву, Пенфееву мать?.. Угодили б мы этим царю». Речь пришлась всем по нраву; мы скрылись в кустах и выжидали. В известный час торжественно замахали вакханки тирсами, призывая бурного Вакха, Зевсова сына, и вся гора, и все дикие звери и птицы откликнулись на этот радостный клик. В пляске пронеслась предо мною Агава. Я выскочил из засады, схватил царицу, она же воскликнула: «Встаньте, мои легконогие вакханки! – мужи преследуют меня… Вооружитесь тирсами и спешите на помощь ко мне!». Тут пустились мы бежать, страшась, как бы не растерзали нас вакханки; но они бросились на стадо коров и быков и проникли в него без железа и оружия. С силой схватила одна мычавшую корову, другие разрывали телят и разбрасывали окровавленные члены их по земле, метали их на деревья. Ярых, круторогих быков повергали на землю тысячи девичьих рук, и в один миг срывали с них шкуры. Подобно птицам легкокрылым, устремились вакханки на города Гизии и Эритреи, что лежат у подножия Киферонских гор, и, как вражье войско, не оставили в них камня на камне. Из домов уносили они детей; на плечах, без всяких повязок несли они их, но не упал на землю ни один ребенок. Полные гнева, бросились на вакханок обитатели тех городов; но тут приключилось неслыханно-странное чудо: острый копья мужей не наносили ран, не капнуло от них у вакханок ни капли крови; девы ж и жены тирсами наносили раны мужам и, не без помощи бога обратили их в позорное бегство. Затем воротились фивянки к источникам, что даровал им Дионис, и смыли с рук кровь… Властитель, прими ты в наш город мощного бога; кто бы он ни был – сила его необорима! Он же, гласит так преданье, нам, людям, принес виноградную лозу. Не будь вина, говорят, не видать бы людям и радости на земле.

Хотя Дионис, по рассказу пастуха, и достаточно проявил свою мощь, но Пенфей еще больше укрепился в своем намерении преследовать его и бороться с ним до конца. Собрал он все свое войско, чтобы положить конец безумству женщин. Дионис, правда, предостерегал его, уверяя, что безумно выходить против бога с оружием, что лучше будет принести богу жертву, чем возбуждать его гнев. С горечью отверг Пенфей его совет:

– Кровь преступных жен, – говорил царь, – будет моей жертвой этому богу.

Но близка была уже кара Пенфею от Диониса: бог привел его в полное помешательство, уговорил его одеться в женское платье, выйти на Киферонские горы и там поглядеть на пляски и неистовства восторженных фивянок. В то время, как шли они по улицам Фив, Пенфею казалось, что спутник его превратился в быка круторогого; двоилось перед ним солнце, двоились

и семивратные Фивы. Вот достигли они Киферона, незаметно подкрались к той замкнутой скалами долине, в которой, под тенистыми пихтами, уселись поклонницы Вакха; одни из них украшали свой тирс свежим плющом, другие пели веселые хороводные песни во славу чтимого ими бога. Не видя менад, Пенфей сказал Дионису:

– Чужеземец, не лучше ли с холма или с высокой пихты посмотреть нам на вакханок: отсюда я ничего не вижу.

Услышав это, Дионис ухватился за высокую пихту, пригнул ее дугою к земле и на высокий сук посадил Пенфея. Дав пихте медленно распрямиться, Дионис исчез, оставив Пенфея на дереве в виду у вакханок. И, с высот эфира послышался голос его:

– Девы! я привел к вам того, кто издевался над вами, надо мной и моими оргиями: воздайте же ему за это.

И с этими словами в воздухе заблистала молния Зевса.

Смолк тогда эфир, притихли листья на деревьях, притихли звери и птицы. Вакханки, не вслушавшиеся в слова Диониса, осматривались вокруг с напряженным вниманием; но когда вторично раздался призыв Диониса, мать Пенфея, Агава, сестры ее и все вакханки бросились, как легкокрылые лесные голубки, в ту сторону, откуда раздавался клик. Воодушевленные пламенным Вакхом, устремились они через горы и скалы и, увидев царя на пихте, взобрались на соседнюю скалу и оттуда стали бросать в Пенфея камни и тирсы.

Но тщетны были их усилия: пихта, на которой сидел беспомощный, несчастный Пенфей, была слишком высока. Тогда дубовыми сучьями принялись они окапывать дерево, желая вырыть его с корнем; но не по силам им был такой труд. И тогда мать Пенфея воскликнула наконец:

– Окружим-ка проворней дерево, схватимся за него и изловим зверя: не будет он тогда нарушать таинственные хороводы бога.

Тысячи рук схватились за дерево и вырвали его из земли. Несчастный Пенфей упал на землю, горько зарыдал и застонал, видя свою беду неминучую. И вот мать его, Агава, первая наложила на него свои убийственные руки. Пенфей сорвал с головы повязку, чтобы мать признала его и не предавала смерти и, прикасаясь к ее лицу, так говорил:

– Милая мать, я сын твой Пенфей, порожденный тобою в дому Эхиона: сжалься ты надо мною, не убивай преступного сына.

Но мать, в исступлении, не слышала его; дико, как безумная, поводила она вокруг глазами: так помутил ее ум Дионис. Схватила Агава сына своего за левую руку, уперлась ногою в грудь его и вырвала руку по самое плечо. С тем же исступлением Автоноя и Ино бросились на Пенфея, а за ними целая толпа вакханок. Пока еще жив был злосчастный, громко стонал он, и радостными кликами отвечали ему менады. Но вот жизнь оставила Пенфея – по скалам и густому кустарнику разбросали вакханки части его тела.

Мать Агава приняла голову его за голову львенка и, насадив на тирс, ликуя, понесла голову сына в высоковратные Фивы, величая победу дарователя фина Диониса, и в Фивах с торжеством показала славную добычу всему народу и отцу своему Кадму, только что вернувшемуся с Тиресием с Киферонских гор.

Силою слова избавил Кадм Агаву от помешательства, и сознала она свое ужасное дело, и познала праведную кару Диониса, которому воспротивился его же собственный его род.

18. Ион

(по Эврипиду „Ион")

У Креузы, дочери знаменитого афинского царя Эрехфея, родился от Аполлона сын. Страшась отчего гнева, скрыла она своего малютку. В непроглядную ночь положила она его в гроте Пана, на склоне северной афинской скалы. Надеялась Креуза, что Аполлон не даст сво-

ему сыну погибнуть. Бережно завернув ребенка в свое покрывало, уложила она его в корзинку и с ним положила золотую драгоценную вещь, по которой, думала она, со временем, может быть, ей удастся открыть сына. Аполлон не забыл о своем детище и молвил брату своему Гермесу:

– Поспеши, милый брат мой, в Афины, к народу Афины-Паллады, перенеси из Панова грота в Дельфы новорожденного малютку, и в Дельфах, в той же корзинке, положи его у храмового входа. О дальнейшем я сам позабочусь: ребенок тот – сын мой.

Гермес в ту же ночь перенес малютку в Дельфы и там положил его на пороге Аполлонова храма, в который смертные приходили за предсказаниями, и, сняв с корзинки крышку, удалился. Рано утром, вступая в храм, провозвестница будущего, Пифия, увидела мальчика и, подозревая, не лежит ли на нем какое-нибудь преступление, уже решилась было отнести его подальше от священного порога; но вдруг Феб изменил ее помыслы: исполнилась Пифия сострадания, подняла малютку и решилась его воспитать. Так, играючи, вырос сын Аполлона у алтаря отца своего, и когда достиг юношеских лет, дельфийцы вручили ему на хранение ключи от храма. В храме с тех пор и поселился юноша.

Креуза же, мать его, вышла за Эолова сына Ксуфа, который, переселившись из Фессалии в Аттику, поддерживал Эрехфея в упорной войне его с эвбейцами, за что царь и отдал ему руку своей дочери. Долго не было у них детей, и вот вздумали супруги отправиться в Дельфы к оракулу Аполлона. «Не услышит ли, думали они, бог нашей молитвы, не благословит ли он нас детьми?». Сам Аполлон внушил им эту мысль.

В тот день, когда Креуза появилась в Дельфах, рано утром вышел из дверей храма благочестивый юноша и приветствовал начинающийся день:

– Вот на пламенных конях своих поднимается над землею Гиперион[10]. Улетают звёзды от лучезарного лица его в область священной ночи! Необитаемые высоты Парнаса освещаются светом пробуждающегося дня, лучи восходящего солнца разливаются на племена людские. От согретой солнцем мирры благоухание восходит к горе Аполлона, где на священном престоле восседает дельфийская жрица и возвещает народу эллинов волю грозного Аполлона. Дивное служение совершаю я тебе, о Аполлон, в священном храме! Никогда не отступлю я от своего достохвального дела. Величаю тебя, о Феб, величаю тебя воспитатель мой, отец мой – Пеан, Пеан[11]! Радуйся, радуйся вечно, отрасль Латоны!

Таким гимном сопровождал юноша свое служение Аполлону. С песнями увешивал он колонны храма венками и ветвями лавра, окроплял храмовый пол водою, обметал его лавровыми ветвями и отгонял от храма птиц, чтобы не садились они на блистающие золотом зубцы кровли, чтобы не портили священных предметов, принесенных в дар Аполлону. Еще не окончил юноша своего дела, как увидел он: окруженная толпою прислужниц, стройная, величественная видом и уже не молодая женщина приближается к храму. Поражен был юноша величественной наружностью незнакомки и, видя, что не с радостью, как другие, а со слезами подходит она к Аполлонову храму, юноша вышел ей навстречу, спросил о причине печали; спросил, откуда она и как ее имя. Креуза назвала себя, сказала, что она дочь славного Эрехфея и супруга Ксуфа, властвующего теперь над Афинами, что, бездетная, пришла она с мольбою к Фебу – разрешить ее бесплодие. Утаила Креуза прямую причину слез своих при виде Аполлонова храма; не сказала она, что припомнилась ей давнишняя любовь Аполлона, что вспомнила она про сына, может быть, погибшего, растерзанного дикими зверями; но про участь свою рассказала, скрыв себя под чужим именем.

– Одну подругу мою, – так начала Креуза, – осчастливил некогда любовью своей Аполлон, но скоро покинул ее, вероломный. Ребенок был оставлен матерью тотчас же по рождении,

[10] Другое имя или прозвище бога Солнца Гелиоса Кон.

[11] Другое имя или прозвище бога Аполлона.

и с тех пор нет о нем никакого слуха. Я хочу вопросить оракула Аполлона об этой злосчастной женщине. Теперь, о юноша, сын ее был бы уже в твоих летах: счастливица твоя мать, что вырастила такого прелестного сына!

А юноша ей в ответ:

– У меня нет матери, и отца я не знаю. Какими судьбами я здесь, мне неизвестно. Жрица храма воспитала меня, как служителя Аполлона, как его достояние.

– О как жаль мне тебя, друг мой! Как судьба твоя сходна с моей: ты горюешь о том, что у тебя нет матери, а подруга моя горюет о сыне.

Так говорила Креуза, но смолкла, увидев супруга своего.

Ксуф возвращался в это время от Трофониева оракула[12], что в Беотийской Ливадии, и принес от него благоприятный ответ.

Правда, Трофоний не хотел давать полного ответа прежде, чемь не даст его Аполлон, и возвестил лишь, что Ксуф и Креуза не возвратятся бездетными из дельфийского храма. По наставлению юного Аполлонова служителя, Ксуф вошел во внутреннее святилище храма за ответом Пифии; Креуза же, увенчанная лавровым венком, пошла к отдаленному алтарю Аполлона и взмолилась ему о благоприятном ответе. А в это время юный служитель Аполлона продолжал свое дело в притворе храма.

По вот отворилась дверь святилища, и Ксуф возвратился из него; радостно обнял он приближающегося к нему юношу и назвал его своим сыном. Юноша, сочтя Ксуфа за помешанного, оттолкнул его от себя, но старик не отходил от него.

– Сам бог даровал мне тебя в сыновья, – он возвестил мне, что сына встречу я, выходя из святилища; повинуйся же богу, дитя мое, признай отца своего.

А юноша ему в ответ:

– Не доверять богу грешно, итак приветствую тебя и обнимаю тебя как отца.

И радостно заключили они друг друга в объятия. Не понимали отец и сын, как могло все это случиться, но можно ли не верить Аполлону – богу?

Не желая, чтобы принятие в дом неожиданного для Креузы пасынка не внушило ей каких-нибудь подозрений и не огорчило ее, Ксуф решил сначала ввести Иона – так наименовал он сына – в дом свой, как чужеземца. Впоследствии же, в благоприятное время, когда Креуза полюбит юношу, с ее согласия, он решил признать его сыном и наследником власти.

Ксуф удалился с Ионом из храма, чтобы через глашатая призвать дельфийцев на великий пир, который хотел он устроить в честь своего сына или – как он говорил – гостя.

А в это время Креуза, вместе со старым слугой, возвращалась от алтаря Аполлона, ничего не зная о случившемся.

Прислужницы Креузы, которые, ей на горе, слышали и видели, как Ксуф усыновил Иона, открыли ей тайну, которой, до времени, не должна была знать Креуза и разглашать которую запретил им Ксуф под страхом смерти.

– Муж твой, – говорили они, – тебе на позорь хочет ввести в дом взрослого своего сына – юного стража Аполлона. Здесь, наверное, кроется какой-нибудь злой обман; приемыш этот, наверное, сын Ксуфа, рожденный ему какой-нибудь посторонней. И вот безродный чужеземец наследует со временем трон Эрехфея, а сама дочь Эрехфея, возлюбленная властительница паша, бездетная и презираемая, будет влачить жизнь изгнанницы в своем собственном доме.

Невыносимою казалась такая будущность для прислужниц, еще невыносимее она была для исполненной страха и гнева царицы. Под одною кровлей жить с этим пришельцем казалось ей невозможным. Оскорбленная, не помня себя от печали и гнева, Креуза одобрила даже план старого, преданного царскому дому служителя, который решился отравить юношу на пиру.

---

[12] Древний оракул, один из наиболее авторитетных, располагался в пещере, наполненной ядовитыми испарениями газов. Предсказаниям сопутствовал сложный ритуал очищения.

В это время Ксуфа уже не было в Дельфах. Он удалился на двойную вершину Парнаса, посвященную Аполлону и Дионису, чтобы там принести богам жертву в благодарность за дарование сына; Ион же в его отсутствие должен был устроить в Дельфах великий пир. На красивых колоннах раскинул он великолепную палатку и украсил ее коврами и пышными тканями. Во множестве пришли дельфийские мужи на пир; длинною вереницей уселись они, увенчанные венками из цветов, за столы, уставленные богатыми золотыми и серебряными сосудами, и с наслаждением вкушали сладкие яства и пили прекрасные вина. Когда, после еды, следовало совершить возлияние богам, вошел в палатку старый слуга и развеселил всех гостей своею услужливостью. Поспешно подавал он гостям воду для омовения рук, зажигал курения и разносил золотые кубки. Когда раздались потом звуки флейты и когда чаши были наполнены вином, смешанным с водою, старый слуга поставил перед гостями большие кубки, чтобы гости скорее предались веселью. Молодому же своему господину поднес он самый красивый кубок, наполненный до краев.

Когда Ион приготовился вместе с другими совершить богам возлияние, у одного раба случайно вырвалось богохульное слово.

Ион, выросший в храме, среди гадателей, увидел в том не добрый знак, вылил вино на землю и предложил гостям последовать его примеру и наполнить кубки свежим вином.

Гости, в молчании, последовали совету Иона. В это время прилетела целая стая священных голубей, которых держали неподалеку от Аполлонова храма. Голуби стали летать по обширной палатке. Томимые жаждой, слетелись они к пролитому вину и утоляли жажду. Все голуби оставались невредимы, лишь одна голубка, та, что ближе всех подлетела к Иону, как только испила вина, пролитого из Ионова кубка, задрожала, закружилась, стала издавать странные, пронзительные звуки.

Все изумились, видя мучения голубки. Не долго металась и трепетала бедняжка: скоро протянула она пурпурные ножки свои и испустила дыхание. Вскочил тогда Ионе со своего места, разорвал на себе одежду и воскликнул:

– Какой смертный замышляет мне смерть? Говори, старик, – из твоих рук принял я кубок!

Перед пыткой сознался раб, что в вино подмешал он яду и что Креуза знала об этом.

Ион перед старейшинами дельфийскими обвинил Креузу в покушении на убийство. Судьи единогласно решили, что чужестранка, дочь Эрехфея, покушавшаяся на жизнь человека, посвященного богу, и осмелившаяся исполнить свое намерение близ святилища Аполлона, должна быть побита камнями.

Все дельфийцы принялись искать преступницу. Креуза скрылась у одного алтаря перед Аполлоновым святилищем, и там Ион нашел ее. Уже готов был юноша поразить Креузу, как из храма показалась воспитательница его, Пифия, которую чтил он как мать, и остановила его. Жрице нужно было видеть Иона, чтобы вручить ему ту корзинку, в которой он найден был когда-то у порога дельфийского храма; эту мысль внушил ей бог Аполлон.

– До сей поры, говорила жрица, – Аполлону было угодно, чтобы ты был служителем в его храме, а потому я держала корзинку у себя. Теперь, когда Аполлон указал, кто твой отец, когда настало для тебя время покинуть храм и отправиться вместе с отцом в Афины, я должна возвратить тебе ее, как средство найти мать.

Полный светлых надежд, Ион взял убранную венками и лентами корзинку из рук своей воспитательницы, но скоро овладели им грустные мысли: Пифия напомнила ему о матери, которая безжалостно его покинула, не вскормила своей грудью; припомнил Ион и то, как рос он, безыменный ребенок, не видя материнских ласк. «Не лучше ли, думал он, забыть мне мать свою, чем искать встречи с нею? Но нет, ни одному смертному не избегнуть своей участи, – не буду и я противиться милости бога, который вознамерился возвратить мне мать. Возьму же я лучше корзинку и открою ее».

Креуза, все это время не отходившая от алтаря, видела все, расслышала разговор и узнала корзинку, в которую когда-то положила своего милого ребенка. Быстро сошла Креуза со ступеней алтаря и бросилась к своему сыну.

– Хватайте, вяжите ее, она хочет бежать! – воскликнул Ион; но Креуза уже заключила его в свои объятия. – Что за чудо! Она меня ловит!

– Нет, ты не понял меня: я нашла любимого сына. Ты – сын мой, сокровище мое!

– Лживая, неужели ты надеешься обмануть меня и избежать казни?

– Эта корзинка будет говорит за меня; спроси, и я скажу тебе, что в ней. Разверни ткань, я сама ее вышивала: в средине на ней вышито изображение горгоны, еще не оконченное, – это была только проба, – вокруг горгоны вышиты змеи.

Юноша нашел все это.

– Что еще в корзинке?

– Два маленьких золотых дракона, старинный дар Афины-Паллады, – это шейный убор для новорожденного малютки. Здесь же найдешь венок из ветвей оливы, растущей на скалистых высотах Паллады, на Афинском Акрополе: им я увенчала тебя. Если ветви еще целы, то зелень их свежа: Они были отломаны от неувядающей оливы Афины-Паллады.

И в самом деле, не поблекший венок лежал на дне корзинки.

– О, дорогая моя, о, мать моя! – воскликнул юноша и вне себя от восторга, бросился в объятия счастливой матери.

Так нашла мать своего сына, которого, думала она, давно нет на свете. Когда Ион пожелал видеть Ксуфа, отца своего, чтобы с ним разделить свою радость, Креуза открыла юноше, что отец его не Ксуф, а сам Аполлон.

– Аполлон дал тебя, сына своего, другому отцу, супругу твоей матери, чтобы властвовать тебе над Афинами.

Так прекрасный сын Аполлона, усыновленный Ксуфом, прибыл в Афины и, как потомок Эрехефея, восстановил славный, уже угасавший царственный род Эрехфидов. От внука Эрехфеева Иона получило имя далеко распространенное племя ионян.

19. Прокрида и Кефал

(из „Метамофоз" Овидия)

Прокрида, дочь афинского царя Эрехфея, была прекраснее всех сестер своих. Нежно любила она прекрасного юношу Кефала, сына Гермеса и Герсы, и им была нежно любима. Охотно исполнил отец желание обоих, сочетал их браком, и были Прокрида и Кефал счастливейшею в мире четой. Счастье их не продолжалось однако и двух месяцев. Как-то рано утром Кефал охотился на оленей на цветистых высотах Гиметта.

Увидала его прекраснокудрая богиня Эос и, мгновенно объятая любовью к нему, увлекла его в пурпурный чертог свой. Но как ни прелестна была богиня, Кефал не полюбил ее. Не мог он забыть своей Прокриды и томился по ней тоскою.

– Перестань печалиться, неблагодарный! Пусть будет твоей Прокрида, только не пожалел бы ты, что она была твоею.

Так сказала Эос и отпустила упрямца. На прощание она внушила Кефалу недоверие к супруге и посоветовала ему, незаметно для нее, испытать ее верность. Неузнанный, вошел он в дом. Прокрида все еще оплакивала погибшего супруга. Напрасны были все попытки чужеземца снискать любовь Прокриды, и в дом-то пустила она его не вдруг.

– Я принадлежу одному лишь, говорила Прокрида, где бы он ни был, я буду верна ему.

Будь Кефал в здравом уме, ему было бы довольно этих доказательств верности; по нет, безумный, он продолжал настаивать. На свое же горе, предлагал он ей всё больше и больше ценных подарков, давал всевозможные обещания, и твердость Прокриды начинает колебаться.

– Теперь-то я вижу вину твою! – торжествующе, наконец, вскричал Кефал. – Не пришлый я искатель руки твоей, я – Кефал, свидетель твоей неверности, подлая!

Прокрида в ответ ему не сказала ни слова. Глубоко оскорбленная такой злою пыткой, мучимая стыдом и раскаяньем, удалилась она на остров Крит и там, презрев из-за одного всех мужчин, вместе с богиней Артемидой стала охотиться по горам. Но и на Критских горах не могла она забыть любовь свою. Артемида подарила любимице быструю, как ветер, собаку (пса по кличке Лайлап) и дивный охотничий дротик. Никогда тот дротик не давал промаха и всякий раз, после удара, возвращался в руки того, кто его бросал.

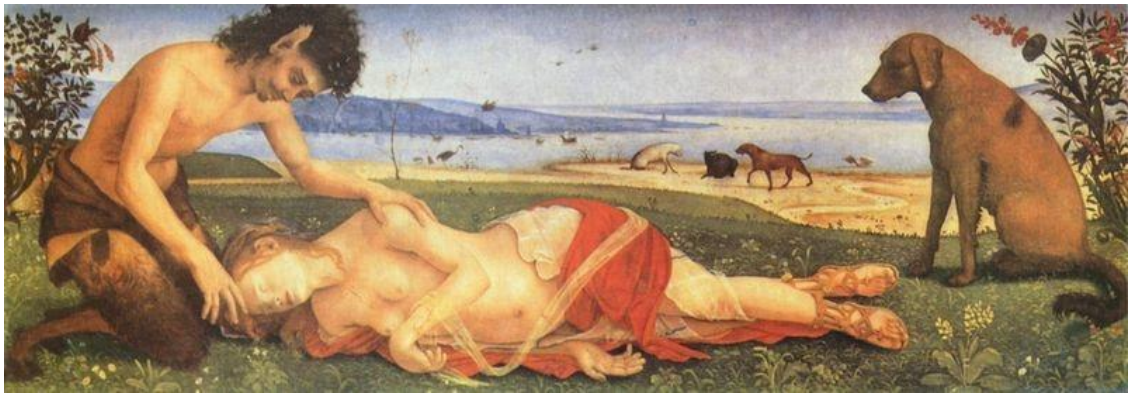
С этими дарами возвратилась Прокрида на родину, и не узнанная, подошла к своему, охотившемуся в лесах, супругу.

Быстроногий пес и чудный дротик привели его в такой восторг, что Кефал готовь все отдать за них. Прокрида сделала вид, что согласна уступить их Кефалу, если он станет ее супругом и, получив согласие, открыла ему себя. Теперь оба могли попрекнуть друг друга в неверности и простили друг друга, и зажили они опять в добром согласии.

С собакой и дротиком, дарами своей супруги, Кефал не раз хаживал на охоту. Так. однажды, по приглашению фивян, принял он участие в охоте на злую тевмесскую лисицу, которую наслал разгневанный Дионис на Беотийскую землю. Молодые охотники окружили широкое поле, на котором держалась лисица; но легко перескакивала она растянутые сети и быстрее птицы скрывалась от преследовавших ее собак.

Молодежь обратилась к Кефалу, прося его спустить и своего пса, уже давно рвавшегося из тесного ошейника. Едва лишь спустили его; как он, как из лука стрела, погнался за лисицей и в один миг скрылся из виду, только след его виднелся на песке. С ближнего холма наблюдал Кефал эту погоню.

Уже пес догонял лисицу, готов уже был схватить ее, но та вновь и вновь уворачивалась и убегала. То прямо мчится она, то кружится по широкому полю, а пес все за ней по пятам. Так и кажется, что пес вот-вот схватит ее, вонзит в нее свои зубы; но, нет, снова и снова кусает он воздух. Кефал решился наконец прибегнуть к не дающему промаха дротику. Прилаживая дротик, Кефал на мгновенье упустил из виду лисицу и ее преследователя; но как только обратил опять в ту сторону свой взор, увидел он дивное чудо: на поле стоят две мраморные фигуры, лисица как будто бежит, а пес не может догнать ее. Бог Зевс пожелал, чтобы ни за той, ни за другим не осталась на этом состязании победа.



Прокрида и Кефал

Много лет после этой истории Прокрида и Кефал прожили в любви и согласии. Прокрида не предпочла бы даже Зевса милому супругу, Кефал же ей – Афродиты. Каждый день, с первыми лучами солнца, Кефал выходил на охоту, без слуг и коня, без собаки и сети, – ему

довольно было верного копья. Утомясь, ложился он в тени деревьев и призывал он ветерок освежить горячую его грудь.

– Авра![13] – говорил он, – радость моя, ты подаешь мне отраду, ты услаждаешь мое уединение, при тебе так отрадно в лесу, твое дыханье так освежительно.

Кто-то подслушал эти слова и подумал: «Не иначе как эта Авра, которую Кефал так часто и так нежно призывает, – это какая-нибудь любимая им нимфа». Поспешил подслушавший к Прокриде, и все рассказал ей. Прокрида поверила, – так легковерна любовь! Как убитая, без чувств упала она на землю и, когда поднялась, горько стала жаловаться на неверного супруга и сетовать о своем горе: даже тени боится Прокрида, боится соперницы, которой нет. Но по временам овладевают Прокридой другие мысли; она начинает сомневаться в справедливости слышанного и не теряет надежды убедиться, что Кефал оклеветан. Не доверяя предателю-подслушнику, она решилась собственными глазами убедиться, справедливы ли слова его, прежде чем обвинить в измене милого.

На другой день, лишь только пробудилась румяная заря, Кефал пошел в лес на охоту. Опять стал он призывать Авру, как вдруг услышал чей-то глубокий вздох.

– Приди ко мне, радость моя! – повторил Кефал, но вот тихий шелест послышался в кустах. Кефалу показалось, что в кустарнике скрывается дичь, и метнул он в ту сторону свое не дающее промаха копье.

– Горе мне! – воскликнула Прокрида – то была она: копье попало ей прямо в грудь.

Услышал Кефал голос своей верной супруги, без памяти бросился к ней и увидел: Прокрида, полуживая, истекая кровью, вынимает из раны копье – свой собственный дар милому мужу. Бережно поднимает Кефал с земли супругу, берет ее на руки, перевязывает рану, останавливает кровь и молит милую не умирать, не покидать его, преступного. Обессилев и чувствуя близкую смерть, Прокрида с трудом промолвила еще нисколько слов.

– Нашей любовью, Кефал, богами света и смерти заклинаю тебя, не вводи ты этой Авры в нашу брачную горницу.

Тут только Кефал понял несчастную ошибку; успокоил он супругу, да уж поздно. Вместе с кровью, оставили ее последние силы. Пока жива еще была Прокрида, смотрит она – не насмотрится на мужа, будто хочет в уста его вдохнуть свою душу; но скоро смерть смежила ей очи, и она спокойно скончалась.

20. Дедал

(по „Метаморфозам" Овидия)

Потомок Эрехфея, Дедал, величайший художник древности, прославился своими чудными произведениями. Далеко разнеслась молва о сооруженных им прекрасных храмах и дворцах, особенно же о его чудных статуях, которые, казалось, вот-вот сейчас начнут двигаться и глядеть. Статуи прежних художников имели вид мумий: ноги придвинуты одна к другой, руки плотно прижаты к торсу, глаза закрыты, – Дедал же открыл своим статуям очи, придал им движение и развязал им руки. Он же изобрел множество полезных для своего искусства орудий, таких как: топор, бурав, ватерпас. У Дедала был племянник и ученик Тал, своей изобретательностью и гениальностью обещавший превзойти дядю; еще мальчиком, без помощи учителя, изобрел он пилу, на мысль о которой навел его рыбий плавник; затем изобрел он циркуль, долото, гончарный круг и многое другое. Всем этим возбудил он в дяде ненависть и зависть к себе, и Дедал убил своего племянника, сбросив его с афинского утеса Акрополя. Дело получило огласку и, чтобы избежать казни, Дедал вынужден был покинуть родину. Он убежал на остров Крит вместе со своим маленьким сыном Икаром, к царю города Кносса Миносу, кото-

[13] Aura – по латыни буквально означает «ветерок».

рый принял его с распростертыми объятиями и поручил ему множество художественных работ. Между прочим, Дедал построил в Кноссе знаменитый лабиринт – огромное здание, со множеством извилистых и запутанных ходов. в котором держали страшного быкоголового человка – Минотавра.

Хотя Минос дружески обращался с Дедалом, тем не менее художник скоро заметил, что царь смотрит на него, как на своего пленника, и, желая извлечь из его искусства возможно больше для себя пользы, вовсе не хочет когда-либо отпустить его на родину. Когда же Дедал увидел, что за ним следят и его стерегут, горькая доля изгнанника стала ему еще тягостнее, а любовь к родине пробудилась в нем с двойной силой, и он решился убежать с Крита каким бы то ни было способом.

«Пусть закрыты для меня водные и сухие пути, – думал Дедал, – передо мною небо, в моих руках воздушный путь. Всем может владеть Минос, только не небом.

Так подумал Дедал и стал помышлять о неизвестном ему дотоле предмете. Искусно стал он прилаживать перо к перу, начиная с самых маленьких; в средине перевязал их нитками, а внизу слепил воском, и составленным таким образом крыльям придал небольшой изгиб, так что они стали вполне схожи с настоящими крыльями.

Пока Дедал занять был своим делом, сын его Икар стоял возле него и всячески мешал работе. То бегал он со смехом за летавшими по воздуху перышками, то мял желтый воск, которым художник прилеплял перья одно к другому.

Изготовив крылья, Дедал надел их на себя и, взмахнув ими, поднялся на воздух. Пару небольших крыльев сработал он и своему сыну Икару и, вручая их, дал ему такое наставление:

– Держись средины, сын мой; если ты опустишься очень низко, волны смочат твои крылья, а поднимешься слишком высоко, солнце опалит их. Между солнцем и морем избери средний путь и следуй за мною.

И вот прикрепил он крылья к плечам сына и научил его подниматься над землею.

Давая эти наставления Икару, старец не мог удержаться от слез, и руки его дрожали. Растроганный, обнял он в последний раз сына, поцеловал его и полетел, а сын за ним. Словно птица, в первый раз вылетевшая из гнёзда вместе с детенышем, боязливо оглядывался Дедал на своего спутника, ободрял его, указывал, как нужно владеть крыльями. Скоро поднялись они высоко над морем, и все сначала шло благополучно. Немало народу дивилось этим воздушным пловцам. Рыбак, закинув свою гибкую удочку, пастух, опираясь на посох, земледелец – на рукоятку плуга, глядели на них и думали, не боги ли это плывут по эфиру. Уже за ними лежало широкое море, и Патмос и Делос, слева оставался остров Самос, справа – Лебине и Калимна. Ободренный удачей, Икар стад лететь смелее, оставил своего руководителя и высоко поднялся к небу, чтоб омыть грудь свою в чистом эфире. Но вблизи от солнца растопился воск, слеплявший крылья, и они распались. Несчастный отрок в отчаянии махал голыми руками, но

воздух уже не держит его и падает Икар в глубокое море. Едва успел он прокричать в испуге имя отца, как жадные волны уже поглотили его. Отец, испуганный его отчаянным криком, напрасно озирался вокруг, напрасно искал он сына, – нет у него быльше сына.

– Икар, Икар! – взывал он. – Где ты? Где искать мне тебя?

Но вот увидел он перья, носимые волнами, и все стало для него ясно. В отчаянии Дедал опустился на ближайший остров, и там, проклиная свое искусство, бродил он, пока волны не прибили к берегу Икарова трупа. Похоронил он здесь отрока, и с тех пор остров тот стал называться Икарией, а море, поглотившее его, Икарским.

Из Икарии Дедал направил путь свой к острову Сицилии.

Там он был радушно принять царем Кокалом и не мало художественных работ исполнил он для этого царя и для его дочерей. Минос же тем временем узнал, где поселился художник, и с большим военным флотом прибыл в Сицилию, чтобы потребовать выдачи беглеца. Но дочери Кокала, полюбившие Дедала за его искусство, коварно умертвили Миноса: они приготовили ему теплую ванну, и в то время, пока он сидел в ней, разогрели воду так, что Минос из нее уже не вышел.

Дедал так и умер на Сицилии, или, если верить афинянам, под старость лет возвратился на родину, в Афины, где славный род Дедалидов, от которого произошел мудрый Сократ, считает его своим родоначальником.

21. Эак

(по „Метаморфозам" Овидия)

Однажды Зевс, приняв вид орла, похитил нимфу Эгину – дочь бога реки Асопа. На острове Энона, Эгина родила Зевсу сына Эака, который, достигнув зрелого возраста, стал властвовать над этим островом, который переименовал в честь имени матери своей в Эгину.

Эак был добродетельнейший муж во всей Греции и за свою правдивость, благочестие, набожность и кротость был любимцем и другом богов. Так правдив был Эак, что сами боги избирали его судьей в своих спорах, и, по смерти, посадили его вместе с Миносом и Радамантом судьей в царстве теней.

Когда вся Греция страдала от страшной засухи, Дельфийский оракул предсказал, что бедствие не прекратится до тех пор, пока не помолится богам любимец их, благочестивый Эак. Со всей Греции собрались в Эгину послы, и по просьбе их Эак принес на Панелленской горе жертву Зевсу, защитнику всех эллинов, и тогда, по воле Зевса, пролился на землю обильный дождь.

Эака любили все боги, кроме одной лишь Геры: не могла она забыть, что Эак – сын Зевса от ее соперницы. Самый остров, носивший имя ее соперницы, был ей ненавистен, и решилась она поразить этот остров великим бедствием – страшной болезнью, моровой язвой.

Густой туман спустился над Эгиной, и только через четыре месяца теплый, но зловредный ветер рассеял туман. Тысячи ядовитых змей появились тогда в источниках, реках и на суше, все отравляя своим прикосновением. Первыми жертвами язвы были: домашний скот, птица и дичь. Внезапно падал бык в плуге; обессилев, валился ретивый конь у своих яслей; вяло бродил олень; робко поникли головою вепрь и медведь; трупы их заражали воздух, загрязняли леса, поля и дороги. Ни пес, ни хищная птица не касаются их; они гниют и распространяют заразу среди народа в селениях и в пригородах, И вот стали гибнуть и люди. Первыми признаками болезни были: внутренний жар и горячее дыхание. У больного опухал язык, сохли губы и глотка, и горячечное тело не могло выносить ни одежды, ни постели. Чтоб освежиться, больные бросались на голую землю, рвались к колодцам, источникам и рекам, желая утолить свою жгучую жажду; но все напрасно. Многие, припав к воде или погрузившись в нее, так и не вставали; а вслед за ними другие с жадностью бросались к той же воде и гибли. Дома опустели.

Чуть живые, бродили по улицам их обитатели, пока могли держаться на ногах, или валялись по земле. Сначала трупы хоронили или сжигали, но скоро для могил не находилось места, а для костров – дров. Помощи, спасения ждать было не откуда, – исчезла всякая надежда, всякое мужество.

С отчаяньем в сердце видел царь бедствия свох граждан: куда ни взглянет он, всюду гибнет народ, всюду грудами распростерты по земле трупы. Как опавшие яблоки под яблоней, как желуди под истерзанным бурею дубом, лежат на земле умирающие и уже испустившие последнее дыхание. У кого есть еще силы, те идут в храм Зевса, приносят ему жертвы, молят его о спасении; но и во время молитвы вдруг падают, и тьма покрывает их очи. Сам Эак пожелал принести пред алтарем Зевса жертву за себя, за троих сыновей своих и за народ. Вдруг с ревом упал на землю жертвенный бык. Жертвоприношение не удалось; посмотреть во внутренности животного, узнать по ним волю богов – не было возможности. Спасения нигде нет. Перемер весь эгинский народ, остались в живых лишь Эак да сыновья его.

Безутешный, поднял тогда Эак руки к небу и воскликнул: «О, Зевс! если правда, что я сын твой, возврати мне народ мой или дай и мне последовать за ним в область Аида».

Не успел он окончить, как заблистала молния и раздались страшные раскаты грома. Обрадовался Эак и воскликнул:

– Зевс, отец мой, пусть этот гром и эта молния будут для меня знамением грядущего счастья!

Тут взглянул Эак на стоявший подле него дуб, выросший от желудя додонского священного дуба, и увидел целый рой муравьев, усердно работавших над своим хозяйством. Подивился Эак их многочисленности и воскликнул:

– Столько граждан дай мне, отец мой, чтоб я мог заселить ими опустелый город!

Задрожал тогда высокий дуб, зашумел ветвями, а ветра не было в то время никакого. Содрогнулся Эак, пал на землю, облобызал он ее и священный дуб Зевса. Мало надеялся он на то, что Зевс исполнит его желание, но все же надеялся, и желанье свое затаил в сердце.

Настала ночь, и сон объял его усталые члены. Во сне привиделся ему тот же ветвистый дуб, а на ветвях те же хлопотливые муравьи. Вдруг затрясся дуб, и муравьи попадали на землю. Вот как будто становятся они все больше и больше, выпрямляются, теряют худобу и черноту свою и принимают человеческий образ. Увидев это, пробудился Эак и проклял свое виденье, и посетовал на богов, что не помогают они ему. Но вот слышит он в доме своем сильный шум: послышались человеческие голоса, от которых уже отвык он.

«Не сон ли и это?» думает Эак, но к нему бросился сын его Теламон и сказал:

– Погляди, отец мой, ты увидишь то, о чем ты никогда не думал, на что никогда не надеялся.

Царь пошел за ним и увидел тех же людей, что явились ему в видении. Мужчины подошли к Эаку и приветствовали его, как своего царя.

Эак возблагодарил Зевса за милость; новому же народу отдал опустелый город и лишенные владельцев поля. Народ свой он назвал мирмидонами, потому что они произошли из муравьев. Люди эти остались верны прежней своей природе: они по-прежнему деятельны, настойчивы в труде, малым довольны и бережливы.

Род Эакидов отличался необыкновенной, вошедшей в пословицу, силой. У Эака было три сына: от Эндеиды – Пелей и Теламон, а от нереиды Псамафеи – Фок. Позже Пелей и Теламон убили Фока за то, что он одержал над ними верх в военных состязаниях, и должны были бежать от разгневанного отца. Пелей удалился в Фессалию и основал там свое владычество во Фтии, где родился у него сын Ахилл; Теламон же поселился на острове Саламине, где избран был царем. Сын Теламона, Аякс (или Эант), был – после Ахилла – всех храбрее и сильнее в войсках осаждавших Трою греков.

22. Тантал и Пелопс

Тантал, сын Зевса и богини богатства Плутос, царствовал в городе Сипиле, на горе того же имени в Лидии. Больше чем кого-нибудь из людей его любили и жаловали боги. Гора Сипил в изобилии давала ему золото; обширны были его роскошные нивы, виноградники и плодовые деревья; многочисленные стада быков и овец паслись на его пажитях. Боги почитали Тантала за равного себе, и не раз приглашали к себе на Олимп, где он принимал участие в их пирах и совещаниях. Боги посещали его также в Сипиле и пировали с ним в его блестящем, украшенном золотом замке. Но, будучи простым смертным, Тантал не мог выдержать такого редкого счастья: он забыл о разнице между ним и богами, возгордился, и преступление погубило его. Тайны небожителей, вверенные ему Зевсом, Тантал выдавал людям; за столом бессмертных похитил он нектар и амброзию и угощал ими своих смертных гостей.

Однажды Зевс позволил Танталу обратиться к нему с какой-либо просьбой. Но надменно и хвастливо ответил ему Тантал: «Ни в чем я не нуждаюсь, ибо участь моя подобна участи богов и не нужно мне твоей милости».

Как-то раз царь Пандарей[14] отдал Танталу на сохранение золотого пса. Пес этот когда-то охранял малютку Зевса на острове Крит и впоследствии приставлен был Зевсом стеречь критский храм, но был украден Пандареем.

Когда Гермес, посланный Зевсом, прибыл в Сипил, чтобы вытребовать пса, Тантал уверял, что у него такового нет, и, в подтверждение своих слов, произнес ложную клятву. Еще и в другом важном преступлении был он виновен. Раз, когда пришли к нему в Сипил боги на пир, он убил сына своего, еще мальчика, Пелопса, рассек его на части, сварил и изжарил и предложил в пищу богам. Он хотел испытать, заметят ли обман бессмертные, во всеведении которых он сомневался. Но боги погнушались ужасным яством и не дотронулись до него. Одна Деметра[15], горюя о похищенной дочери Персефоне, ничего не подозревая, рассеянно съела плечо мальчика. Боги положили куски убитого в котел и поручили Гермесу какими-нибудь волшебными средствами возвратить ему жизнь. Когда вынули они мальчика из котла, у него не доставало плеча. На место его боги приделали плечо из слоновой кости: вот отчего все потомки Пелопса отличаются ослепительно-белым пятном на одном плече.

Всеми этими преступлениями Тантал истощил терпение Зевса. Он низверг его в подземное царство и казнил его страшною казнью.

В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала, внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение Демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою—
Яблонь, и груш, и гранатов, златыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымалися темным.

(Одиссея. XI, 582–592).

[14] Царь острова Милет

[15] Богиня плодородия и земледелия, сестра Зевса, дочь которой Персефона (она же Кора), была похищена владыкой царства мертвых Аидом.

Но этого мучения Зевсу показалось мало, и он воздвиг над ним огромный утес, постоянно грозивший ему падением: несчастный мучился еще и вечным страхом.

Пелопс же наследовал власть отца своего в Сипиле, но был изгнан троянским царем Илом и с богатыми своими сокровищами прибыл на полуостров, который стал называться Пелопоннесом (т. е. Пелопсовым островом). Там искал он руки Гипподамии, дочери царя города Писы Эномая. Но это сватовство сопряжено было с большой опасностью. Гипподамия была единственной дочерью царя. Так как имелось предвещание оракула, что Эномай погибнет от руки зятя, то он не хотел выдавать дочь замуж. Чтоб отдалить многочисленных искателей руки дочери, являвшихся из ближних и далеких стран, он объявил, что за того отдаст ее, кто победить его в ристании на колеснице; кого же он победит, тому наказанием станет смерть. Эномай был самый лучший возница во всей Греции, и кони его были быстрее северного ветра. И все-таки к его двору являлись женихи за женихами, привлекаемые красотой царской дочери и богатым царством – ее приданым. Но сватовство это всем приносило погибель. Ристалище, на котором они состязались с царем ради прекрасной награды, простиралось от Пизы до алтаря Посейдона на Коринфском перешейке. Эномай давал каждому жениху опередить себя на все то время, пока он приносил Зевсу в жертву барана.

По окончании жертвы он ступал на колесницу, которой правил возница его Миртил, и, замахнувшись копьем, гнался за своим противником. Настигнув его, Эномай бросал ему копье в спину. Так погибли многие; их головы Эномай прибивал к воротам своего дома, в острастку будущим искателям руки Гипподамии.

Юный Пелопс, с мужеством в сердцу и со светлыми надеждами, прибыл в Пису; но как только он увидел головы своих злосчастных предшественников, страх проник в его душу, поколебалась его вера в собственное счастье, в свою счастливую судьбу. А потому стал искать он союзника против такого опасного противника. Вначале он подкупил царского возницу Миртила, Гермесова сына, и взял с него обещание не приставлять к колесам чек. Оба состязавшиеся понеслись на своих гремящих колесницах, Пелопс впереди, а позади него, еще быстрее жестокосердый Эномай, с поднятым на юношу копьем. Он уже настигал его, как вдруг колеса соскочили с осей его колесницы, он пал на землю и убился до смерти. Пелопс же остался цел: он победил и стал обладателем прекрасной Гипподамии и царем Писы. Выступил тогда перед ним Миртил и потребовал обещанной за измену награды. Пелопс обещал ему половину царства, но теперь, обладая им, и не подумал делиться. Он повел Миртила на морской берег и коварно сбросил его в море, которое и зовется с тех пор Миртийским. Умирая, Миртил проклял Пелопса со всем его родом, и хотя Пелопс, чтоб умилостивить дух Миртила, воздвиг ему великолепный надгробный памятник, а чтоб смягчить гнев Гермеса, воздвигнул этому божеству храм, – все-таки проклятие убитого исполнилось, и род Пелопидов своими злодействами и бедствиями приобрел печальную известность.

У Пиндара встречается другой рассказ про Пелопса. Поэт сообразно со своими чистыми понятиями о богах и со своим уважением к великому герою Пелопсу, изменяет и как бы исправляет общеизвестный миф о нем.

Не может поэт допустить, чтобы боги пожирали человеческое мясо и чтобы любимец богов Пелопс запятнал себя коварством и убийством.

Когда парка Клото омыла новорожденного Пелопса в чистом, ничем еще не запятнанном котле, плечи младенца заблистали белизною, будто слоновая кость. Красавца Пелопса полюбил Посейдон, могучий сотрясатель земли. И вот, однажды, когда Тантал, отец младенца, столь часто деливший трапезу с богами, пригласил их к себе на пир, Посейдон увез младенца в златой колеснице и сокрыл в высоком чертоге Зевса, куда впоследствии был перенесен и Ганимед. Исчез Пелопс, и гонцы, посланные его матерью на розыски, возвратились ни с чем. И прошла тогда молва между соседями Тантала, будто боги, пировавшие у него, изрезали младенца на куски, разварили их в кипятке и посъедали эти куски – все до единого. Но да будут далеки от

нас столь хульные речи о богах! Бессмертные любили Тантала, но сам он не сумел удержать за собой своего счастья: надменность вовлекла его в великую беду. Зевс повесил над головой своего сына Тантала тяжеловесный камень, каждый миг угрожавший ему падением и отнимавшиий у него все радости жизни. На такую горькую жизнь обречен он был безвозвратно за то, что похитил у богов нектар и амброзию и предложил их в снедь своим собутыльникам на земле. За это отвергли бессмертные его сына и поселили его снова на земле, среди недолговечного рода людского. В годы расцвета молодости, когда темный пушок только еще начинал оттенять ланиты Пелопса, он задумал искать руки дивной Гипподамии Элидской. Темною ночью пошел он к серому морю и воззвал к Посейдону, мощному сотрясателю земли. И Посейдон предстал пред ним.

– Если ты любил меня когда, владыка Посейдон, – взмолился Пелопс, – если дорога тебе моя любовь, отстрани от меня медно-острое копье Эномая, на быстролетных конях унеси меня в Элиду и даруй мне победу. Эномай предал смерти уже тринадцать искателей руки царевны, – та же участь грозить и поныне всякому искателю. Но опасности привлекают сильного духом. Никому из нас, земнородных, не избежать смерти: что же за охота влачить дни в ленивом бездействии, дожить до старости, не стяжав себе славы громкими подвигами? Нет, не уклонюсь я от боя, мне предстоящего; ты же, владыка, помоги мне увенчать мое дело счастливым успехом!

Так молил Посейдона Пелопс, и мольба его не осталась втуне.

Бог доставил ему золотую колесницу и крылатых, не ведавших устали, коней: одержал Пелопс победу и овладел рукой царевны. По смерти он был погребен в Олимпии, там, где протекает Алфей; здесь он чествуется богатыми жертвами, ибо считается покровителем олимпийских состязаний.

Став богатейшим и могущественнейшим царем на всем острове, Пелопс соединил под одною властью Олимпию и Писуи с пышным великолепием возобновил Олимпийские игры.

23. Зет и Амфион

Во время несовершеннолетия Лабдака, Фивами правил Никтей. Была у него красавица дочь Антиопа, и красавицу эту полюбил Зевс. Предстал он перед девушкой в образе сатира и хитрыми ужимками соблазнил девушку. Страшась гнева отца, Антиопа бежала в Сикион к царю Эпопею, и вступила с ним в брак. Никтей не раз требовал возвращения дочери, но, получая постоянные отказы, собрал большое войско и пошел войной на Сикион. Но счастье не благоприятствовало Никтею в этой войне: он был разбит и, тяжело раненый, привезен назад в Фивы. Умирая, передал он опеку над Лабдаком брату своему Лику и завещал ему – отомстить Эпопею и Антиопе. Лик исполнил завещание брата: победил и умертвил Эпопея, Антиопу же взял с собою в Фивы, где и жила она с тех пор, томясь в горе и перенося жестокие обиды от дяди и жены его Дирки. Тайно родила в Фивах Антиопа двух близнецов – Зета и Амфиона, сыновей Зевса. Страшась своих мучителей, снесла она младенцев в горы и оставила там – в надежде, что Зевс не покинет своих детей. Младенцы были найдены и вскормлены каким-то пастухом. Когда они подросли, между ними не было никакого сходства. Зет был сильный, грубый пастух и охотник: воинские доспехи, стук оружия и охотничьи крики были ему утехой. Амфион же был кроток и тих, и любимой забавой ему было пение и игра на лире.

Была у него лира, подаренная ему Аполлоном; юноша играл на ней так искусно, что при его игре двигались деревья и скалы.

Отроки стали уже юношами, но все еще жили вместе с пастухом, считая его за отца и не подозревая ничего о своем истинном происхождении. Мать их все еще томилась в цепях, мучимая лютой Диркой и ее мужем, терпя каждодневно обиды. Только однажды, действием тайной божественной силы, сами собою упали оковы с тела узницы Антиопы, свободная от уз, устремилась она в горы, в то место, где жили ее сыновья. Но едва подошла она к их жилищу,

как лицом к лицу столкнулась с мучительницей своей Диркой, которая забрела сюда случайно: вместе с другими женами она справляла в горах шумный праздник Диониса.

Увидав освободившуюся Антиопу, Дирка пришла в великую ярость. Коварством и клеветами убедила она юношей привязать Антиопу к шее дикого быка и таскать ее до смерти. Но, к счастью, вовремя подоспел к юношам старик-пастух: он узнал Антиопу, и известно ему было, что Зет и Амфион – сыновья ее. Тут открыл пастух своим питомцам, что Антиопа их мать, и не попустил совершиться ужасному делу, не дал сыновьям убить свою мать. Исполнясь гнева, юноши схватили лживую Дирку, мучительницу их матери, и, привязав ее к дикому быку, обрекли ее тем мукам, которые готовила она Антиопе. Изуродована была Дирка диким зверем, носившимся с ней по скалам и колючему терновнику. Растерзанный труп ее братья бросили в поток, протекающий вблизи Фив, и с тех пор поток тот стал именоваться Диркой.

После всего этого Амфион и Зет вместе с матерью отправились в Фивы, убили Лика и овладели его царством. В городе Кадмее была сильная крепость, ее выстроил никогда Кадм, сам же город не был обнесен стеной и оставался беззащитным. Зет и Амфион принялись возводить вокруг города крепкую стену. Силач Зет, напрягая всю свою мощь, таскал тяжеловесные камни и накладывал их один на другой: стоила ему эта работа великих трудов и усилий.

Амфион же спокойно, не трогаясь с места, звуками струн своей лиры заставлял каменные глыбы двигаться и слагаться в плотную стену. Долго братья правили городом сообща, жили счастливо и дружно между собою; но впоследствии им обоим пришлось испытать великое горе. Супругой Амфиона была Танталова дочь Ниоба, супругой Зета – Аэдона, дочь царя Пандарея Эфесского.

24. Ниоба

(по „Метаморфозам" Овидия)

Ниобу, супругу фиванского царя Амфиона, боги любили не меньше, чем отца ее Тантала; но надменная подобно отцу, дерзнула она равнять себя с богами, и тем разрушила все свое счастье. Гордилась Ниоба родом своим и родом мужа, своим могуществом и искусством Амфиона, который звуками лиры своей приводил в восторг даже камни. Но всего больше гордилась Ниоба своими детьми. Было у нее семь сыновей и столько же дочерей, и была бы она счастливейшею матерью на свете, если бы не воображала так много о себе.

Был как-то праздник бога Аполлона и матери его Латоны. Объятая неземным восторгом, прорицательница Манто призывала дев и жен фивянских почтить молитвою и жертвой богиню с ее детьми.

– Собирайтесь, фивянки, – взывала она к ним, – украсьте лаврами ваши волосы и воскурите фимиам Латоне и божественным ее детям. Так повелевает Латона моими устами.

Все фивянки повиновались ей, украсили волосы свои лавровыми венками и с благоговейными молитвами воскурили фимиам на священном огне. Но вот приближается к ним царица Ниоба, окруженная толпою прислужниц, в златотканной, лучезарной одежде, прекрасная, насколько можно быть прекрасной в гневе. Окинула она взором собравшихся фивянок и так говорила:

– Безумные! вы почитаете богов, которых никогда не видали; а тех, кто среди вас, оставляете без жертв и курений. Вы приносите Латоне жертву, а мне, божественной, не покланяетесь? Тантал, отец мой, сиживал за трапезой богов; мать моя – одна из плеяд; дед мой, великий Атлант, держит на плечах своих небо. Зевс также мне дед, да и к тому же еще и свекор. Мне повинуются народы Фригии, мне принадлежит Кадмова крепость и фиванские стены, воздвигнутые звуками Амфионовой лиры. Куда ни обращу я взоры, всюду вижу несметные богатства. К тому же и лицом я богине подобна; семь сыновей у меня, семь дочерей, да столько же снох и зятьев. Могу ли я не гордиться? Неужели осмелитесь вы предпочесть мне дочь титана Латону,

отверженную когда-то землею, морем и небом и блуждавшую по земле до тех пор, пока не сжалился над нею Делос и оказал ей гостеприимство? На острове этом Латона родила своих близнецов. Только и есть двое детей у богини: почти бездетна она в сравнении со мною. Я блаженна, – кто может отрицать это? Я буду вечно блаженна, – кто может усомниться в этом? Прочь же от алтарей, уходите скорее, сбросьте с себя лавровые венки!

Объятые ужасом фивянки повиновались царице, оставили недовершенной жертву, но оставляли они ее с тихой молитвой, – этого не могла им запретить царица.

Вознегодовала Латона, и к детям своим, бывшим с нею на Киносской горе, обратилась с такими словами:

– Дети мои! Меня оскорбила смертная. Вашу мать, не уступающую кроме Геры ни одной богине, не хотят считать богиней; если не поможете вы мне, меня лишат алтарей, на которых искони приносились мне жертвы. Но этого мало: гордая дочь Тантала дерзнула вас, мою гордость, унизить пред своими детьми и, надменная, назвала меня – о, да падет на нее то название! – бездетной.

Так говорила богиня и к словам этим хотела присоединить мольбы о мести, но..

– Довольно! – воскликнул Феб, – довольно, мать моя: уже давно пора покарать преступную!

То же сказала и Артемида. Быстро понеслись брат и сестра над землею и, окутанные облаком, достигли Кадмейского кремля, мысля стрелами своими отметить за оскорбление, нанесенное их матери.

Перед фиванскими городскими воротами была широкая и гладкая поляна, куда молодежь собиралась на состязания в верховой езде и ристании на колеснице. Там забавлялись играми и сыновья Ниобы. Старший из них, Исмен, на ретивом коне бодро кружился по гладкой поляне, как вдруг воскликнул он:

– Горе мне! – и выпустил из рук поводья. Пронзенный стрелой прямо в грудь, упал он с коня на землю.

Второй сын Ниобы, Сипил, услышал, как в воздухе зазвучала стрела; желая избегнуть опасности, пустил он во весь опор коня своего: так корабельщик, завидя тучу – предвестницу бури, распускает все паруса, чтобы спастись от грозы неминучей. Но не спасся и Сипил: роковая стрела поразила бегущего, пронзив насквозь ему шею. Наклонившись вперед, падает он и орошает землю своею горячею кровью. В это время Файдим и Тантал – наследник имени деда – пробуют юные силы свои в единоборстве: грудью примкнули они друг к другу, и вот разом пронзила их обоих одна и та же стрела. Разом застонали оба вместе упали, с согбенными от боли членами, на землю и в один и тот же миг испустили дыхание. Видит это Алфенор. Ударяя себя в грудь, подбежал он к братьям, обнимал холодные их трупы, но вот падает и он, – губительной стрелой своей Аполлон угодил ему прямо в грудь.

Вынимая стрелу, Алфенор вырвал зубцами ее кусок легких; потоком хлынула из раны его кровь, а с ней отлетела и жизнь. Юного Дамасихтона дважды поразил бог сребролукий. Раненый в подколенок, мальчик силился извлечь рукой губительную стрелу, но другая стрела пронзила ему гордо. В ужасе поднял тогда к небу руки Илионей, самый младший из братьев.

– О, пощадите меня все, на Олимпе живущие боги!

Так он воскликнул: бедный, не знал, кого умолять надлежало. Тронут был Аполлон сребролукий мольбою отрока, но уже поздно: не вернуть ему страды роковой. Пал юный Илионей, но пал от самой легкой раны: стрела едва лишь коснулась его сердца.

Быстро разнеслась по городу страшная весть; проникла она и в царский чертог. Не мог пережить горя своего Амфион, и наложил на себя руки. Видит Ниоба народную скорбь, слышит рыдания домашних: нельзя ей не верить страшной молве. Дивится только она, как могли, как дерзнули боги нанести ей такой удар, – ужели имеют они на это право?

О, как не похожа теперь Ниоба на ту гордую Ниобу-царицу, которая так величаво шествовала по улицам Фив и отгоняла народ от алтарей Латоны! Тогда позавидовали бы ей даже друзья, теперь же пожалел бы о ней и недруг. Полная скорби и гнева, поспешила она с дочерьми и со всем народом в поле, бросилась на холодные трупы сыновей своих милых, стала обнимать и целовать их в последний раз.

– Насыться, насыться, Латона, скорбью моею! – восклицала несчастная мать, подняв к небу бледные руки, – горем моим утоли жестокое сердце. Гибель семерых детей низводит меня в могилу. Ликуй, торжествуй, злобная победительница! Но от чего ж победительница? При всем своем несчастии я имею больше, чем ты, счастливая!

Едва лишь вымолвила это Ниоба, как взвыла тетива невидимого лука; трепет объял всех, кроме одной Ниобы, – горе придало ей мужества.

Пред погребальными носилками братьев, в черных одеждах, с распущенными волосами стоят дочери Нюбы. Но вдруг одна из них падает лицом на брата: стрела засела ей прямо в сердце. Другая спешит утешить бедную мать, но вдруг умолкает, – подкашиваются ноги у нее от невидимой раны. Третья хочет бежать, но падает. Гибнут за ней и другие. Осталась, наконец, младшая из всех дочерей: она ищет спасенья в объятиях матери. Мать прикрывает ее одеждой, хочет защитить ее собою.

– Оставь хоть одну мне! – умоляет Ниоба богиню, – хоть самую меньшую из стольких дочерей, хоть одну оставь мне, Латона!

Но тьмою покрылись уже очи и той, за которую молилась царица.

Осиротелая, сидит она среди трупов детей и супруга и цепенеет от горя. Ветерок не шевельнет волос ее, в лице – ни кровинки; глаза без движения: окаменела Ниоба.

Холодная смерть объяла ее, но из глаз льются слезы, как будто скорбь жива еще в ее груди. И схвачен был камень вихрем и перенесен на родину Ниобы. Там, на вершине Сипила, стоит ее мраморный образ, и точат этот мрамор обильные слезы.

25. Аэдона

(по «Одиссее» Гомера)

Аэдона, дочь Пандарея Эфесского, была замужем за Зетом, братом Амфиона. Подобно невестке своей Ниобе, и Аэдона осуждена была вечно оплакивать вину свою. Ниоба прогневала богов своею надменностью, невестка же ее – черной завистью. Шестеро сыновей и шесть дочерей было у Ниобы, у нее же всего один сын Итил. Невыносимо было Аэдоне видеть счастье невестки; и вот решилась завистница убить ее старшего сына. Темной ночью, со смертоносным оружием в руке, прокралась она в горницу, где вместе се Итилом спал сын Ниобы, и совершила страшное дело. Только на утро узнала Аэдона, что убила своего же ребенка. Бесконечна была скорбь несчастной матери. Зевс сжалился над ней и превратил ее в соловья, и вот с тех пор —

Плачет Аэдона, Пандареева дочь, бледноликая плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итила любимого, сына Зетова, медью острой
Нечаянно ею сраженного, мать поминает.

26. Диоскуры и Афареиды

Братья Диоскуры – Кастор и Полидевк – родились от Зевса и Леды.

Прозывались они также Тиндаридами – по Тиндарею, спартанскому царю, которого люди почитали земным отцом их. То были героические юноши. Никто лучше Кастора не умел смирять коней и искуснее править ими; Полидевк же отличался в рукопашных боях. Они принимали участие во всех подвигах современных им героев: и в походе Аргонавтов, я в Каледонской охоте. И сами по себе они совершили не один смелый поход со своими двоюродными братьями, сыновьями Афарея, царя мессенского, Линкеем и Идасом. Линкей был одарен таким острым зрением, что мог видеть все, что творится в недрах земли. Брат же его Идас отличался силой и мужеством; раз он отважился даже на борьбу с самим Аполлоном. Сватался Идас одновременно с светлокудрым богом за красавицу Марпессу и похитил ее на крылатой колеснице, подаренной ему Посейдоном. Аполлон погнался за ним, намереваясь отнять у него похищенную деву.

Идас не оробел и вступил в бой с могучим богом.

Зевс разнял бойцов и предоставил Марпессе отдать свою руку тому, кого из них сама она выберет. Дева выбрала Идаса: опасалась она, что бог покинет ее, когда с годами увянет ее краса.

С этими-то двумя братьями Диоскуры были связаны дружбой. Много трудных подвигов, много опасных походов совершили они вместе с ними. Однажды вторглись они в Аркадию, овладели стадом быков и угнали их с собою; дележ добычи предоставлен был сильному Идасу. Разрезал Идас быка на четыре равные доли и предложил такой дележ: пусть половина стада достанется тому, кто прежде других съест свою долю, а другая – тому, кто управится с своей долей вслед за первым. Прежде всех других сел свою долю сам же Идас, после чего он помог и брату своему доесть его часть.

По уговору, забрал он с братом и все стадо и погнал его в Мессению. Разгневанные Диоскуры, не получившие части в добыче, вторглись в Мессению, похитили все стадо и, кроме того, угнали много скота, бывшего бесспорною собственностью Афареидов. Увели они с собой и невест Афареидов: Фейбу и Гидайеру, дочерей дяди их Левкиппа.

Сокрыв стадо в надежное, безопасное место, Диоскуры сели в засаду, намереваясь врасплох напасть на братьев, если те вздумают преследовать их. Но Линкей взобрался на вершину Тайгета, самой высокой горы на Пелопоннесе, откуда был виден весь полуостров, и стал высматривать похитителей. С этой горы увидал он своих противников, притаившихся в дупле старого дерева, и указал их озлобленному Идасу. Быстро побежали Афареиды к дереву. Идас ударил в него копьем и поразил Кастора. Выскочил тогда Полидевк из засады и вступил с противниками в бой. Крепко теснил он их, так что спустя некоторое время обратились они в бегство и бежали до могилы своего отца. Здесь схватили они каменное изваяние Аида и бросили им в грудь Полидевка. Только не удалось им тем камнем убить Полидевка: бесстрашно наступая на них, он пронзил копьем грудь Линкея; умирая, пал Линкей наземь, а Полидевк вступил в упорный бой с Идасом. Но Зевс положил конец этому бою, молнией поразив Идаса: небесный огонь пожрал и его, и труп его брата.

Поспешил тогда Полидевк к брату Кастору, боровшемуся еще со смертью, и, вздыхая и проливая горючие слезы, воскликнул:

– О, Кронион, отец мой, чемь уврачуешь ты мое горе! Пошли смерть и мне, миродержец! Дай и мне умереть вместе с братом! Что в жизни тому, кто лишился близких сердцу!

И Зевс предстал перед ним и молвил:

– Ты – мой истинный сын, брат же твой был рожден от смертного. Даю тебе волю – избирай себе долю по желанию: хочешь ли, избежав смерти и никогда не ведая ненавистной старости, обитать на Олимпе с Афиной и Ареем, или во всем делить судьбу брата, вместе с ним, живя попеременно – то в подземном царстве теней, то в златых небесных чертогах.

Так говорил Зевс, и Полидевк, не колеблясь, пожелал иметь долю, общую с братом. Тогда Зевс отверз очи опоясанному медью Кастору и возвратил ему голос. С тех пор оба брата-героя

живут вместе: один день витают они в чертогах блаженных богов на Олимпе, другой же проводят в подземных обителях теней. Смертные воздают им почести, как божественным героям, ибо они – защита и оплот людей во всех опасностях жизни, под родимою кровлей и на чужбине, на всех путях – по суше и по водам морским.

27. Орфей и Эвридика

(по «Метаморфозам» Овидия)

Орфей, знаменитейший певец мифической древности, родом из Фракии, был сыном речного бога Эагра и музы Каллиопы. Женой его была прелестная дриада Эвридика, нимфа Пенейской долины.

Едва лишь совершилась свадьба Орфея с нежно-любимой Эвридикой, как смерть уже похитила у него милую. Однажды весной рвала она с подругами цветы на лугу; увидел ее полубог Аристей и стал ее преследовать. Убегая от него, наступила она на ядовитую змею, скрывавшуюся в высокой траве, и умерла от ее укуса. Спутницы Эвридики, нимфы, громко оплакивали ее, и воплями своими оглашали долы и горы фракийской земли. Сам Орфей со своей лирой сидел на пустынном берегу реки, с утра до позднего вечера и с вечера до утра и изливал глубокую скорбь свою в таких дивных, грустных песнях, что вся природа с сочувствием внимала ему – деревья и скалы, птицы и звери, Наконец, решился он снизойти в царство теней. «Не сжалится ли, – думал он, надо мною властитель мертвых, – не возвратит ли мне милую?» Тенарской пропастью спускался Орфей в подземный мир и безбоязненно проходил мимо толпящихся теней.

Подойдя к трону подземного властителя, заиграл он на своей лире и молвил:

– Боги подземного царства! Пришел я сюда не за тем, чтоб осмотреть мрачный Тартар, не для того, чтобы сковать змееобвитое чудовище Цербера, – пришел я ради супруги, лишенной жизни жалом змеи. Я пытался перенести это горе, но не могу. Не в силах я превозмочь любви моей: вас самих, если старинное преданье не ложно, соединила любовь.

Так говорил он и в то же время ударял по струнам лиры, – и бескровные тени, полные сострадания к нему, заливались горькими слезами. Тантал забыл о своей жгучей жажде; как очарованное, остановилось колесо Иксилна, и Сизиф, забыв о своих страданиях, стал прислушиваться к сладким звукам и остановился, опершись на свой роковой камень. Тронуты были даже – и это в первый раз – богини мщения Эвмениды: и они прослезились; Персефона с мрачным своим супругом не могла отказать певцу в его просьбе. Призвали они Эвридику и позволили ей возвратиться с супругом на землю, но лишь с условием, чтобы Орфей во все время пути в область света не оглядывался назад, не обращался к Эвридика, – иначе милость подземных богов ни к чему для него не послужит.

Любящие супруги отправились в длинный путь по крутой пустынной тропинке. Молча шел Орфей, в глубоком молчании следовала за ним Эвридика. Уже приближались они к царству света, как Орфей вздумал обернуться назад, – любовь и забота о милой пересилили его; но Эвридика тот же час удалилась, напрасно простирая к милому руки, и, умирая во второй раз, едва внятным голосом сказала она ему свое последнее «прости». Безутешный, поспешил Орфей за исчезающей во мраке супругой; но Харон, не взирая на его просьбы и жалобы, не перевез его на другой берег. Семь дней без пищи и питья сидел Орфей на берегу Ахеронта и лишь в слезах находил отраду. Наконец, сетуя на жестокость Эреба, возвратился он в безлюдные долины Фракийских гор. Здесь прожил он еще три года, далекий от мира, в печали и скорби. Единственным утешением ему была песнь. Ей чаровал он леса, скалы и зверей пустыни.

Однажды сидел он на зеленеющем, освещенном солнцем холме и пел свои грустные песни. Деревья, привлекаемые силой пленительных звуков, толпились вокруг певца и давали

ему тень и прохладу. Очарованные скалы теснились к нему; птицы лесные оставляли чащу, а звери – свои чащобы, и тихо и кротко внимали сладким песням. Увидали тут Орфея фракиянки, шумно праздновавшие Диониса в горах.

Давно уже гневались они на певца за то, что, потеряв супругу, не хотел он полюбить другую женщину. Неистово бросились они на Орфея.

– Посмотрите, вот кто презирает нас! – воскликнула первая, приблизившаяся к певцу и бросила ему в лицо свой тирс. Листья, которыми тирс был увит до острия, защищают певца, не дают его ранить. Другая вакханка бросила в него камень; но очарованный звуками голоса и лиры, камень падает к ногам Орфея, как бы моля о прощении. Волнение однако растет. Крики и вопли, оглушительные звуки флейт и рожков, гром литавров – все это вместе заглушает звуки его лиры, и камни свободно сыпятся на певца и обагряют его кровью. Неистовые, бросаются на него менады, как стая яростных собак на издыхающего оленя, бьют его своими тирсами, сучьями и камнями, не щадят и тех уст, что трогали скалы, укрощали диких зверей, – и отлетел дух Орфея.

О смерти его пожалели птицы и звери; твердые скалы, так часто внимавшие его песням, проливают слезы; деревья от печали лишаются листьев; дриады и наяды, в темных одеждах, с плачем рвут на себе волосы. Тело несчастного певца разорвано в клочки и разбросано. Голову его и лиру бросают вакханки в реку Гебр, и – диво! – в то время, как волны уносят их, лира издает тихие, грустные звуки, язык лепечет едва внятные жалобы, и берега отвечают тихими, печальными отзвуками. Так плывут голова и лира по реке в море, морем к берегу острова Лесбоса, того острова певцов, где впоследствии пел Алкей и прославленная Сафо, где соловьи поют нежнее, чем где-нибудь на земле. Но тень певца сошла в царство смерти, стала искать и нашла свою Эвридику, заключила ее в свои объятия и никогда больше с нею не разлучалась.

Книга третья. Деяния Геракла

1. Рождение героя и его юность

Геракл был сыном Зевса. Мать его Алкмена и отчим Амфитрион принадлежали к славному аргивскому роду Персеидов, и оба были внуками великого героя Персея. Сам Геракл был величайшим из героев древности, муж огромной силы, непобедимого мужества, поставивший себе задачей быть неизменно покорным воле отца своего Зевса и сражаться во благо людей против всего нечистого и злого, если даже это будет соединено с трудами и опасностями. Геракл – в высшей степени благородная натура, он достоин был самой счастливой участи, но злая доля преследовала его с самого рождения, и только прожив жизнь, полную величайших усилий и страданий, вознаграждается он за свои подвиги бессмертием и общением с блаженными богами.

Несчастья Геракла начинаются с самого его рождения. Родился он на чужбине, в изгнании. Отчим его Амфитрион нечаянно убил тестя своего Электриона и за это изгнан был братом его, Сфенелом, из Аргоса – своей отчизны. Вместе с женой искал он пристанища у дяди своего по матери, фиванского царя Креона, который дружески его принял и смыл с него тяжкое преступление. В Фивах, в месте изгнания отчима, родился Геракл; но истинный отец его Зевс задумал отдать ему владычество над Аргивской землей – царством Персеидов. В день рождения Геракла, на Олимпе, в собрании богов, богиня похвальбы и безрассудных поступков Ата помрачила разум царя богов Зевса, и тот, полный самых светлых ожиданий, сказал:

– Выслушайте меня, все боги и богини! Ныне родится на свет тот, кому властвовать над всем потомством Персее и над всем Аргосом.

Но супруга Зевса, Гера, ревниво оберегавшая свои супружеские права, разгневалась на похвальбу мужа и лукаво ответила:

– Лжешь, Кронион; никогда не исполнится твое слово. Добро, поклянись мне не ложною клятвой, что тот, кто сегодня родится в семье Персеидов, будет царствовать над Аргосом и над Персеидами, от твоей крови происшедшими.

Зевс не заметил хитрости супруги и произнес клятву. Тогда устремилась Гера с вершины Олимпа в Аргос, где, как ей было известно, супруга персеида Сфенела скоро должна была родить. Как богиня родов, Гера распорядилась так, что у жены Сфенела до срока родился слабый ребенок, и в то же время замедлила роды Алкмены.

Возвратилась богиня на Олимп и молвила Зевсу:

– Выслушай меня, отец Зевс: только что родился Эврисфей, сын Сфенела, также из твоего рода; он будет властвовать над всеми аргивянами.

Опечалился, разгневался Кронион, что обманула его Ата, схватил в гневе ее за волосы и сбросил ее с Олимпа, и пала она на землю к людям; и поклялся Зевс страшной клятвой, что никогда уже не возвратится она на совет богов. Геракл, правда, родился в тот же день; но право первородства предоставляло Эврисфею владычество над всем родом, а стало быть, и над ним. Так сильный подчинен был владычеству слабого, и впоследствии Зевс, видя как томился сын его, служа Эврисфею, не раз раскаивался в своей роковой поспешности.

Но он обратил на благо сыну своему эту ошибку, заключив с Герой договор, по которому Геракл, совершив двенадцать подвигов, по поручению Эврисфея, удостоится бессмертия.

А чтобы Геракл не изнемог от трудных своих подвигов, он послал ему благою помощницей в трудах дочь свою Афину.

В одно время с Гераклом родился Ификл, другой сын Амфитриона. Лишь только узнала Гера, что оба ребенка родились и лежат в пеленках, как побуждаемая гневом, она послала, на

пагубу малюткам, двух огромных змей. Тихо прокрались они через открытые двери в спальню Алкмены и, прожорливые, уже готовы были схватить малюток, но Геракл поднял голову и испытал свои силы в первой борьбе. Обеими ручонками схватил он змей за шею и удавил их: бездыханны стали страшные чудовища. Ужас объял прислужниц при спальне Алкмены, и сама она, раздетая, без памяти бросилась с постели, чтоб остановить чудовищ. Быстро на крик ее сбежалась толпа кадмейских витязей в медных доспехах; в страхе прибегал и Амфитрион с обнаженным мечом. Изумленный, остановился он, полный страха и вместе с темь радости, неслыханное мужество и силу увидав в своем сыне. Велел он призвать соседа своего, великого Зевсова пророка Тиресия, и тот предсказал ему и всему собранию судьбу младенца: сколько злобных зверей погубит он на суше и на море, сколько злобных и кичливых людей предаст смерти. Даже когда на Флегрейском поле боги начнут борьбу с гигантами, и тогда стрелами его много светлых голов будет повержено во прах; наконец, он будет вечно наслаждаться в мире покоем – достойная награда его великих трудов: в чертогах богов он вступит в супружество с цветущей Гебой[16], и брачное пиршество будет у чертогах у Зевса, Кронионова сына, и насладится он блаженною жизнью.

Этими немногими словами прорицатель очертил всю судьбу нашего героя.

Амфитрион убедился в великом предназначении своего питомца и дал ему достойное героя воспитание. Обучать Геракла военному искусству он поручил отличнейшим знатоками дела. Стрельбе из лука научил его Эврит, знаменитейший стрелок своего времени; единоборству – хитрый и искусный Автолик, сын Гермеса, дед хитроумного Одиссея; владеть тяжелым оружием – Кастор, один из братьев Диоскуров; править же колесницей научил его сам Амфитрион, опытный в этом искусстве. В т времена воину необходимо было умение править колесницей, так как в битвах сражались с боевых колесниц. Кроме этого телесного и военного развития должно было развить ум мальчика искусствами и науками. Но, кажется, юный Геракл не достиг в них желанных успехов. По крайней мере, учитель Лин часто имел причины порицать его и наказывать. Раз он ударил Геракла, отчего тот пришел в сильный гнев и кифарой ударил учителя по голове. Удар был так силен, что Лин замертво упал на месте. За убийство мальчик был привлечен к суду; но он оправдывал себя изречением Радаманта: «получивший удар обязан его возвратить», – и его оправдали.

Амфитрион, опасаясь, чтобы мальчик не наделал еще каких-нибудь подобных выходок, удалил его из города и отослал к своим стадам на Киферонские горы. Здесь Геракл вырос крепким юношей и всех превосходил ростом и силой. С первого взгляда можно было узнать в нем Зевсова сына. Он был 6 футов[17] ростом и имел мощное телосложение. Глаза его блестели огненным блеском. В стрельбе из лука и метании дротика он был так искусен, что никогда не давал промаха.

В то время как Геракл жил на Кифероне, еще восемнадцатилетним юношей убил он страшного киферонского льва, который, часто сходя в долину, душил быков отца его. Шкуру убитого льва Геракл набросил на себя так, что она спускалась со спины его, передними лапами стянута была на груди, а пасть ее служила ему шлемом.

Это был первый подвиг, совершенный Гераклом на благо людей. Когда Геракл возвращался с этой охоты, повстречались ему послы орхоменского царя Эргина, шедшие в Фивы за сбором дани, которую фиванцы должны были им вручить.

За то, что один фиванец умертвил Эргинова отца, Климена, орхоменский царь пошел войною на Фивы и принудил их в течение 20 лет ежегодно платить по 100 быков. Когда Геракл встретил послов, то спросил их куда они идут. Послы надменно отвечали ему, что идут еще раз напомнить фиванцам, как великодушно поступил Эргин, что не отрубил им носов, ушей

[16] Богиня цветущей юности.

[17] 6 футов – почти 1 метр 80 см.

и рук. Обиженный подобной наглостью, Геракл и сам стал мучить их: отрезал им носы и уши и, завязав за спины руки, отослал их с такою данью обратно в Орхомен к царю.

Такое оскорбление повело, разумеется, к войне между Орхоменом и Фивами. Эргин выступил с большим войском, но Геракл в дивных, блестящих доспехах, подаренных ему его помощницей его и другом Афиной стал во главе фиванской рати, победил вражеское войско и собственной рукой убил царя. Этою победой Геракл не только избавил фиванцев от позорной дани, но принудил орхоменцев платить им двойную дань. Однако в той битве пал земной отец Геракла – Амфитрион. Он отличился храбростью так же, как и брат Геракла, Ификл.

Оба брата были награждены благодарным царем Креоном. За геройские подвиги Гераклу он дал в супружество старшую дочь свою Мегару, а Ификлу – младшую.

Когда Геракл праздновал свой брак с Мегарой, небожители сошли с Олимпа и приняли участие в пышном празднестве, как в былое время на свадебном пире Кадма и Гармонии, и одарили героя превосходными подарками. Гермес подарил ему меч, Аполлон – лук и стрелы, Гефест – золотой панцирь, Афина – прекрасную одежду. Палицу свою Геракл срубил себе впоследствии в Немейской роще.

2. Геракл на распутье

Во время пребывания Геракла на Кифероне, в том возрасте, когда отрок становится уже юношей и впервые заглядывает в свое будущее, он удалился однажды от пастухов и стад в уединение и, погруженный в глубокую думу, размышлял, какой бы путь избрать ему в жизни. Тогда увидел он, что по направлению к нему идут две стройные женщины.

В одной было много приличия и благородства; в наружности ее выражалась непорочность, а в ее поступи – скромность; чиста и незапятнанна была ее одежда. Другая имела упитанное и изнеженное тело; белизна и румянец ее были усилены искусственно; ее манеры были слишком живы; одежда ее была рассчитана на то, чтобы как можно больше выказать прелести тела. Часто с самодовольством оглядывала она себя и осматривалась вокруг, видят ли ее другие; часто глядела она на свою собственную тень. Вот ближе и ближе подходят они к Гераклу; первая спокойно продолжает свой путь, другая же нетерпеливо спешит к юноше и говорит ему:

– Вижу, Геракл, что ты раздумываешь, каким путем идти тебе в жизни. Избери меня спутницей: и я поведу тебя путем самым приятным и удобным. Нет радости, которой ты не испытаешь, и жизнь проживешь без труда. Мало будут заботить тебя войны и другие предприятия; единственною заботой твоей будет, как бы поесть отменного кушанья, как бы попить тонкого вина, как бы понежить взор, слух и другие чувства. Будешь спать ты на самой мягкой постели и без труда и забот доставлять себе все эти утехи. О средствах ко всему этому не заботься; все это не будет стоить тебе больших умственных и физических усилий: ты будешь наслаждаться плодами чужих трудов и не будешь нуждаться ни в чем. Друзьям своим я даю возможность из всего извлекать пользу.

Когда Геракл услышал эти обещания, спросил:

– Женщина! как же твое имя?

А та ему в ответ:

– Друзья называют меня Блаженством; а враги, желая унизить, – Пороком.

Подошла между тем и другая женщина и сказала:

– Вот и я к тебе, любезный Геракл; я знаю родителей твоих, и нрав твой, и твое воспитание. По всему этому сужу, что из тебя мог бы выйти славный работник в великих подвигах добра и что через тебя я могла бы достигнуть еще большего уважения. Только не хочу рисовать перед тобою обманчивую картину наслаждений, а скажу тебе все по правде, как установили боги. Знай же, Геракл: без труда боги никогда не дают людям добра. Если хочешь, чтобы милостивы к тебе были боги, служи им; хочешь, чтобы почитали тебя сограждане, – будь им поле-

зен; будь благодетелем Эллады, и тогда вся Эллада будет удивляться твоей добродетели. Если хочешь, чтобы земля приносила плоды, возделай ее; хочешь, чтобы стада твои плодились, – ходи за ними; хочешь воевать и побеждать, – научись прежде военному искусству; хочешь тело свое сделать послушным твоей воле, – закали его трудом в поте лица.

– Ну, вот видишь, любезный Геракл, вмешалась тут ее спутница, – как долог и труден путь, на котором эта женщина обещает тебе счастье и радости; я же поведу тебя к блаженству более легким и коротким путем!

– Несчастная, – отвечает ей Добродетель (а именно так ее звали), – что есть у тебя хорошего? Ты прельщаешь всевозможными наслаждениями, предупреждая свои желания; ты ешь прежде, чем придет аппетит, и пьешь, не ведая жажды; чтобы поесть с охотой, ты выдумываешь искусные блюда; чтобы с удовольствием попить, ты добываешь себе тонкие вина. Никакая постель для тебя не достаточно мягка: ты ложишься не от усталости, а от скуки. Друзей своих ты учишь бражничать целую ночь и спать лучшую часть дня; оттого они и обессиливают в молодых летах и тупеют в старости; беззаботно проводят они юность, с трудом влачат жизнь свою в старости; стыдятся того, что сделали; тяготятся тем, что делают. Вот за что тебя, хоть и бессмертную, отринули от себя боги; вот за что презирают тебя люди. Ты никогда не слыхала того, что приятнее всего звучит – похвалы себе). Не видала ты никогда того, что приятнее всего взору – добрых дел. Я же, напротив, дружна с богами и добрыми людьми; без меня не делается ничего прекрасного ни у богов, ни у людей. Художнику – я добрая помощница; отцу семейства – верный страж. слуге – любезное пособие. Я – честная участница в мирных занятиях, надежная союзница в войне и вернейший друг. Питье, пища и сон друзьям моим доставляют больше наслаждения, чем ленивцам, ибо они предаются всем этим удовольствиям, когда явится в том потребность. Юноши – в любви у стариков; старики – в уважении у юношей. С наслаждением вспоминают они о прежних подвигах; с радостью делают то, что требуется в настоящую минуту; благодаря мне, они любезны богам, милы друзьям своим, в уважении у сограждан.

После смерти же их воспетое и прославленное имя не предается забвению, а переходит к потомству и сохраняется в памяти всех времен. Решись на такую жизнь, Геракл, сын почтенных родителей, и ты достигнешь высшего счастья.

Не задумываясь долго, благородный юноша последовал зову Добродетели, и с тех пор терпеливо шел по трудной стезе долга к своему счастью.

3. Геракл и Эврисфей

По бракосочетании своем с дочерью фиванского царя Мегарой, Геракл прожил несколько радостных лет в счастливой семье, близ славного трона, и на будущее смотрел с самыми светлыми надеждами. Но враждебная ему Гера не могла видеть счастливым ненавистного ей человека. Она наслала на него расстраивавшую ум болезнь; в безумии своем он до смерти убил и бросил в огонь троих своих детей, рожденных ему Мегарой, и троих малюток Ификла. Когда, наконец, оставила его болезнь, он впал в глубокую печаль и, чтобы наказать себя за убийство, удалился в добровольное изгнание. Друг его Феспид в городе Феспии очистил его от убийства и отправил в Дельфы к оракулу Аполлона спросить, где ему жить на будущее время. Должно быть, именно тогда назвала его Пифия Гераклом, т. е. героем, славу которому доставят преследования Геры; раньше же звали его Алкидом, т. е. сыном силы. Оракул повелел ему удалиться в Тиринф, старинное местопребывание отца его, и двенадцать лет служить двоюродному брату своему Эврисфею, царю Микенскому, после чего он получит бессмертие.

4. Немейский лев и гидра

На первый раз Эврисфей поручил Гераклу умертвить чудовищ, живших в Аргивской земле: немейского льва и лернейскую гидру. – Геракл должен был принести ему шкуру немейского льва, который происходил от огнедышащего чудовища Тифона и исполинской змеи Эхидны и жил в долине между Немеей и Клеонами. Еще в Клеонах Геракл зашел к бедняку Молорху, собиравшемуся в то время принести Зевсу жертву. Геракл уговорил его отложить жертвоприношение на 30 дней, ибо желал, по возвращении с опасной охоты, принести с ним вместе жертву Зевсу-спасителю. На случай же, если бы Геракл не вернулся с охоты, Молорх должен был, по условию, жертвоприношением успокоить тень его. Геракл отправился в лес и нисколько дней отыскивал льва; наконец нашел его и бросил в него стрелу, по лев был не уязвим: стрела отскочила от него, как от камня. Тогда Геракл поднял на льва свою палицу; лев убежал от него в пещеру, имевшую два выхода. Герой загородил один выход, а другим подошел к зверю. В одно мгновение лев вскочил ему на грудь. Геракл охватил льва своими могучими руками и задушил его, потом взвалил его на плечи и понес в Микены. К Молорху он пришел на тридцатый день по своем уходе и застал его собирающимся принести заупокойную жертву по Гераклу. Тут оба совершили жертвоприношение Зевсу-спасителю и тем положили основание Немейским играм. Когда Геракл принес льва в Микены, Эврисфей пришел в великий ужас при виде мощного героя и страшного зверя, и отдал такое приказание: отныне Геракл доказательства своих подвигов будет показывать с городских ворот.

Герако должен был убить еще и лернейскую Гидру, страшную змею с девятью головами: восемь из которых были смертны, средняя же бессмертна. Гидра была также порождением Тифона и Эхидны.

Она выросла в Лернейском болоте, близ источника Амимоны, и оттуда нападала на стада и опустошала страну. С мужеством в сердце, Геракл отправился на эту борьбу в колеснице, которою правил его племянник Иолай, мужественный сын Ификла.

Прибыв в Лерну, Геракл сошел с колесницы и стал искать врага. Он нашел Гидру в пещере, имевшейся в одной скале, и выгнал ее оттуда своими стрелами; дело дошло до опасной борьбы. Зверь бешено бросился на героя; но Геракл наступил на него ногой и держал ее под собою: между тем как Гидра длинным хвостом своим обвила ему другую ногу, Геракл своею дубиной смело стал наносить чудовищу удары по шипящим головам. Но не мог он умертвить чудовища: каждый раз вместо отбитой головы вырастали из туловища две другие. К тому же явился еще и новый враг – огромный рак, щипавший ноги Геракла. Геракл раздавил его и призвал Иолая к себе на помощь. Юноша поджег часть ближайшего леса и горячими головнями обжигал раны гидры, чтобы из них не могли расти новые головы. Наконец, осталась только одна не умирающая голова. Геракл снял и ее, и похоронил возле дороги под тяжелой скалою. Потом разрезал тело чудовища и омочил свои стрелы в его ядовитой желчи. С тех пор стрелами своими Геракл стал наносить неизлечимые раны.

5. Керинейская лань. – Эриманфский вепрь и Стимфалийские птицы

За первыми двумя подвигами следуют три других, совершенные Гераклом на охоте в аркадских лесистых горах.

Третьим подвигом Геракла было доставить керинейскую лань в Микены живой. То была прекрасная, посвященная Артемиде, златорогая и медноногая дань, неутомимая в беге и невероятно быстрая. Так как Геракл не хотел ни убивать ее, ни ранить, то целый год гнался он за нею до Гиперборейской страны и источников Петра и потом опять пригнал в Аркадию. Нако-

нец, утомившись долгой охотой, Геракл выстрелил в лань в то время, как она хотела перейти через реку Ладон, ранил ее в ногу, схватил ее, взвалил на плечи и понес в Микены. Встретившаяся ему на пути Артемида стала упрекать его за лань и хотела отнять ее. Геракл же перед ней оправдывался и свалил вину на Эврисфея, повелению которого он повиновался, и Артемида успокоилась. Так живою принес он лань в Микены.

Когда Геракл доставил лань в Микены, Эврисфей поручил ему поймать Эриманфского вепря. Этот вепрь жил на Эриманфской горе, между Аркадией, Элидой и Ахайей, и часто вторгался в пределы города Псофа, где опустошал поля и губил людей. По пути на эту охоту Геракл перешел через высокие и лесистые горы Фолос, в которых жили кентавры, с тех пор как были изгнаны лапифами из Фессалии. Усталый и голодный Геракл пришел к пещере кентавра Фола и радушно был им принят, ибо Фол (получеловек и полуконь, как и другие кентавры), не был, подобно Хирону, так груб и зверски дик, как остальные существа его породы. Он угостил Геракла вареным мясом, между тем как свою порцию, не успевшую свариться, съел сырою. Геракл, любивший после трудов и усилий выпить за трапезою хорошего вина, изъявил желание выпить: но хозяин боялся открыть сосуд с вином, драгоценный подарок кентаврам от Диониса, находившийся у него на хранении: боялся он, что придут кентавры и в диком гневе своем, нарушат гостеприимство, Геракл ободрил его, и сам открыл сосуд. Оба они весело выпили полными чашами, но вскоре, как и опасался хозяин, явились другие кентавры. Почуяв сладкий аромат вина, со всех сторон бросились они к пещере Фола, в дикой ярости вооружились глыбами скал и стволами пихт и напали на Геракла. Он отразил нападение, бросая им в грудь и лицо горящие головни, и выгнал их из пещеры. Затем он преследовал их своими стрелами и последних оставшихся гнал до Малейского мыса, где они искали убежища у Хирона, прогнанного сюда из Пелионских гор. В то время, как кентавры, ища убежища, теснились около него, в колено ему попала стрела Геракла. Тут только герой узнал своего старого друга, с великою скорбью поспешил он к нему, приложил к ранам целебные травы, данные ему самим Хироном, перевязал их; но рана, нанесенная отравленною стрелой, была неисцелима. Поэтому Хирон впоследствии добровольно и принял смерть за Прометея. Геракл возвратился в пещеру Фола и, к великому своему горю, нашел и его мертвым: Фол вынул стрелу из раны одного убитого кентавра и, рассматривая ее, дивился, как такая маленькая вещь может замертво положить исполина. Но вдруг выпала у него стрела из руки, ранила его в ногу, и тотчас же поразила его насмерть. Геракл с грустью похоронил своего хозяина и отправился отыскивать Эриманфского вепря.

Криком выгнал он зверя из лесной чащи и преследовал до самой вершины горы, где вепрь засел в глубоком снегу. Герой добрался до него, сковал его и привел живым в Микены. Когда Эврисфей увидел страшного зверя, то от страха спрятался в медную кадку.

Стимфалийские птицы жили в глубокой лесистой долине, у озера, близ аркадского города Стимфала. Это была огромная стая страшных хищных птиц, величиною с журавлей: у них были медные крылья, когти и клювы, и могли они бросать свои перья словно стрелы. От них во всем крае было не безопасно, – они нападали на людей и на животных и поедали их. Геракл исполнил поручение и выгнал их. Когда пришел он в долину, стаи этих птиц рассыпались по лесу. Стал Геракл на одном холме и вспугнул их страшным шумом двух медных трещоток, данных ему с этой целью Афиной, чтобы лучше в воздухе настичь их своими стрелами. Но не мог он перебить всех: часть их улетела далеко на остров Аретиас, к Эвксинскому Понту, где впоследствии встретили их аргонавты.

6. Авгий и его конюшни

Геракл очистил в один день скотный двор Авгия; это был его шестой подвиг. Авгий был сыном лучезарного бога солнца Гелиоса и царем Элиды. Он прославился своим безмерным богатством, которым обязан был своему любящему отцу.

Бесчисленны, как облака небесные, были стада его быков и овец. У трехсот его быков ноги были белы как снег; двести были пурпурового цвета; двенадцать быков, посвященные богу Гелиосу, были белы как лебеди, а один, по имени Фаэтон, блистал, как звезда. На большом скотном дворе, куда загонялись все эти животные, накопилось со временем столько навоза, что, казалось, невозможно было его вычистить. Когда явился Геракл, то предложил он Авгию очистить двор в один день, если царь отдаст ему десятую часть своих стад. Авгий охотно принял условие, ибо сомневался в исполнимости этого дела. Геракл призвал Авгиева сына Филее в свидетели договора, и тогда, разломав в двух противоположных местах стену скотного двора, провел через него обе реки Алфей и Пеней; напором воды в один день снесло все нечистоты со двора, и таким образом Геракл выполнил свое дело. Но Авгий не отдавал ему договорной платы и даже стал запирать даже в своем обещании. Он готов был даже вести дело судом. Собрали суд, и Филей стал свидетельствовать против отца. Тогда Авгий, прежде чем решение суда состоялось, изгнал из своей страны Филее и Геракла. Филей отправился на остров Дулихий и поселился там. Геракл же воротился в Тиринф.

Впоследствии, когда Геракл освободился от службы Эврисфею, он отомстил Авгию: собрал большое войско и напал на Элиду. Но племянники Авгия, близнецы, сыновья Актора и Молионы, называемые поэтому Актoридами или Молионидами, подстерегли его войско в засаде и разбили его. Сам же Геракл в это время был болен. Скоро потом сам он подстерег Молионидов при Клеонах в то время, как они отправлялись на Истмийские игры, и перебил их. Потом он снова пошел на Элиду и предал ее огню и мечу. Наконец, стрелою своей убил он и самого Авгия. После этого собрал в Писе он все свое войско и принес туда богатую добычу, затем отмерил отцу своему Зевсу священный участок земли и посадил на нем оливы. Наконец принес жертву двенадцати олимпийским богам и богу реки Алфее и установил Олимпийские игры. Отборнейшие воины из Гераклова войска, попытав свои силы в различных состязаниях, вечером, при очаровательном лунном свете, справляли дивный пир и пели победные песни.

Из Элиды Геракл направился в Пилос, вотчину царя Пелея, союзника Авгия. В Пилосе дело дошло до страшной битвы, в которой участвовали и боги. Могучий герой выступил против самих Аресе и Геры и своею палицей ударил по трезубцу Посейдона и по скипетру Аида, по тому самому скипетру, которым подземный властитель гонит мертвых в свое царство. Сопротивлялся Геракл даже серебряному луку могучего Аполлона. С помощью Зевса и Афины, Геракл одержал победу; завоевал город Пилос, разорил его, убил Пелея и одиннадцать прекрасных, юных сыновей его. Из них больше всего возился он с Периклименом, который от Посейдона получил дар превращений. Гераклу он представлялся в виде льва, орла, змеи, пчелы; когда же, намереваясь напасть на героя, он, обратившись мухой, сел за колесницу Геракла, Афина открыла своему герою очи; увидел он истинный образ врага своего и выстрелил в него из лука.

Из всей семьи Пелея остался в живых только Нестор, младший из двенадцати сыновей. В это время он был в Герении, и оттого впоследствии было дано ему прозвище Геренийский.

7. Критский бык. Кобылицы Диомеда

Критский бык был выслан Посейдоном из моря царю критскому Миносу с тем, чтоб он быка этого принес ему в жертву. Но Минос оставил прекрасного и сильного быка в своем стаде и заколол другого. За это Посейдон привел быка в ярость, тот он производил опустошения

на всем острове. Эврисфей поручил Гераклу поймать это страшное животное и доставить в Микены. С помощью Миноса Геракл поймал быка и укротил его могучей рукой. Потом он приплыл на нем в Микены и привел его к Эврисфею.

Убежав от Эврисфея, бешеный бык стал бродить но всему Пелопоннесу и, наконец, пришел в Аттику, страну Марафонскую, где и поймал его однажды Тезей.

Геракл должен был еще привести в Микены коней фракийского царя Диомеда. Эти кони были так дики и сильны, что их нужно было приковывать к яслям крепкими железными цепями. Они ели человеческое мясо: свирепый Диомед, укрепленный замок которого находился на морском берегу, бросал им чужестранцев, которых море прибивало к берегу. На корабле отправился Геракл во Фракию, взял коней и сторожей их и повел их к кораблю. Тогда у морского берега встретил его Диомед с своими, воинственными фракийцами, и разгорелась тут кровавая битва, в которой Диомед был убит, а тело его Геракл бросил на съедение его же коням.

Во время битвы Геракл отдал коней на сохранение любимцу своему Абдеру, но, возвратясь с битвы, не нашел его: прекрасный юноша был разорван конями. Горько оплакивал его Геракл, совершил погребение и над могилой его воздвиг величественный курган. На месте, где погиб Абдер, Геракл учредил в честь юноши игры и основал город, названный им Абдерой.

Приведенных ему коней отпустил Эврисфей, и на Ликейских горах, в Аркадиии, были они растерзаны дикими зверями.

8. Пояс Ипполиты. Быки Гемона

Некогда воинственным народом амазонок правила царица Ипполита. Знаком ее царского достоинства был пояс, подаренный ей богом войны Ареем. Дочь Эврисфея, Адмета, пожелала иметь этот пояс, И тогда Эврисфей поручил Гераклу добыть его. По Эвксинскому Понту приплыл Геракл к столице амазонок Фемискире, что на устье реки Фермодонта[18], и стал близ нее лагерем. Вскоре пришла к нему сама Ипполита со своими амазонками и спросила о цели его прибытия. Величественный вид и благородное происхождение героя расположили Ипполиту в его пользу: она охотно пообещала отдать ему пояс. Но Гера, желая погубить ненавистного ей Геракла, приняла вид амазонки и распустила слух, будто чужеземец хочет похитить царицу. Тогда взялись амазонки за оружие и напали на лагерь героя. Началась страшная битва, в которой с Гераклом состязались самые знаменитые и храбрые амазонки. Раньше других напала на него Элла, за дивную быстроту свою прозванная «Вихрем», но в Геракле нашла она еще более быстрого противника. Побежденная Элла искала спасения в бегстве, но герой догнал и убил ее. Погибла и Протоя, семь раз остававшаяся победительницей в единоборстве. Три девы, подруги Артемиды и спутницы ее на охоте, никогда не дававшие промаха охотничьим копьем, вместе цапали на героя, да не угодили на этот раз в цель и под ударами противника пали, прикрываясь своими щитами, на землю. Многих других воительниц предал Геракл смерти, полонил и храбрейшую сестру предводительницы амазонок Меланиппу. Обратились тогда амазонки в бегство, и много их погибло в этом бегстве. Пленил Геракл и подругу Ипполиты, отважную и прекрасную дочь самого бога Ареса воинственную Антиопу – ее он отдал в дар своему другу и спутнику Тезею. Меланиппу же герой отпустил на свободу, когда Ипполита выполнила свое обещание, данное ему перед битвой и вручила ему свой пояс.

Из далеких восточных стран Геракл прибыл на крайний запад. Эврисфей повелел ему пригнать в Микены стада трехглавого исполина Гериона, пасшиеся на острове западного океана, Эрифия. Пурпурных, блестящих быков охраняли великан Эвритион и страшный пес Орф. До Эрифее лежал далекий и трудный путь через Ливию и Европу, через варварские страны и

[18] Предание относит местожительство племени амазонок либо в Малой Азии либо в предгорьях Кавказа.

пустыни. Достигнув пролива, отделяющего Европу от Ливии, Геракл в память об этом самом дальнем путешествии по обеим сторонам пролива поставил по столповидной скале, и зовутся с тех пор эти скалы «Столпами Геракла». Вскоре потом прибыл он к берегу океана, но до Эрифии, цели путешествия, было еще далеко: как достичь ее, как переплыть мировую реку-Океан? Не зная, что предпринять, мучимый нетерпением, до самого вечера сидел Геракл на берегу океана, и вот видит, на лучезарной своей колеснице к океану катится Гелиос с высокого неба.

Тяжко было герою смотреть на близкое солнце, и в гневе натянул он свой лук на лучезарного бога. Подивился бог смелости дивного мужа, но не разгневался на него, уступил ему даже кубковидную ладью, на которой каждую ночь объезжал, северную половину земли. На этом челне прибыл Геракл на остров Эрифию. Здесь тотчас же бросился на него пес Орф, но герой убил его своей палицей. Убил он также и Эвритиона и погнал стада Гериона. Но пастух подземного царства Менойт, пасший невдалеке стада Аида, был свидетелем похищения и рассказал о том Гериону. Исполин погнался за героем, но погиб от его стрелы. Геракл поместил быков на ладью солнца и поплыл обратно в Европу, где возвратил Гелиосу судно. И погнал он стада свои через Иберию и Галлию, через Пиренеи и Альпы.

Преодолев много опасностей, прибыл Геракд к реке Тибр, к тому месту, где впоследствии был построен город Рим.

Остановившись в прекрасной долине Тибра, Геракл беззаботно предался сну, а в это время двух самых красивых быков из стада похитил огнедышащий исполин Как, живший в пещере Авентинской горы и производивший страшные опустошения во всей окрестной стране. На следующее утро Геракл хотел уже гнать дальше своих быков, да заметил, что не все стадо цело. И пошел он по следу затерявшихся быков и достиг пещеры, задвинутой огромной, тяжелой скалой. Головы и тлеющие кости убитых людей развешаны были по скале у входа и разбросаны по земле. Геракл подумал, не обитатель ли подозрительной пещеры похитил быков его, но – дивное дело! – след вел не в пещеру, а из нее. Этого не мог он понять и поспешил погнать стада свои из негостеприимной страны. Тогда заревел один из быков Геракла, как бы сетуя на оставшихся, и такой же рев послышался в ответ ему из пещеры. Полный гнева, Геракл возвратился к жилищу Как, могучими плечами отвалил тяжелый камень входа и ворвался в пещеру. Исполин бросал в него обломки скал и стволы деревьев, но не мог ни устрашить, ни удержать врага. Подобно вулкану, с страшным ревом изрыгал он на него дым и пламя, но не устрашил и этим разгневанного героя. Перескочив чрез поток пламени, трижды, четырежды ударил он Как по лицу; упало страшное чудовище на землю и испустило дух.

В то время, как в благодарность за победу Геракл приносил в жертву Зевсу быка, пришли к нему окрестные жители и между другими— Эвандр, переселившийся из Аркадии и здесь положивший первые начала высшей культуры. Все они приветствовали Геракла, как своего избавителя и благодетеля. Эвандр, узнав в Геракле Зевсова сына, воздвиг ему алтарь, принес жертву и на веки вечные установил ему культ на месте последнего подвига, – месте, которое и впоследствии римляне считали священным.

Когда Геракл прибыл к Сицилийскому проливу, одип из быков его упал в море и приплыл к западной части острова Сицилия, где царь Эрикс присвоил его. Поручив Гефесту стеречь оставшихся быков, Геракл отправился за потерянным. Отдать быка Эрикс соглашался только в том случае, если Геракл одолеет его в единоборстве; Геракл одолел и убил его. На берегу Ионийского моря новая неудача постигла Геракла. Гера привела быков его в ярость, рассеяла их, и собрать стадо стоило герою большого труда. Наконец, собрал он большую часть и пригнал в Микены, где Эврисфей принес их в жертву Гере.

9. Яблоки Гесперид. Цербер

На дальний запад увлек Геракла одиннадцатый подвиг его. Здесь, на краю земли, на берегу океана, было дивное, златоплодное дерево, которое выростила некогда Земля и подарила Гере во время бракосочетания ее с Зевсом. Дерево то находилось в душистом саду Атланта небодержателя; ухаживали за ним нимфы Гесперид, дочери исполина, а стерег его страшный дракон Ладон, глаза которого никогда не смежались сном. Геракл должен был принести три золотых яблока с чудного дерева – дело тем более трудное, что не было в точности известно, в какой стране находится дерево Гесперид.

Преодолевая неимоверные трудности, Геракл долго блуждал по Европе, Азии и Ливии и прибыл, наконец, на крайний север, к берегам реки Эридан. Нимфы посоветовали ему подкраться к морскому старцу, богу-провидцу Нерею, напасть на него и вынудить его открыть тайну золотых яблок. Так и Геракл и сделал: сковал он бога морского и тогда лишь выпустил, как узнал от него путь к Гесперидам.

Путь его лежал через Ливию, и там напал Геракл на сына Земли, исполина Антея, и вызвал его на борьбу. Пока прикасался Антей ногами к матери Земле, сила его была неодолима; но когда Геракл, обняв Антея, поднял его с земли, исчезла вся мощь великана: одолел его Геракл и убил. Из Ливии Геракл прибыл в Египет. Египтом правил в то время Бусирид, приносивший в жертву Зевсу всех иноземцев.

Когда Геракл прибыл в Египет Бусирид и его сковал и повел к алтарю; но разорвал герой оковы и убил Бусирида вместе с его сыном.

Наконец, Геракл у Атланта, державшего на плечах своих свод небесный. Атлант обещал Гераклу добыть яблоки Гесперид; но герой должен был держать за него на это время небо. Геракл согласился и на могучие плечи свои взвалил свод неба. Возвратившись с золотыми яблоками, Атлант предложил герою подержать тяжесть еще некоторое время, сам же взялся доставить золотые плоды в Микены.

– Согласен, – ответил ему Геракл, – дай мне лишь сделать подушку, положу я ее себе на плечи: слишком уж давит меня небесный свод.

Атлант поверил; но когда он стал на прежнее место, давимый тяжелою ношей, Геракл поднял с земли свой лук, стрелы и яблоки и дружески простился с обманутым исполином. Герой отдал яблоки Эврисфею, но, получив их обратно в дар, принес в жертву Афине-Палладе; богиня же возвратила их на прежнее место.

Самым трудным и самым опасным подвигом Геракла на служении Эврисфею был последний. Герой должен был снизойти в мрачныйТартар и достать оттуда пса Цербера.

Цербер был страшный, треглавый зверь, хвост которого имел вид и свирепость живого дракона; на гриве же зверя извивались всевозможные змеи. Перед совершением подвига Геракл посетил Элевсин, и там жрец Эвмолп посвятил его в элевсинские таинства, освобождавшие человека от страха смерти. Затем герой прибыль в Лаконику, откуда чрез мрачную расселину лежал путь в подземный мир. По этому мрачному пути Гермес – путеводитель мертвых – и провел Геракла.

Близ ворот Аидова жилища Геракл увидел Тезее и Пирифета, приросших к скале за то, что осмелились низойти в подземный мир с целью похитить оттуда величественную супругу Лида, Персефону. И простерли они к герою руки, моля оторвать их от скалы, избавить от мучений.

Геракл подал руку Тезею и освободил его; но когда хотел оторвать от скалы Пирифета, задрожала земля, и Геракл увидел, что богам неугодно освобождать этого преступника.

В ужасе бежали тени при виде могучего мужа: лишь Мелеагр и Медуза не тронулись с места. На Медузу уже поднял Геракл меч, но Гермес остановил его, сказав, что это уже не та

страшная окаменяющая взглядом горгона, а лишь тень ее, лишенная жизни. Дружески побеседовал герой с Мелеагром и, по его желанию, обещал взять в замужество сестру его Деяниру.

Чтоб оживить безжизненные тени кровью, герой убил одну из коров Аида, которых пас Менойт. Из-за коровы завязалась у них борьба; Геракл обхватил Менойта и переломал ему ребра.

Достиг, наконец, Геракл трона Аида. Как посвященного в элевсинские тайны, милостиво принял его бог подземного мира и дозволил взять с собою на землю пса, если только сумеет он одолеть его без оружия. Прикрытый панцирем и львиной шкурой, герой вышел на чудовище, нашел его у устья Ахерона и тотчас же напал на него. Могучими руками обхватил Геракл тройную шею страшного пса и хотя нестерпимо больно язвил его дракон, служивший хвостом чудовищу, герой душил Цербера до тех пор, пока, побежденный, дрожа от страха, не тот не припал к его ногам. Геракл сковал его и привел на землю. Ужаснулся пес ада, когда увидел свет дневной; ядовитая пена полилась на землю из тройной его пасти, и от этой пены выросла ядовитая трава борец. Геракл поспешил привести чудовище в Микены и, показав его оцепеневшему от ужаса Эврисфею, отвел обратно в область Аида.

Так совершил Геракл свои двенадцать подвигов. Исполненный удивления к могучему герою, обезоружившему самую смерть, Эврисфей освободил его от служения себе. Геракл отправился в Фивы, где верная Мегара, во время долгого отсутствия мужа блюла его дом. С этого времени Геракл мог уже свободно располагать собой.

10. Геракл у Эврита

Не долго Геракл пожил в Фивах: его томила жажда деятельности; к тому же невыносимо было для него жить с Мегарой, троих детей которой убил он в припадке безумия. Выдав Мегару за любимого племянника и друга своего Иолая, Геракл отправился на остров Эвбею, в Эхалию, горную крепость Эврита. Царь Еврит был самый меткий в древности стрелок из лука; сам бог Аполлон научил его этому искусству и дал ему лук свой в подарок. От него научился стрельбе из лука Геракл, бывший с ним издавна в дружеских отношениях. Узнав, что Эврит обещал выдать прекрасную дочь свою. Свою в жены тому, за того, кто одержит над ним верх в стрельбе, Геракл явился между соискателями руки царевны: горел он желанием состязаться с таким знаменитым стрелком, да и к тому же любил прекрасную Иолу. Одержав верх над Эвритом, Геракл потребовал, чтобы царь отдал ему Иолу, которая и сама чувствовала сильное влеченье к великому герою.

Однако Эврит не только отказал ему, но нарушая святость гостеприимства, вместе с сыновьями своими издавался над ним, попрекнул его рабской службой Эврисфею и убийством собственных детей.

Глубоко огорченный, удалился Геракл из царского дома и долго блуждал он, ища себе новых подвигов.

В это время у Эврита пропали быки. Быков тех украл Автолик, сын Гермеса, хитрейший вор в древности. Эврит же подумал, что похитителем был обиженный им Геракл.

Но за героя вступился Ифит, единственный из сыновей Эврита, дружный с Гераклом. Чтобы доказать невинность героя, Ифит решился сам искать быков. Во время странствий своих встретился он с Гераклом, возвращавшимся из фессалийского города Фер, от гостеприимного царя Адмета, и попросил героя помочь ему отыскать быков. Геракл дал слово, пригласил Ифита к себе в Тиринф и радушно угостил его.

Но когда взошли они на высокие тиринфские стены посмотреть, не видать ли быков, в Геракле пробудилось воспоминания о позоре, который перенес он в доме Эврита: гнев овладел им и жажда мести. Мгновенно пришел он – не без содействия Геры – в ярость, сбросил друга своего с высокой зубчатой стены и убил его до смерти.

Преступление это не могло остаться безнаказанным. Хотя впоследствии Геракл и очистил себя от него, но Зевс поразил его трудной и продолжительной болезнью.

Геракл прибыл в Дельфы и просил Аполлона избавить его от страданий, но Пифия изгнала его из храма, как осквернённого убийством, и отказала ему в прорицании. Тогда Геракл взял треножник, с которого возвещались обыкновенно предсказания, вынес его из храма и хотел основать свой собственный оракул. Не мог допустить этого Аполлон, и вот началась борьба между сыновьями Зевса – героем и богом.

Но Громовержец ударом молнии, упавшей между борцами, разлучил противников. Помирились братья, и Гераклу возвестила жрица:

– Исцелишься ты, если три года пробудешь в рабстве и уплатишь Эвриту мзду за убийство.

Охотно подчинился Геракл своей участи и дал Гермесу продать себя лидийской царице Омфале. Пеню Гермес принес к Эвриту, но царь не принял ее и остался, несмотря на все унижение Геракла, врагом ему.

Геракл и Омфала

За три года пребывания в рабстве у Омфалы натерпелся Геракл самых тяжких унижений: прежняя геройская сила. казалось, оставила его совершенно. Гордая царица любила тешиться над своим великим пленником, изнеживала и усыпляла его воинский дух. Одевала она его в женское платье, обувала в мягкие сандалии и заставляла прясть шерсть. Усадив покорного раба своего за прялку, сама она набрасывала на себя его львиную шкуру и, улыбаясь, играла тяжелой палицей, повергавшей некогда на землю исполинов и чудовищ.

Позволяла царица иногда рабу своему отправляться в соседние страны; так, однажды, был Геракл в Эфесской земле.

Улегшись под тени ветвистого дерева, беспечно предался он сну; в это время подкрались к нему карлики-керкопы, лукавый, бесполезный народ. Полюбилось им прекрасное оружие Геракла и захотелось им украсть его. Но пробудился Геракл, схватил этих вороватых забавников, связал им руки и ноги, повесил их вниз головой на длинный шест и понес, взвалив шесть на плечо. Но и в этом неприятном положении забавники не оставили своих шуток и развеселили героя так, что он отпустил их на свободу.

Был Геракл и во Фригии, в городе Кедены, где царем был в то время Литиерс. Царь этот заставлял проходивших по его владениям путников жать на поле своем хлеб, сам же пировал и бражничал в то время, как они работали. Вечером отрубал он им головы, связывал обезглавленные тела в снопы и с песнями относил домой. То же хотел сделать Литиерс и с Гераклом, но герой убил его и бросил тело его в Меандр. Подобным же образом умертвил он в Авлиде Силея, заставлявшего чужестранцев окапывать ему виноградники. Геракл, вместо того, чтобы окапывать лозы, вырвал их и стал пировать на счет своего нанимателя. Разгневанный Силей хотел наказать его, но Геракл убил его и, отведя русло соседней реки, потопил все его хозяйство.

Так постепенно пробуждался в Геракле геройский дух и жажда деятельности; для Омфалы и лидийцев принимал он участие не в одном великом предприятии. В это же время ходил он на калидонского вепря и участвовал в походе Аргонавтов. Но истечении трех лет Геракл получил свободу и снова стал обладать полной геройской силой.

12. Геракл и Адмет

(по Еврипиду „Алкестида")

Изгнанный из дома Эврита, Геракл зашел в фессалийский город Феры, к благочестивому и гостеприимному царю Адмету. Адмет был любимец Аполлона. Осужденный Зевсом на год

рабства за избиение циклопов, Аполлон избрал себе наказанием служение Адмету и стал пасти его стада. С этого времени благодать снизошла на Адмета: на полях его стали произрастать самые прекрасные плоды, а кони – славиться своей красотой и быстрым бегом. Аполлон же помог любимцу своему овладеть рукою Алкестиды, прелестнейшей из дочерей Пелия.

Царь Пелий обещал отдать дочь свою в замужество тому, кто сможет впрячь в его колесницу льва и медведя. Аполлон исполнил Адмета великой силы и помог ему впрячь в колесницу диких зверей.

Еще одно благодеяние оказал Аполлон Адмету. Ои упросил богинь судьбы, мойр, чтобы не давали они умереть Адмету в назначенный час, если другой кто-нибудь согласится принять за него смерть. Настал роковой для Адмета час, и никто из друзей не решался умереть за него; даже престарелые родители его, ждавшие смерти с часу на час, не хотели сохранить юного, полного сил Адмета для его жены и детей. Лишь любящая супруга его, юная Алкестида, решилась отказаться от полной радостей жизни и низойти в мрачную область Аида.

Едва лишь высказала Алкестида свое желание, как уже явился мрачный жрец смерти Танатос; жертвенным мечом своим он готов был уже отрезать у Алкестиды локон волос и увести ее в подземный мир. На всех алтарях приносил Адмет богатые жертвы, моля богов отвратить страшное несчастие; но жертвы и мольбы напрасны: Алкестида уже чувствует смерть в груди своей и готова умереть. Омылась она, облеклась в чистую одежду, подошла к домашнему алтарю Гестии[19] и молила ее даровать счастье и благодать милому супругу ее и дорогим детям. Подходила она и к другим домашним алтарям, увенчивала их миртами и молилась с твердостью, без жалобных стенаний. Печальная легла потом Алкестида на свое ложе в ожидании близкой смерти. С плачем припадали к ней дети и муж и молили не покидать их. Плачет весь дом о милой царице. Подав им руку, Алкестида старалась утешить их, обнимала детей и супруга.

– Мой милый! – говорила она, – охотно отдаю я жизнь, чтобы спасти тебя. Я не могла бы жить с моими сиротами. И радостно, с любовью отвергаю я благо жизни и блеск молодости…

„Отец и мать твои, которым подобало б
Вступить в чертоги смерти для спасенья сына
Великодушной смертью, – измучили тебя,
А ты – единственным у них был сыном.
О, мы вести еще могли бы радостную жизнь;
Ты не был бы лишен супруги, не остался бы,
Скорбя, один хранителем сирот!
Но так устроил горький бог.
Конечно, как отец, детей ты носишь.
Не менее, чем я сама. Не допусти же,
Чтобы они лишились права здесь,
В дому их матери, господствовать. Не дай
Им матерью такую женщину, что ниже
Была б меня достоинством. Она
Из зависти наложить дерзко руки
На них… Молю, исполни же ты эту просьбу…

Адмет, заливаясь слезами, обещал никогда не вводить в дом к себе другой жены:

– Как в жизни, так и в смерти ты мне пребудешь единственной и верной супругой.

[19] Гестия – древнейшая богиня домашнего очага, самая добрая, сердобольная и справедливая из всех олимпийских богинь.

Объятый глубокою скорбью, Адмет стал готовиться к погребению умершей супруги и всему народу повелел целый год носить по ней траур. Плакали фессалийцы о смерти царицы и славили ее как благороднейшую и великодушнейшую из жен, когда-либо живших; остригли волосы, облеклись в траурные одежды, остригли гривы лошадям. В это время к Адметову дому подошел Геракл. Адмет, вышедший на ту пору из дома, узнал его и встретил дружески. Как ни старался царь скрыть печаль свою, Геракл догадался, что в доме случилось какое-то несчастье, и хотел уже искать гостеприимства в чьем-либо другом доме. Но Адмет, никогда не отгонявший от своей двери чужеземца, так уклончиво отвечал на вопросы Геракла, что уговорил его войти в дом свой.

Геракл поверил, что в доме умерла дальняя родственница.

Адмет велел слуге отвести пришельца в покой, предназначенный для приема гостей, сам же отправился совершать погребение супруги. Усталый от продолжительного пути, Геракл с наслаждением вкушал предложенную ему пищу и пил вино, и когда вино начало горячить его кровь, он увенчал чело свое миртовым венком и с полным кубком в руках ликовал и предавался шумной радости.

– Что смотришь ты на меня так угрюмо и важно? – обратился он к слуге, – слуга должен быть приветлив с чужеземцем и не показывать ему мрачного вида. Велико горе, что у твоего господина умерла дальняя родственница! Поди сюда, я дам тебе мудрый совет; утешься, выпей со мной и наслаждайся радостями текущего дня. Друг! полный вином кубок разглаживает морщины на челе.

С ужасом отвернулся от пришельца слуга.

– Не знаешь ты нашего горя, – сказал он: не можем мы смеяться и ликовать при том ударе, каким поражен господин наш.

– Что такое? Да скажи мне, что случилось, кто у вас умер?

Слуга открыл ему наконец, что умерла Алкестида, супруга его господина.

– Что говоришь ты? Он лишился такой супруги и, несмотря на свое горе, все-таки дружелюбно принял в свой дом чужеземца и скрыл от него свою печаль; а я, в доме скорби и сетований, ликовал и венчал миртами свое чело. Скажи, где погребена жена Адмета, где мне найти ее могилу?

– Если пойдешь отсюда в Лариссу, на пути тебе встретится великолепный мавзолей – это и есть ее могила.

С этими словами слуга удалился.

Геракл был глубоко тронут гостеприимством, оказанным ему Адметом, и решился отплатить ему достойным образом.

– Я должен спасти умершую и снова возвратить ее в дом моего хозяина, – решил он. – Пойду и скроюсь за мавзолеем, когда же властитель теней, Танатос, облеченный в черные ризы, придет на могилу пить жертвенную кровь, я выскочу из засады, схвачу его и не выпущу до тех пор, пока он не отдаст мне усопшей. Если же он не придет, если попытка моя не удастся, я низойду в царство теней и вытребую Алкестиду у Плутона.

С этими словами Геракл тихо вышел из дома Адмета и отправился к мавзолею. Плача возвратился Адмет в свое опустелое жилище и горько сетовал и скорбел о том, что безрадостным стало его существование: лучше бы было для него умереть вместе с супругой. Но вот возвращается Геракл и ведет за руку закрытую покрывалом женщину.

– Ты не прав был, Адмет, – так начал Геракл, – что сокрыл от меня свою скорбь и в день сетования принял меня под свой кров. По неведению совершил я великое нечестие: ликовал, венчал чело миртами и творил небожителям радостные возлияния в твоем злополучном доме. Теперь порицаю я все это, но не хочу более смущать тебя. Обрати внимание на то, зачем пришел я к тебе еще раз. Видишь ли, я получил эту женщину в награду за победу в единоборство; приюти ее у себя до той поры. когда я снова возвращусь сюда.

Ужаснулся Адмет и стал просить Геракла, чтоб он отвел женщину к кому-либо из своих друзей, живших в городе: боялся он держать ее у себя, чтобы не навлечь на себя нарекания граждан и не оскорбить тени своей супруги.

– Дивное сходство в этой женщине с моей женой: и ростом и сложением напоминает она ее. О, уведи ее с моих глаз и не мучь меня ее видом! Надрывается у меня сердце и рекой льются из очей слезы, лишь только взгляну на нее.

Но Геракл неотступно убеждал его приютить у себя приведенную женщину, и Адмет изъявил наконец согласие и готовь был ввести ее в дом свой.

– Так береги же ее, – сказал Геракл, – взгляни-ка однако на нее еще попристальнее: действительно ли она похожа на твою жену? Полно тебе горевать!

С этими словами Геракл снял с женщины покрывало: и полный радости и ужаса, увидел Адмет перед собою свою супругу.

– Что это— тень из подземного царства, или кто из бессмертных, сжалясь надо мною, воззвал к жизни мою дорогую супругу?

– Это твоя жена, живая; я своими руками похитил ее на могиле у Танатоса. Только голос ее услышишь ты не прежде, как по истечении трех дней. Введи ее теперь в дом и наслаждайся счастьем с нею. Я похитил ее для тебя из области смерти за то, что ты оказал мне такое великодушное гостеприимство.

С радостью в сердце благодарил Адмет героя за возвращенное счастье, приглашал его остаться на некоторое время и принять участие в веселье, сменившем скорбь и сетования в Адметовом доме; но судьба влекла героя к новым подвигам.

13. Геракл и Лаомедонт

После победы над амазонками, Геракл, возвращаясь на родину, прибыл к берегу Трои. Здесь, на берегу моря, встретил он горько рыдавшую деву, прикованную цепями к одной из приморских скал. То была красавица Гесиона, дочь Лаомедонта, царя Трои. Случилось так, что властитель морских пучин, Посейдон, и светлокудрый Аполлон провинились перед Зевсом и, исполняя волю царя богов были отправлены на службу к Лаомедонту. За время своего рабства они укрепили город Лаомедонта, воздвигнув вокруг него крепкие стены. Но когда они окончили работу, вероломный царь Трои отказал им в обещанной награде и изгнал их из своей страны, погрозив отрезать им уши, если они попадутся еще когда-нибудь в его руки; Аполлона хотел он в таком случае сковать по рукам и ногам, продать в рабство на далекий остров.

Исполненные гнева, оба бога покарали Трою великими казнями. Аполлон поразил город губительной язвой, Посейдон же наслал на него из морской пучины страшное чудовище, опустошавшее страну и пожиравшее людей. Одно спасение оставалось жителям Трои, одно средство избавиться от беды: царь Лаомедонт должен был отдать чудовищу на съедение свою собственную дочь Гесиону. Удрученный горем, народ принудил царя пожертвовать дочерью.

Приковали Гесиону к прибрежному утесу и безнадежно несчастную оставили ее здесь ждать смерти, ждать той минуты, когда поглотит ее лютая пасть морского зверя. Но во время еще подоспел Геракл. Увидев девушку и узнав судьбу ее, он пообещал спасти ее, если только Лаомедонт даст ему в награду коня, полученного им никогда от Зевса, за содействие при похищении Ганимеда. В своем безысходном горе, Лаомедонт соглашался на всевозможные условия, и Геракл приготовился к бою с чудовищем.

Он притаился вблизи Гесионы, за высокой насыпью, наскоро сооруженной троянцами: и когда чудовище выплыло из морских вод и устремилось на обреченную ему деву, Геракл, выскочив из засады, с криком бросился на него, вонзил в пасть его меч и проколол тело зверя до самой печени. Зверь упал бездыханным, и девушка была спасена от смерти.

Но вероломный царь и на этот раз оказался неверен данному слову: не дал он Гераклу обещанного коня и с угрозами изгнал его из своей земли. Геракл удалился, ибо должен был не медля доставить в Микены пояс амазонской царицы, да и войско, ему сопутствовавшее, было малочисленно: нельзя было с таким войском осилить царя, скрывавшегося за крепкими городскими стенами. Уходя, Геракл дал себе в мыслях зарок обязательно возвратиться сюда при первой возможности, и наказать вероломного властителя.

Когда Геракл освободился от Омфалы, первым его предприятием был поход на Трою. На нескольких кораблях собрал он надежную рать из героев, добровольно пожелавших идти с ним на Лаомедонта. В числе спутников Геракла были Теламон и Пелей, сыновья Аякса, и Оиклей, отец славного прорицателя Амфиарая.

Когда они прибыли к берегу Трои, Геракл с большею частью своей дружины пошел к городу, оставив для прикрытия кораблей незначительный отряд под предводительством Оиклея. На этот-то малочисленный отряд Лаомедонт с лучшими из своих воинов совершил внезапное нападение и умертвил большую часть отряда. Геракл, возвратившись к кораблям, отразил атаку Лаомедонта, снова загнал его в город, сам же город взял приступом. Первым проник в Трою Теламон; Геракл же – вторым после него.

Не мог вынести герой, что пришлось ему уступить первенство другому, Вскипев гневом, готов уже был он пустить в Теламона копьем и поразить его насмерть; но тот вовремя заметил грозившую ему опасность, быстро нагнулся к земле и стал собирать камни. Изумленный, спросил у него Геракл: что хочет он делать?

– Воздвигаю алтарь Гераклу Каллинику, славному победителю, – так отвечал Теламон, и утих гнев героя. Лаомедонта и всех сыновей его, за исключением Подарка, Геракл умертвил своими стрелами.

Подарок же и сестра его, Гесиона, взяты были пленниками.

Царственную деву Геракл отдал другу своему Теламону в награду за победу; она стала женой Теламона, последовала за ним в Саламин и здесь родила ему сына Тевкра, воевавшего впоследствии под стенами Трои так же доблестно, как воевал некогда и отец его. Гесионе было дано позволение избрать одного из пленников и даровать ему свободу. Она выбрала своего брата Подарка. При освобождении ей надлежало дать за него примерный выкуп, и она отдала свое покрывало; и с тех пор брат ее стал называться Приамом, т. е. «искупленным». Он остался царем в Троянской земле, но пал впоследствии в другой войне, еще более ужасной.

Когда Геракл возвращался из-под Трои, Гера, раздраженная счастьем ненавистного ей героя, наслала на его корабли сильную бурю и прибила их к острову Косу, где войско Геракла ожидала опасная битва. При помощи бога сна Гера усыпила на это время Зевса, так что он и не заметил козней своей супруги. Во время пробудился однако Зевс и провел своего сына невредимым в Аргос, Геру же он изгнал с Олимпа. Искал он также и Гипноса, бога сна, – искал по всему Олимпу; сбросил бы он и его с своего высоковершинного капища в морскую бездну, но темная Ночь приняла Гипноса под свою защиту и сокрыла его от гнева Зевса.

14. Геракл и гиганты

После битвы с Лаомедонтом Геракл был призван Афиной-Палладой принять участие и борьбы богов с гигантами.

То были исполины необоримой силы, со страшными лицами, длинными бородами и густыми волосами на голове; вместо ног у них были змеиные хвосты, покрытые чешуей. При помощи этих хвостов и больших крыльев, похожих на крылья летучих мышей, они двигались по земле с быстротою равной быстроте молнии. Зародились гиганты из капель крови Урана, упавшей на землю в то время, когда с ним боролся сын его Кронос. Сильна была крамольная гордыня гигантов: надеясь на свои исполинские силы, они вступили в борьбу с богами, желая

вырвать из их рук власть над миром. Вооруженные громадными глыбами камней, пылающими стволами деревьев, собрались гиганты на флегрейских полях в Фессалии, вблизи Олимпа, обиталища богов; здесь и разгорелась страшная битва.

Зевс громил чудовищных исполинов громом и молнией; Афина разила их своим мощным копьем, Посейдон – трезубцем, Аполлон – луком, другие боги— иным оружием. Долго шла таким образом борьба, но долго оставалось неизвестным, за которой из борющихся сторон останется победа.

Не легко было гигантам побороть силы богов; но с другой стороны, и оружие богов было бездейственно против гигантов: мать их, Гея, волшебством и чарами защитила детей своих от оружия бессмертных. От силы же и оружия смертных не дано было гигантам защиты. Ведал это Зевс и послал Афину привести Геракла на помощь богам. Лишь только выступил Геракл на поле битвы, Гее стала искать волшебной травы, которая могла бы защитить ее детей от оружия человеческого;– но Зевс воспретил на небе являться солнцу, луне и утренней звезде Венере и сам срезал волшебную траву. Тогда совершилась судьба гигантов. Старший, самый высокий и самый сильный между ними, Алкионей – исполин с гору величиною, сражен был стрелою Геракла; но так как на месте рождения своего, в Паллене, где происходила битва, Алкионей был бессмертен и, прикасаясь к земле, приобретал от нее новые силы, то Геракл, по совету Афины, оттащил его за Палленскую границу и здесь предал смерти.

Порфирион, самый страшный из всех гигантов, напал на Геру и разорвал на ней одежду; Зевс поразил его за это молнией, а Геракл после того умертвил своею стрелой. Аполлон наметил Эфиальта и стрелой выбил ему левый глаз, Геракл же – правый. Дионис низложил Эврита тирсом, Гефест – Клития; на искавшего спасения в бегстве Энкелада Афина набросила остров Сицилию; Посейдон преследовал по морю Полибута и бросил на него часть острова Коса, и из этой части возник остров Низирос. Остальные гиганты были низложены другими богами, и более прочих богов и богинь в этой битве вместе с Зевсом слава досталась Афине-Палладе. Всех низложенных богами гигантов Геракл должен был добивать своими стрелами.

15. Геракл и Деянира

В этолийском городе Калидоне жил царь Ойней – кроткий, добродушный и гостеприимный. У него была дочь Деянира, Молва о необыкновенной, чарующей красоте Ойнеевой дочери дошла до самых отдаленных стран, и отовсюду сходились в Калидон искатели руки царевны. В числе женихов ее был также бог соседней реки Ахелой, являвшийся в дом Ойнее в различных видах: то в образе человеческом, то в виде сильного, круторогого быка или змеи, иди же в виде неслыханного чудовища: туловище у него было человеческое, голова – рогатая, бычачья, а из мохнатой бороды беспрерывно струилась вода. Ужасом наполнялось сердце Деяниры, когда Ахелой являлся в дом отца ее; но Ойней не осмеливался отказать мощному богу соседней реки, обладавшему возможностью посылать благодать на дом царя и карать его гибелью.

Вот однажды в числе женихов царевны появился и Геракл.

Еще в то время, когда герой нисходил в царство теней, Мелеагр рассказывал ему о своей бесценной сестре и просил его взять Деяниру себе в супруги. Пред славным сыном Зевса и мощным Ахелоем отступили все остальные женихи; спрашивалось только: который из двоих соперников овладеет рукой царевны? Так как отец не осмеливался взять на себя решение дела, то соперники положили решить его боем. На ровном месте, перед городом, пред очами царя, царицы и Деяниры, стали друг против друга Геракл и Ахелой, речной бог, принявший на этот раз человеческий образ. Вышли они в бой без всякого оружия. С трепетным, замирающим сердцем ожидала Деянира решения своей участи. Какого исхода желала она битве понять нетрудно; мощный сын Зевса, славный герой, пленил ее сердце.

Геракл, искусный во всех видах битв, нападал на неуклюжего Ахелоя то с той, то с другой стороны: то хватал он его за шею, то за жилистую крепкую ногу, – но не мог, несмотря на всю свою силу и ловкость, побороть исполина: Ахелой стоял твердо и незыблемо, как стена, как плотина, на которую тщетно напирают с шумом яростные волны. Истощенные и обессиленные, расходятся бойцы и схватываются снова. Напирая грудью на грудь, охватывая друг друга руками, борются они подобно двум разъяренным быкам. Трижды пытался Алкид грудью осадить назад напиравшего на него речного бога; при четвертой попытке ему удалось высвободить свои руки, и всею силой, всею тяжестью своего тела, как гора, налег он тогда на противника; жал и душил он его до тех пор, пока тот, задыхаясь, не опустился на колени и не прикоснулся лицом к земле. Едва лишь опустился Ахелой на землю, как превратился в змею. Извиваясь, скользит она из рук Геракла, шипит и разевает на него свою пасть.

– Бороться со змеями я умел еще в колыбели; лернейская гидра грозила мне не одной пастью! – воскликнул насмешливо Геракл и схватив змею обеими руками и крепко сжал ее.

Но змея внезапно обратилась в круторогого быка. Стоит бык перед Гераклом и грозит своими страшными рогами. Бестрепетной рукой схватил Геракл его за рог и бросает наземь с такой силой, что вырвал у него рог. Тогда только бог признал себя побежденным и, опозоренный, отказался от руки царевны.

Вырванный же рог выменял он на наполненный цветами и плодами рог изобилия, доставшийся ему от божественной козы Амалфеи.

Вступив в брак с Деянирой, Геракл долго оставался в доме своего гостеприимного тестя; но один несчастный случай заставил его удалиться и отсюда. Раз на пиру юноша, прислуживавший гостям за трапезой, подал ему для омовения рук воду, предназначенную дли мытья ног. Геракл хотел слегка наказать рассеянного парня; но рука его была так сильна, что мальчик замертво упал на землю. Хотя отец убитого простил герою невольное убийство и не потребовал никакого удовлетворения, но Геракл, несмотря на это, добровольно обрек себя на изгнание и вместе с молодой супругой отправился в Трахину, где намерен был поселиться у друга своего, царя Кеика.

Когда, идя в Трахину, дошли они до реки Эвен, то в пустынной и безлюдной стране встретили Несса, одного из рассеянных по земле кентавров; он занимался здесь прибыльным промыслом – перевозил на своей широкой спине путников через реку. Геракл поручил ему перевезти Деяниру, сам же пошел через реку в брод. Находясь уже на другом берегу реки, вдруг услыхал он громкий крик своей супруги; обратился назад и видит: грубый кентавр, прельщенный красой Деяниры, дерзко обнимает ее и, плывя вниз по реке, увлекает ее за собою.

– Мои стрелы быстрее твоих ног, разбойник! – воскликнул Геракл и вонзил ему в грудь остроконечную стрелу. Знал раненый кентавр, что стрелы Геракла смертоносны; вполне уверен был он, что гибель его неизбежна, и, без всякой надежды ждет минуты своей смерти. Но те мгновения, которые ему оставалось прожить, он употребил на то, чтобы погубить своего убийцу. Схватил он сгусток крови, вытекшей из раны и смешанной с ядом стрелы, и вручил ее Деянире.

– Тебя последнюю пришлось мне перевозить через реку, – проговорил он, – и тебе отдам я талисман, которым обладаю. Возьми эту кровь, укупори ее хорошенько и храни бережно, чтобы не коснулся ее ни один луч света. Если когда-нибудь случится, что супруг твой разлюбит тебя и полюбить другую женщину, смажь этою кровью его одежду, и любовь его возвратится к тебе снова и уже навсегда.

Деянира поверила кентавру и приняла его дар, упустив из вида, что дар этот шел из рук умирающего врага ее супруга. Прежде чем Геракл успел подойти к ней, она скрыла полученный талисман в плотно закупоренный сосуд, в намерении воспользоваться даром кентавра, если когда-нибудь представится в нем нужда. Этот мнимый талисман, это привораживающее средство и стало впоследствии причиной смерти Геракла.

После трудного пути по пустынным высотам Парнаса и Ойты, Геракл прибыль в Трахину, где его дружески принял Кеик и где он остался на житье на долгое время.

16. Смерть Геракла

(из Софокла „Трахиниянки")

Много лет прожил Геракл в Трахине с женой и детьми, но никак не мог он отстать от своего прежнего образа жизни и постоянно странствовал: то пойдет наказать кого-нибудь, то кого-нибудь выручить, спасти от погибели. Так пошел он со своею ратью в поход на Эврита, изгнавшего его никогда с позором из своего дома. Протек год и еще пять месяцев со времени отбытия Геракла, а Деянира не имела о нем никаких известий и не знала, где он и что с ним сталось. В прежнее время, когда герой отправлялся на какое-нибудь предприятие, он уходил из дома бодрый и веселый, в твердой уверенности, что скоро вернется победителем, и Деянира расставалась с ним без всякой заботы и печали; в этот же раз она с самого отхода супруга постоянно кручинилась и томилась боязнью об его участи. Да и сам герой был смущен печальным предчувствием чего-то недоброго. Он оставил жене дощечку, на которой было начертано предсказание оракула, предрекшего некогда: если когда-нибудь Геракл пробудет на чужбине, вдали от своего дома, более года и трех месяцев, то или смерть постигнет его, или же, если с ним не случится в это время никакого несчастия, он, возвратившись под кровлю своего дома, остальные дни жизни проведет мирно и беспечально среди близких ему людей, Веря предсказанию оракула, Геракл заблаговременно разделил между своими сыновьями землю, составлявшую достояние их предков, и определил, какую часть из его имущества должна наследовать Деянира.

Мучимая тоской Деянира сообщила все свои опасения старшему сыну своему Гиллу и внушила ему мысль самому отправиться на розыски отца. В то время как Гилл был уже готов отправиться в путь, к дому Геракла поспешно подошел один из его рабов и сообщил Деянире, что муж ее жив и скоро возвратится домой, увенчанный победой. Раб слышал это за городом из уст Лихаса, посланного Гераклом, чтобы сообщить Деянире радостную весть о его возвращении. Причиной же тому что вестник еще до сих пор не предстал пред Деянирой была радость и любопытство народа, обступившего его тесными толпами и требовавшего от него самых точных и подробных сведений обо всех приключениях, случившихся с Гераклом.

Наконец, пришел и сам Лихас с радостной вестью. Геракл разрушил вражеские твердыни и предал смерти кичливого царя со всеми детьми его; так отомстил герой Эвриту за нанесенное некогда ему оскорбление. Геракл прислал с Лихасом Деянире лучших из пленниц, взятых в последней войне; сам же остался на берегу Эвбеи, у Кенейского мыса, – здесь намеревался он принести по обету торжественную жертву Зевсу в благодарность за дарованную победу.

С грустью и страданием смотрела Деянира на пленниц, на этих несчастных девушек, не имеющих более ни рода, ни отчизны, обреченных на вечное рабство в чужой земле. Из всей толпы пленниц одна особенно привлекла внимание Деяниры своей дивный красой и царственным видом.

– Несчастная, – сказала, обратившись к ней, Деянира, – как жаль мне тебя, как тяжела твоя горькая участь! Скажи мне, кто ты и кто твои родители? Вид твой показывает, что ты происходишь, из знатного рода. Кто она, Лихас, скажи мне? Несчастная может только плакать, и не хочу своими расспросами растравлять печали ее сердца. Она не от крови Еврита?

– Откуда мне это знать, – отвечал Лихас с лукавым видом, – я не знаю ни имени, ни происхождения ее; должно быть, она из какого-нибудь знаменитого рода.

Деянира не расспрашивала более и приказала отвести пленниц в дом и обходиться с ними человеколюбиво.

Едва успел удалиться Лихас с приведенными пленницами, как к Деянире подошел тот раб, который первый принес ей весть о прибытии гонца от Геракла, и стал говорить такие речи:

– Не верь вестнику, присланному к тебе от мужа: он скрывает от тебя правду. Я сам из его же уст в присутствии многих свидетелей слышал, что муж твой из-за этой девушки и пошел войной на Эврита, из-за нее он убил его и разрушил его город. Пленница эта – Иола, дочь Эврита; Геракл искал некогда ее руки и до сего времени питает любовь к ней. Он прислал ее сюда не затем, чтобы сделать рабыней: она будет любимицей твоего мужа.

Речи раба поразили Деяниру: не скоро пришла она в себя.

Призвала она Лихаса, собиравшегося уже в обратный путь в Эвбею, и стала расспрашивать его снова.

– Ты солгал мне, когда я спрашивала тебя о происхождении и судьбе приведенной тобою пленницы; скажи мне теперь всю правду, без утайки. Я знаю – это Иола, Геракл ее любит. Заклинаю тебя великим Зевсом, не скрывай от меня истины. Или ты думаешь, что я могу гневаться на мужа за то, что любовь, властная над всем живущим, победила и его сердце? Или считаешь меня способной ненавидеть эту несчастную, которая не сделала мне никогда ничего дурного? С грустью и состраданием смотрела я на нее; краса ее сгубила ее счастье и повергла в рабство ее отчизну!

Лихас открыл ей наконец, истину и прибавил, что до сих пор он не говорил правды потому, что боялся смутить царицу. Спокойная, по-видимому, Деянира отослала от себя Лихаса и велела ему повременить отъездом в Эвбею; в благодарность за присланных ей пленниц она хотела послать Гераклу подарок своей работы.

Сердце Деяниры было подавлено тяжкой скорбью. С этой поры она уже не обладала безраздельно любовью Геракла, она не была более полной хозяйкой в его доме; у нее явилась соперница – юная, цветущая красавица, а Деянира была уже близка к той поре, когда красота начинает блекнуть и увядать; как же было ей не опасаться того, что ей придется скоро только по имени быть женою Геракла, любовь же его обратится к другой? Не могла бы перенести этого Деянира. И тогда вспомнила она о талисмане, данном ей когда-то Нессом, и с радостно взялась она за это средство, которое, как она верила, возвратит ей навсегда любовь мужа. Достала она волшебное снадобье, которое держала так долго втайне, вдали от огня и дневного света, и им натерла великолепную одежду, которую предназначала она в дар супругу. Бережно сложив одежду, уложила она ее в ящик и отдала Лихасу.

– Отвези эту одежду моему супругу – это мой дар, я сама изготовила ее. Но проследи, чтобы никто из смертных не дотрагивался до нее, чтобы не касался ее ни луч солнца, ни блеск огня до тех пор, пока Геракл, облеченный в нее, не подойдет торжественно перед всем народом к алтарю богов и не принесет на нем своей жертвы. Такой дала я обет – изготовить ему пышную одежду к тому времени, когда он, по возвращении с войны предстанет пред жертвенником богов для принесения благодарственной жертвы. А что дар этот от моих рук, в том пусть убедит его вот эта печать, которой я запечатываю отсылаемый ларец.

Лихас обещал в точности исполнить приказание своей госпожи и поспешил в Эвбею. А беззаботная и полная радостных надежд Деянира стала дожидаться возвращения супруга.

Только непродолжительно было спокойствие Деяниры, и радость ее скоро сменилась великим горем. Когда Деянира вошла случайно в ту комнату, где приготовляла она одежду супругу, она не нашла шерстяных концов которыми натирала ткань волшебным снадобьем; концы эти, как ни к чему более не нужные, бросила она на пол: но согретая лучами солнца шерсть истлела и распалась в прах; на месте же, где лежали концы, вздувалась и шипела какая-то ядовитая пена. Сомнение и боязнь овладели душой Деяниры: не случилось бы с Гераклом от ее дара какого несчастья! И мог ли кентавр дать ей добрый совет, – тот самый кентавр, который из-за нее был предан смерти ее мужем? В смущении, с тоскою в сердце ждала она вестей о своем супруге.

Внезапно в доме появился Гилл, который, не будучи в состоянии дожидаться дома прибытия отца, отправился к нему в Эвбею; Гилл принес смущенной Деянире страшную весть.

– О, мать! воскликнул он, полный гнева и ужаса, – лучше бы тебе не родиться на свет, лучше бы тебе не быть тебе моей матерью! Ты отняла у меня отца, ты умертвила своего супруга!

– Что говоришь ты, сын мой? – воскликнула Деянира, – кто внушил тебе, что я виновница несчастья?

– Я не от других слышал, я видел сам, своими глазами, – продолжал потрясенный юноша. Прибыл я к отцу в то время, когда он, воздвигнув Зевсу у подошвы Кенея множество алтарей, готовился приступить к торжественному жертвоприношению. В то же время прибыл в Эвбею и Лихас с твоим даром, со смертоносной одеждой. Отец обрадовался дорогому дару и, по желанию твоему, надел на себя присланную одежду и в ней приступил к принесению жертвы. Но в ту минуту, как он, полный гордого упоения одержанною победой, благоговейно поднял руки к небесам, тело его внезапно покрылось страшным потом, содрогнулись все его кости, словно поразило его жало ядовитой ехидны. Подозвал он к себе вестника, принесшего ему от тебя в дар одежду, и стал спрашивать: по чьему коварному внушению принес он отравленную ядом одежду?

Вестник не мог сказать в ответ ничего, кроме того, что одежду эту он получил от тебя, и едва успел он представить ответ, как Геракл, терзаемый невыносимою болью и судорогами, схватил несчастного, ни в чем не повинного раба за ногу и в дикой, безумной ярости ударил его о прибрежную скалу; волны поглотили обезображенный труп несчастного. Все присутствовавшие при этом ужасном событии испустили крик соболезнования о судьбе погибшего раба, и никто не решался приблизиться к бесновавшемуся Гераклу.

То пригибало его к земле, то подкидывало высоко вверх, причем он издавал страшные крики и стоны, и этим стонам вторило эхо гор. Когда, наконец, обессилев от боли, он упал и, катаясь по земле, стал громко проклинать брак с тобою, – брак, принесший ему преждевременную гибель, взор его случайно упал на меня. Проливая горькие слезы, я стоял неподалеку от него. «Подойди ко мне, сын мой! – сказал он мне: – Не оставляй меня в трудную минуту, унеси меня из этой страны, не дай мне умереть на чужбине!» Тут перенесли мы его на корабль и поплыли с ним к берегам Эллады. Труден был путь для страдальца: терзаясь страшными мучениями, дрожал он и беспрерывно стонал и кричал… Скоро прибудет корабль, и может быть вы увидите еще несчастного живым; но скорее всего он испустил уже дух… Мать, твое это дело; да покарают тебя мстительные Эриннии! От руки твоей погиб бесславною смертью лучший из мужей Эллады».

Ни слова не сказала Деянира в ответ на упреки сына.

Пораженная скорбью и отчаянием, безмолвно удалилась она во внутренние покои и долго бродила, как тень по опустелому дому; наконец, рыдая, бросилась на ложе, расстегнула золотые пряжки на одежде, развязала пояс и обнажила грудь.

Одна из служанок, последовавшая за Деянирой во внутренность дома и наблюдавшая за ее поступками, видя, что задумывает госпожа ее, пришла в ужас и бросилась звать к ней сына.

Когда Гилл с служанкой вошли в опочивальню Деяниры, они нашли ее уже бездыханной, плавающей в крови: обоюдоострым мечом поразила она себя в грудь и вонзила тот меч до самого сердца. Проливая горькие слезы, бросился сын на труп матери и горько скорбел о том, что так необдуманно обвинил ее в ужасном преступлении. Позднее уже узнал он от домочадцев о том, как обманута была Деянира коварным кентавром и как стала она невольной причиной смерти Геракла.

Еще Гилл покрывал поцелуями труп матери, как на дворе раздались шаги каких-то незнакомцев. То были люди, принесшие на одре Геракла. Стенания Гилла пробудили его из забытья, и снова стал он терзаться невыносимой мукой.

– Где ты, сын мой? – восклицал Геракл: – Сжалься надо мною, возьми меч и вонзи его мне в грудь; избавь меня от мучений! О, неблагодарные дети Эллады! Неужели никто из вас мечом или огнем не положить конца моим мукам? А сколько страдал я, сколько подвигов совершил, сколько понес трудов для блага Эллады! Посмотрите, вот те руки, которыми осилил я немейского льва и лернейскую гидру, которыми боролся я с гигантами и с псом Аида: где же моя прежняя необоримая мощь? Бессильны теперь мои мышцы, иссякла кровь у меня в жилах, и высох мозг в моих костях! И не копье вооруженного врага поразило меня, не рать гигантов, не чудовище пустыни, – меня сгубила рука женщины. О, приведи ее, сын мой, поражу я ее страшною казнью!

Тут поведал Гилл отцу то, что сам только недавно узнал от домочадцев, что вина Деяниры невольная: была она обольщена кентавром, вручившим ей, пред своей смертью, мнимый талисман – кровь из своей раны, смешанную с ядом лернейской гидры; этим волшебным, привораживающим снадобьем она и натерла посланную мужу одежду, веря, что этим средством снова привлечет к себе любовь его.

Рассказ сына смягчил гнев героя, и увидел он, что конец его близок: оракул некогда предсказывал ему, что никто из живых никогда не лишит Геракла жизни, – умертвить его сможет только мертвец. Тут только и уразумел герой это гадание. Поспешно обручив сына своего Гилла с Иолой, он велел нести себя на вершину Эты: хотелось ему умереть на этой горе, а не в другом месте, Здесь по его приказанию воздвигнут был огромный костерь; и Геракл возлег на него и просил сына и всех окружавших воспламенить костер. Никто однако не решался исполнить просьбы. Тут подошел к костру Филоктет, друг Геракла, повелитель соседней области.

Убежденный героем, Филоктет согласился зажечь костерь, и в награду за это получил смертоносные, не ведавшие промаха стрелы Геракла. Когда костер запылал, пламя его было усилено ударившей в него молнией; с неба спустилось густое облако, и Геракл, осененный облаком, при раскатах грома, был увлечен на вершину Олимпа. Пламя пожрало в герое бренное, смертное естество, и он, обоготворенный и уже бессмертный, вознесся в жилище богов.

На Олимпе преображенного героя приняла Афина-Паллада и повела его к отцу Зевсу и к Гере, преследовавшей Геракла во все время его многотрудной земной жизни, но теперь примирившейся с ним. Зевс и Гера сочетали обоготворенного Геракла с дочерью своей Гебой, вечно юной и вечно прекрасной богиней, и Геба родила Гераклу двух божественных сынов: Аникета – «непобедимого» и Алексиара – «отвратителя бед».

17. Гераклиды

(из Эврипида «Гераклиды»)

По смерти Геракла на детей его, Гераклидов, нашла великая напасть. Некоторые из них жили у Гилла, в Тиринфе, в крепости, построенной отцом их в Аргивской земле. Эврисфей же, ненавидевший и притеснявший Геракла всю его жизнь, стал преследовать и детей его. Чтобы избежать смерти, Гераклиды бежали из Тиринфа и отправились в Трахин. Но повелитель Трахина Кеик был слишком слаб и не мог им доставить защиты от преследований Эврисфея. Когда последний потребовал от Кеика выдачи укрывавшихся у него Гераклидов, они покинули Трахин и, бесприютные, блуждали по Элладе, переходя из одной страны в другую; никто не давал им убежища: все боялись мести сильного Эврисфея.

Такова была судьба сынов героя, страдавшего и трудившегося всю жизнь свою на благо эллинам. Наконец, нашелся человек, решившийся принять к себе гонимых Гераклидов: то был седой Иолай, старый друг и соратник Геракла. Принял их Иолай, как отец, и, укрывая от преследований, сам, несмотря на тягость лет своих, странствовал с ними из одной земли в другую. Прибыли они, наконец, в Афины, над которыми в то время царил Демофонт, сын Тезея. Моля о защите, старик сел с сыновьями Геракла на площади у алтаря Зевса. Алкмена же, чтобы

не дать своих внучек в обиду толпе, вошла с ними в один из соседних храмов. Гилл вместе со старшими братьями послан был искать верного места, где можно было бы укрыться детям Геракла в том случай, если бы им пришлось бежать и из Афин.

Было еще раннее утро, и площадь была безлюдна, перед скитальцами вдруг появился посланник Эврисфея, Копрей, прибывший в Афины затем, чтобы схватить Иолая с Гераклидами. Найдя старца, он стал осыпать его позорной бранью и повлек его вслед за собою. Громким голосом призывал к себе Иолай афинских граждан, моля их о защите и помощи. Граждане толпами выходили из домов на площадь и посредине нее увидали распростертого на земле немощного старца, терзаемого послом Эврисфея, а вокруг этого старца толпу рыдавших детей. Вскоре пришел на площадь и Демофонт, царь города, и спросил вестника: кто он и чего ищет в Афинах?

– Я – из Аргоса; царь мой, Эврисфей, послал меня сюда затем, чтобы схватить этих беглецов и возвратить их в родную землю, где закон изрек уже над ними смертный приговор. Неотъемлемо наше право судить людей нашей земли; и ты, царь, не сделаешь неблагоразумного поступка: не укроешь у себя этих беглецов и нс войдешь в распрю с моим могучим повелителем. Если же ты, глядя на их слезы и рыдания, нарушишь наше право, – меч решит дело.

Афинский царь, достойный сын мудрого Тезея, так ответил на эти речи:

– Можно ли решить какое-нибудь дело, не выслушав обвиняемой стороны? Скажи, воспитатель юношей, говори все, что можешь сказать в свое оправдание.

– Юноши эти, – так начал Иолай, – дети Геракла; а я – друг и соратник отца их, принял их под свою защиту. Эврисфей изгнал нас из Аргоса и преследует по всей Элладе. Как может он называть нас своими подданными и присваивать себе право судить нас, – он, лишивший нас отечества и имени аргивян? И разве тот, кто был изгнан из Аргоса, не может уже иметь пристанища ни в какой стране эллинской? Нет, из Аттики его не изгонят: могучий город Афины и благородные граждане его не устрашатся силы Аргоса и не отгонят от божеских алтарей нас, молящих о защите. Умрут они, а не посрамят столь постыдно своей свободы и чести. И ты, царь, не откажешь в защите гонимым отрокам, родственным тебе: Тезей, отец твой, и Геракл – оба были потомки Пелопса и братьями по оружию; я и сам участвовал в одном из их походов, когда они плыли доставать пояс амазонской царицы. А разве ты не знаешь еще, что Геракл освободил отца твоего из обители смерти? В награду за это благодеяние Геракла, сжалься над детьми его; будь им другом, отцом и братом!»

Не колеблясь, Демофонт изъявил готовность защищать гонимых чужеземцев.

– Три причины, – сказал он, – побуждают меня покровительствовать этим несчастным: благоговение к Зевсу, у священного алтаря которого они сидят; родство между мной и ими и память о благодеянии, оказанном Гераклом моему отцу; и наконец, страх позора, величайшего из зол. Если б я, из страха перед аргивским царем, дозволил отвлечь от алтаря молящих о защите, – каким позором покрыл бы я свою голову, как могли бы тогда Афины называться свободным городом? Ступай же, вестник, назад к своему повелителю: не выдам я ему Гераклидов».

Вестник ушел, угрожая, что вернется скоро с сильным войском:

– Сам Эврисфей, – говорил он, – с армией тяжело вооруженных воинов стоит на границе, готовый идти на Афины, и силой меча заставить афинян выдать ему Иолая вместе с Гераклидами.

Демофонт с народом афинским вооружился и собрался выступить в поход против аргивского царя. Вперед были посланы разведчики; жрецы приносили торжественные жертвы и по внутренностям жертвенных животных гадали об исходе предстоявшей войны. К ужасу царя и народа, прорицатели возвестили, что афинское войско только в том случае победит врага, если перед битвой принесена будет в жертву богине смерти дева благородного племени. Демофонт передал это прорицание Иолаю, все еще остававшемуся у алтаря Зевса, и объявил, что ни сам

он и никто другой из афинских граждан не желает обрекать дочери на жертву ради спасения чужеземцев. Подобно человеку, потерпевшему кораблекрушение, счастливо добравшемуся до берега и снова бросаемому во власть диких морских волн, Иолай, с ужасом и отчаянием, видит, что у него снова отняты всякие надежды на спасение. Отдал бы он охотно себя в жертву за детей Геракла, но ведь Эврисфей – в этом без труда убеждает Иолая Демофонт – не удовольствуется жизнью старика: он всего более ненавидит и страшится сыновей героя, которые со временем могли бы отомстить ему за несправедливости, оказанные их отцу. Полный отчаяния, старец, вместе с детьми, разражается громкими жалобами и стенаниями.

В это время из храма, в котором пребывала Алкмена с дочерьми Геракла, вышла дева высокого роста. То была Макария, великодушная дочь несчастной Деяниры, единственный ребенок, прижитый ей с Гераклом. Услыхала она вопли старца и своих братьев, узнала, какое горе удручает их, и что сказали прорицатели и тотчас же предложила себя в жертву.

– Чем оправдаемся мы, – говорила она, – если из-за нас весь город подвергнется опасности и если другие падут жертвой смерти в то время, как мы будем страшиться и избегать ее? Никогда не потерплю я этого. Ведите меня на место заклания, украсьте чело мое жертвенным венком и принесите меня в жертву подземным богам. Тогда победа останется за вами: добровольно, безропотно отдаю я жизнь в жертву за братьев.

Изумился народ, внимая бесстрашным, мужественным речам девушки. Наконец, стал говорить Иолай и сказал ей:

– О дитя! Речи твои достойны дочери великого героя. Буду я вечно гордиться ими, хотя и оплакиваю судьбу твою. Только справедливее было бы, мне кажется, призвать сюда других дочерей Геракла и здесь, перед алтарем, бросить жребий: пусть жребий решит, кому из вас жертвовать жизнью за братьев.

– Нет, воскликнула Макария, – не хочу я умирать по произволу случая: бесславна и безрадостна такая смерть; я отдаю свою жизнь добровольно. Не медлите же более, не допустите, чтобы враг напал на вас прежде, чем вы изготовитесь к битве; тогда бесполезна будет и жертва. Да позаботьтесь еще о том, чтобы мне довелось испустить дух на женских руках.

Увели великодушную девушку, пожелавшую положить жизнь для спасения братьев. Глядя, как повели ее готовить к смерти, Иолай закрыл руками лицо и с воплем упал на землю.

Немного спустя, к рыдавшему старцу приблизился вестник и сообщил ему, что Гилл подошел к Афинам с сильной армией и, соединясь с афинским войском, стал напротив неприятеля; что обреченные на заклание жертвы уже выведены перед рядами союзного войска, и скоро начнется кровавая битва.

Весть о близости битвы снова оживила геройский дух старца; он поднялся на ноги и, несмотря на возражения окружавших его и самой Алкмены, потребовал себе оружия и стал готовиться к битве. Сопровождаемый вестником Гилла, поспешно отправился он на поле сражения.

Когда сблизились длинные ряды двух войск, Гилл вышел вперед и предложил Эврисфею, во избежание напрасного пролития крови, решить дело поединком.

– Если ты победишь меня, – возьми и веди за собою детей Геракла; а если падешь от моей руки, пусть предоставят нам право жить на родине и пользоваться властью, принадлежащей нам от предков».

Оба войска одобрили предложение Гилла, но трусливый Эврисфей отказался от единоборства: для него было безопаснее заставить биться свое войско; надеясь на его силу и многочисленность, он был вполне уверен в победе. Гилл отошел к своим рядам. Пала под жертвенным ножом жреца Макария, и началась кровавая сеча. Загремели литавры, раздались боевые крики; стоны и мольбы раненых, предсмертные вопли умирающих вскоре покрылись стуком щитов и мечей.

В начале битвы многолюдная рать аргивян сильно напирала на ряды афинского войска; но мужественно и стойко выдерживали афиняне натиск и заставили врага отступить. Долго продолжалась лютая сеча, наконец аргивяне обратились в бегство и падали под мечами преследовавших их неприятелей. Вместе с другими афинскими воинами преследовал бегущих аргивян также и Гилл на своей боевой колеснице. Увидал его Иолай и с мольбою простер к нему руки, прося, чтобы он уступил ему колесницу. Гилл исполнил просьбу, и вот седовласый старец помчался вслед за неприятелями, ища всюду ненавистного Эврисфея. Когда быстроногие кони примчали Иолая к святилищу Палленской Афины, он увидал вдали колесницу Эврисфея, несшегося во весь опор. Поднял старец к небесам руки и воззвал к Зевсу и Гебе, моля их ниспослать ему на один день силы юности, дабы смог он настигнуть своего исконного врага, Геракла мучителя, и наказать его за содеянные им злодеяния. Тут совершилось великое чудо.

Упали с неба две светлые звёзды (думали, что этими звёздами были сам Геракл и Геба), и темное облако окутало колесницу; когда же исчезли звёзды и рассеялось облако, Иолай стоял на колеснице во всей силе и красе своей юности. Вблизи Скиронской скалы, на границе Мегары и Коринфа, догнал он Эврисфея, одолел его без труда и, скованного, привел в стан афинян. Победитель был встречен громкими приветственными криками союзных войск; с триумфом вошел он в Афины и передал пленника Алкмене.

С яростной злобой встретила Алкмена мучителя своего сына и своих внучат.

– Наконец-то, ты в моих руках! – воскликнула она. – Наконец-то карает тебя правосудие богов! Не опускай глаз в землю, дай мне вглядеться в тебя: ты ли тот изверг, который так долго и так безжалостно терзал моего сына, посылал его, живого, в царство теней, заставлял бороться со львами и гидрами? И тебе еще мало было тех мук, которые перенес он от тебя: ты и после его смерти, стал преследовать и меня, и детей Геракла; ты не давал нам нигде убежища. Ты, безбожник, хотел оторвать нас даже от этого алтаря; погибнуть бы нам, если бы не защитил нас свободолюбивый народ и не нашлось бы людей, не побоявшихся твоей силы. Добро, что ты попался мне в руки: ты поплатишься теперь за все твои злодеяния, – не уйти тебе от смерти!

Трусливый Эврисфей, видя перед собой неизбежную смерть, держал себя так, как нельзя было ожидать: он не обнаруживал перед Алкменой никакого страха, не унизил себя никакой мольбой о пощаде. Гилл и афиняне заступались за него, говоря, что было бы незаконно и бесчеловечно предать смерти врага после битвы, плененного и обезоруженного; но доводы их не могли смягчить Алкмены: воспоминание о бедствиях, которые претерпела от Эврисфея ее семья в прошлом и мысль о недавней тяжелой утрате, о гибели Макарии, ожесточили сердце Алкмены и вселили в нее неодолимую жажду мести. Она настояла на том, чтобы враг ее семьи предан был смерти, и собственными руками вырвала ему глаза. Труп Эврисфея афиняне погребли вблизи храма Палленской Афины, и за то, что они не лишили труп врага погребения, а честно предали его земле, гроб Эврисфея стал впоследствии спасительной защитой для всей Аттики.

Книга четвертая. Тезей

1. Рождение Тезея и его путешествие в Афины

Царь афинский Эгей, из рода Эрехфея, два раза вступал в брак, но ни от одной жены не имел детей. Стал он уже седеть, и приходилось ему встречать одинокую и безрадостную старость. И вот отправился он в Дельфы вопросить оракула о том, как стяжать ему сына и наследника престола. Оракул дал Эгею ответ темный, которого он никак не мог объяснить себе: наказал он Эгею не развязывать концов винного меха, пока не вернется в Афины, или однажды ему придется умереть от великой печали. Поэтому, мучимый неизвестностью, из Дельф он и отправился прямой дорогой в Трезены, к славному своей мудростью царю Питфею: питал он надежду, что Питфей уяснит гадание оракула. Вникнув в слова предвещания, Питфей усмотрел, что афинскому царю суждено иметь сына, который доблестными подвигами своими стяжает себе среди людей великую славу, но послужит и причиной смерти отца. Дабы сделать причастным к этой славе и свой род, Питфей выдал за афинского царя дочь свою Эфру; но брак этот счел нужным скрыть до времени от народа, а когда Эфра родила сына, Питфей распространил слух, что отец родившегося младенца – никто иной как сам Посейдон, бог моря. Младенца назвали Тезеем, и дед усердно заботился о его воспитании.

Эгей же, вскоре после бракосочетания с Эфрой, покинул Трезены и снова удалился в Афины, боясь, чтоб его ближайшие родичи, пятьдесят сынов Палланта, не овладели его областью. Оставляя Трезены, Эгей закопал в землю, свой меч и пару сандалий, завалил их тяжелой каменной глыбой, и наказал жене своей Эфре, когда сын их вырастет и достигнет такой силы, что будет в состоянии сдвинуть с места каменную глыбу, пусть заставить она его достать зарытые в землю меч и сандалии и с этими знаками пришлет его в Афины. До тех же пор его сын ничего не должен был знать о своем происхождении.

Когда пришел назначенный срок, Эфра разрешилась от бремени прекрасным златокудрым мальчиком, которого назвали Тезеем. Когда ребенку исполнилось 16 лет, мать повела его к камню, над которым он должен был испытать свою силу. Без труда приподнял юноша тяжеловесную глыбу и достал из-под нее меч и сандалии. Тогда открыла Эфра сыну, кто его отец, и велела отправляться к нему в Афины. Сильный и мужественный юноша тотчас же сталь снаряжаться в путь.

Мать, вместо с дедом, просила Тезее ехать в Афины морем, а не сухим путем: морской путь был безопаснее, а по сухому пути в Афины, на Коринфском перешейке, жило много чудовищных исполинов, бродило множество диких зверей.

В прежнее время Геракл очищал землю от нечистых чудовищ: он боролся с ними повсюду, теперь же Геракл находится в Лидии, в невольничестве у Омфалы, и все дикие чудовища и злодеи, скрывавшиеся доселе из страха пред героем, свободно рыскали по свету и беспрепятственно совершают свои злодеяния. Слушая речи матери и деда, юный Тезей решился взять на себя то служение, которому задолго до него посвятил себя Геракл. Тезей был родней Гераклу по матери (Эфра и Алкмена были внучками Пелопса) и чувствовал в себе присутствие духа и силы великого героя, стяжавшего своими доблестями всемирную славу. С раннего детства Тезей избрал его себе образцом и с нетерпением ждал той поры, когда он будет в силах, подобно своему прообразу, вершить великие геройские подвиги. Не хотелось ему также предстать пред отцом, не прославившись никаким великим делом: пусть не по мечу и сандалиям, а по великим и славным делам узнает в нем Эгей своего сына и потомка доблестного Эрехфея. Так думал Тезей, и потому не отправился в Афины морем, а пошел более опасным, сухим путем.

Лишь только перешел Тезей границу царства своего деда и вступил в область Эпидавра, в темном лесу набрел он на хищного исполина – Перифета. Нападая на путников, Перифет поражал их тяжелой железной палицей. Бестрепетно пошел юноша к нему на встречу и, после недолгой борьбы, одолел его и предал смерти. Железную палицу убитого врага Тезей взял себе и носил ее постоянно с собою – подобно тому, как Геракл носил шкуру немейского льва. На Коринфском перешейке, в пихтовом лесу, посвященном Посейдону, Тезей встретил другого хищника в человечьем обличье – Синиса. Прохожих, попадавших в его руки, Синис терзал и умерщвлял самым мучительным образом: пригнув к земле две пихты, он привязывал к их вершинам свою жертву, и пихты, выпрямляясь, разрывали тело несчастного страдальца. Тезей таким же образом умертвил и этого хищника, и на месте победы над ним, на Коринфском Истме[20], впоследствии, когда он уже стал царем в Афинах, основал в честь Посейдона Истмийские игры. Юная и прекрасная дочь хищного разбойника по имени Перигуна бежала от Тезее и скрылась в пустынной стране, заросшей густым кустарником; прячась в кусты, она с детской простотой молила их скрыть ее от чужеземца и обещала никогда не рвать с них ни одной ветки и не жечь их в огне. Тезей дружески призвал ее к себе, уверил ее, что он не причинит ей никакого зла, и принял на себя попечение о ее судьбе. Впоследствии он выдал ее за Ифита, сына эхалийского царя Эврита.

Ее потомки никогда не жгли в огне ветвей кустов, которые дали некогда убежище в своей чащи их прародительнице.

Идя далее, Тезей пришел в густой Кроммионский лес, в чаще которого обитал страшный вепрь, причинявший множество бед жителям окрестных местностей. Тезей обещал избавить их от страшилища и, отыскав вепря, умертвил его. Затем дошел он до границы Мегары, до так называемой Скиронской скалы. На вершине ее, на краю крутого обрыва к морю, сидел великан Скирон и злодействовал над проходившими мимо него путниками: с наглыми ругательствами он заставлял их мыть ему ноги, и в то время, как они исполняли это дело, сталкивал их ногою со скалы в море. Тела же разбивавшихся о скалу путников пожирала исполинская черепаха. Тезей сбросил самого злодея в море.

При Элевсине, недалеко от границ Мегары, выступил против юного героя царь этой местности, Керкион и заставил его биться с собою; исполин этот принуждал вступать с ним в бой всех проходивших мимо чужеземцев. Тезей, опытнейший из бойцов своего времени, осилил Керкиона и умертвил его, власть же над страной передал Гиппофою, сыну Посейдона и Алопы,

[20] Старинное название Коринфского перешейка.

прекрасной дочери убитого Керкиона. Алопа, при самом своем рождении ребенка была брошена отцом без призрения; кобылица вспоила ее молоком своим, а пастухи соседних стран воспитали ребенка.

Затем Тезей встретился со свирепым Дамастом, который зазывал прохожих к себе в дом и предавал их потом самой мучительной смерти. У него было ложе, на которое должны были ложиться попадавшие в дом его путники: если ложе было для них коротко, Дамаст обрубал им ноги; если же было длинно, он бил и вытягивал путнику ноги до тех пор, пока ложе не приходилось ему в пору. Поэтому Дамаста звали также Прокрустом – «вытягивателем». Тезей самого его принудил лечь на ужасное доже, и так как исполинское тело Дамаста было длиннее ложа, то герой обрубил ему ноги, и злодей кончил свою жизнь в ужасных мучениях.

После стольких подвигов и приключений, Тезей благополучно прибыл к потоку Кефису. Здесь ой был дружески принят некоторыми из рода Фиталидов, которые очистили его от пролитой им крови и проводили до самого города. Когда юный герой, в длинной истмийской одежде, с красиво причесанными волосами, проходил по улицам города, его увидали рабочие, строившие храм Аполлону, и стали насмехаться над девицей, которая бродит по улицам одна, без провожатого. Разгневанный Тезей выпряг быков из стоявшей вблизи повозки и этой повозкой запустил в глумившихся над ним работников, сидевших вверху на крыше храма. С изумлением и страхом увидали они тогда, что им приходится иметь дело не со слабосильной женщиной, и были весьма рады, когда Тезей, оставив их в покое, пошел далее.

2. Тезей в Афинах

Чужестранцем вступил Тезей в дом своего отца и не был им узнан. В доме старого царя хозяйничала в то время злая и хитрая Медея. Бежав из Коринфа, она прибыла в Афины и была здесь радушно принята Эгеем, которому обещала возвратить своим колдовством силу юности. Медее узнала в пришельце Тезея, Эгеева сына, и, боясь, чтоб он не вытеснил ее из дома своего отца, стала думать о том, как бы извести юношу. Она уверила слабого и боязливого царя, что прибывший в его дом чужестранец – соглядатай, подосланный врагами, и убедила старца разрешить ей отравить гостя за обедом. За столом Медее поставила перед юношей питье, в которое была подложена отрава. Тезей, желая поразить отца внезапною радостью, вынул, чтобы разрезать мясо, тот самый меч, по которому старик должен был узнать в нем своего сына.

Обрадовался и ужаснулся тогда Эгей, быстро опрокинул он кубок с отравой и крепко обнял сына, которого так долго и с таким нетерпением ждал. Медее же сочла за лучшее немедленно оставить дом старика Эгее и бежать из пределов его царства.

Эгей тотчас представил сына собравшемуся народу и рассказал о его подвигах и приключениях, случившихся с ним ни пути. Радостно приветствовал народ юного героя, своего будущего царя. Скоро представился Тезею случай показать афинянам свое мужество и свою силу. Пятьдесят сынов Палланта, брата Эгея, до сих пор находились в твердой уверенности, что по смерти их старого бездетного дяди власть его перейдет в их руки. Теперь же, когда к старику неожиданно откуда-то прибыль сын, о котором до сих пор никто ничего не знал, надежда эта оказалась тщетной, и дикие Паллантиды в яростном гневе вооруженные напали на город, с намерением убить старого царя и его сына и присвоить себе власть над городом. Подойдя к Афинам, Паллантиды разделились на два отряда: один отправился к городским воротам, другой сел в засаду, и последний отряд должен был напасть на Тезее с тыла, во время борьбы его с передовыми Паллантидами. Однако проведал Тезей о плане врагов и начал с того, что отыскал тех из них, которые скрывались в засаде, и перебил всех до последнего; остальные же после этого обратились в бегство. Так избавлен был Эгей от притеснений и опасностей, которыми грозило ему постоянно властолюбие племянников – с тех пор дни его текли мирно. Вскоре после этой победы юный царевич оказал великое благодеяние и всем жителям Аттики.

На полях Марафонских свирепствовал страшный бык, о котором мы уже знаем из истории Геракла. Привезенный Гераклом из Крита в Микены и отданный Эврисфею, бык этот сбежал из Микен, долго бродил по Элладе и пришел, наконец, Марафонскую страну, где стал страшилищем и бичом людей и животных. Теней поборол быка, привел его в Афины и принес его здесь в жертву Аполлону.

3. Путешествие Тезея на Крит

Афиняне терпели в то время великое горе. Несколько лет тому назад пришел на праздник в Афины Андрогей, сын могучего критского царя Миноса, и на играх победил в единоборстве всех лучших бойцов города. Такой позор поразил афинян и более всех других царя Эгея. Решился он извести победителя и послал его с этою целью на марафонского быка; расчет удался, и в битве с быком Андрогей пал мертвым. Весть о его смерти быстро дошла до Миноса, находившегося тогда на острове Фарос: он, по обету, приносил здесь богам жертвы. Критский царь снарядил сильный флот, и сам отправился с ним к берегам Аттики, собираясь отомстить вероломным афинянам за смерть своего сына. Покорив союзную с Аттикой Мегару, он расположился лагерем под Афинами и держал город в осаде до тех пор, пока голод и болезни не заставили жителей сдаться.

Тяжелейшей данью обложил тогда Минос афинян: через каждые восемь лет они должны были отсылать на Крит по семи юношей и по семи девушек; те и другие обрекались на съедение Минотавру, страшному чудовищу-людоеду, получеловеку и полубыку. Жил Минотавр в построенном Дедалом лабиринте – здании с бесчисленными и запутанными ходами. Лишь только несчастные жертвы приставали к берегам Крита, их тотчас же отводили в это здание, где чудовище пожирало их.

Во время пребывания Тезее в Афинах прибыли туда послы Миноса и потребовали обычной дани; уже в третий раз приходилось афинянам платить эту дань. Город наполнился скорбью и воплями. По установившемуся обычаю, жертвы выбирались по жребию. Убитые горем отцы, у которых были взрослые сыновья и дочери, горько упрекали Эгея, говоря, что он, будучи виновником всего зла, один остается непричастен народному горю, один не несет наказания и, вместе с сыном, спокойно и безучастно смотрит на то, как у граждан отнимаются дети и отсылаются на лютую смерть. Услыхав эти упреки и ропот, Тезей решился добровольно поехать на Крит вместе с теми, которые будут указаны судьбою. Отец умолял и заклинал его остаться дома: тяжело было бы старику умереть бездетным после, того как судьба послала ему под старость счастье, которого он жаждал всю жизнь, – дала ему сына, наследника его имени и престола. Тезей не изменил однако своего решения. Он заверил отца, что у него хватит сил побороть Минотавра и что он не только освободит обреченных на съедение жертв, но и навеки избавит город от обязанности отбывать ужасную повинность. По договору, заключенному между афинянами и критским царем они обязаны были платить эту дань только до тех пор, пока Минотавр будет жив. Эгей уступил, и Тезей, призвав со своими спутниками на помощь Аполлона, мужественно и бодро отправился в путь на корабле, оснащенном, в знак печали, черными парусами.

Дельфийский оракул дал Тезею совет – испросить напутствия у Афродиты, богини любви, и ее избрать путеводительницей. Хотя Тезей не понял смысла слов оракула, но перед отплытием принес богине жертву на берегу моря. Только по прибыли на Крит прояснился для Тезее смысл услышанного им от оракула. Увидала юношу Ариадна, прелестная дочь свирепого Миноса, и почувствовала к нему безграничную любовь.

Тайно вручила она ему клубок ниток, при помощи которого он мог найти выход из лабиринта. Когда Тезей, вместе с несчастными жертвами Минотавра, был отведен в лабиринт, стоявший в дикой и пустынной местности, он прикрепил один конец нити при входе в здание и,

распутывая моток, пошел по извилистым переходам, до того места, где ожидал его Минотавр. Тотчас же напал Тезей на страшилище и после жаркой борьбы, умертвил его. Потом, держась за нить, он вместе со спасенными юношами и девами пошел назад, и благополучно выбрался из лабиринта. Радостны были клики спасшихся от смерти, когда они вышли из лабиринта и снова увидали лучи солнечного света.

Ариадна ждала путников в трепетном волнении и боязни. Увенчав кудри миртами и розами, при радостных кликах и пении, плясали спасенные юноши с девушками веселую пляску. Ряды пляшущих постоянно мешаются, путаются и выделывают замысловатые фигуры, походя на запутанные извилины лабиринта. Впоследствии, на Делосе плясали эту пляску в память освобождения афинских юношей и девушек. Недолго однако ликовали они и радовались; узнав о спасении их из лабиринта, Минос пришел в великую ярость, и новая беда готова была разразиться над ними. Тезей с своими спутниками стал поспешно готовиться к отплытию с острова. Вместе с ними покидала Крит и Ариадна: любовь заставляла ее следовать за Тезеем на чужбину; боялась она также гнева своего отца, если бы он узнал, что афиняне вышли из лабиринта при ее помощи. Перед отплытием от Крита, Тезей, по совету Ариадны, прорубил днища на всех критских кораблях, дабы Минос не имел возможности немедленно отправиться в погоню за беглецами.

Ариадна на Наксосе

Так счастливо и невредимо достигли они острова Наксоса, где на некоторое время остановились. Здесь явился Тезею во сне Дионис и возвестил, что Ариадна не должна следовать далее за Тезеем: по воле судьбы, ей предназначено быть супругой Диониса. Тезей страшился навлечь на себя гнев бога и исполнил повеление его. С тяжкой скорбью в сердце отплыл он от острова в то время, когда Ариадна заснула. Пробудившись, она увидала себя покинутой, одинокой на пустынном острове и разразилась громкими жалобами на свою беспомощность и на вероломство юноши, для которого пожертвовала всем. Тут предстал ей бог Дионис, поведал ей судьбу ее и успокоил обещанием сделать ее причастной блаженству богов. Так Ариадна стала невестой Диониса, и Зевс приобщил ее к лику богов, Венец, который надет был на нее при

обручении с Дионисом, впоследствии был помещен на небо и превращен в созвездие, и до сих пор еще звёзды эти блистают на небе, и называют их люди Венцом Ариадны.

Тоскуя по потерянной Ариадне, плыл Тезей от Наксоса к берегам Аттики. Прощаясь с отцом, он обещал ему, что если предприятие удастся, заменить на корабле, при возвращении, черные паруса белыми. Пораженный скорбью, Тезей, приближаясь к берегам родины, забыл о своем обещании, и не снял черных парусов.

Много уже дней сидел старый афинский царь у взморья, на высокой скале, и смотрел в даль на море: все ждал он любимого сына. И вот, наконец, показался вдали давно ожидаемый корабль, но – о горе! – паруса на нем черные: пал Эгеев сын в смертном бою с Минотавром! В отчаянии, несчастный отец бросился в море и потонул в волнах его. Между тем Тезей прибыл в гавань, немедленно приступил к принесению богам обещанной жертвы и послал в город гонца – с вестью об избавлении от постыдной дани. Гонец изумился, видя, что только часть граждан радуется принесенной им вести и сбирается венчать его как вестника радости, большинство же внимает ему с печалью. Вскоре разъяснилась эта загадка. Быстро разнеслась по городу весть о смерти Эгея, и лишь узнали об этом несчастном событии афинские граждане, все они преисполнились великой скорби. Вестник, присланный Тезеем, принял подобавший ему венец, но не украсил им чела, а печально возложил его на свой посох и возвратился в гавань к своему господину. Тезей не кончил еще жертвоприношения, а потому гонец, дабы не смутить скорбной вестью священнодействия, остановился перед храмом и ждал. Тезей окончил жертвоприношение щедрою раздачей подаяния. Тогда подошел к нему гонец и поведал о бедственной кончине отца.

Тезей был потрясен печальною вестью и, полный скорби, тихо вошел в сетовавший город, – город, который надеялся он видеть ликующим и приветствующим его громкими криками радости.

Корабль, на котором Тезей совершал путешествие на Крит и обратно, афиняне почитали священным и хранили его в продолжение многих веков, употребляя только для священных посольств, которые ежегодно посылались из Афин на Делос, к празднику Аполлона. Когда, какая-нибудь часть корабля приходила в ветхость, она немедленно заменялась новой, и таким образом на корабле том, с течением времени, все части были заменены другими, новыми частями.

4. Тезей и Ипполит

(из Еврипида „Ипполит")

По смерти Эгее царем в Афинах стал Тезей. Мудрыми учреждениями и законами он установил в государстве такой порядок, что почитался истинным основателем Афинского царства. Правил он кротко, человеколюбиво, и царство его почиталось убежищем для всех угнетенных и преследуемых.

Так, кроме славы великого героя, Тезей стяжал славу мудрого правителя. Но жажда подвигов, томившая его душу, не давала ему покоя и часто увлекала его далеко за пределы Афинского царства. Он принимал участие в Калидонской охоте, в походе Аргонавтов и, вместе с Гераклом, ходил в страну амазонок. Во время последнего похода он взял в плен амазонскую царицу Антиопу, привез ее в Афины и здесь вступил с нею в брак. Войнолюбивые амазонки не могли перенести такого позора. С могучим войском пошли они в Элладу, чтоб отомстить грекам за поражение и освободить из плена свою царицу. Они дошли до самых Афин и взяли приступом город; афиняне удалились в крепость, амазонки же расположились на холме Арея. На соседней равнине возгорелась жаркая битва, в которой Антиопа, полная страстной любви к мужу, билась вместе с ним в рядах афинского войска до тех пор, пока, пораженная в грудь

копьем, не пала к ногам супруга. Эта горестная для обеих сторон потеря ослабила пыл битвы и повела к торжественному примирению. По заключении мира, амазонки отступили.

Еще до войны Антиопа родила Тезею сына – Ипполита. Отец послал мальчика на воспитание в Трезену, к деду своему по матери, Питфею. Вырос Ипполит и стал прекрасным юношей; много девушек пылало к красавцу любовью. Но целомудренный юноша холоден был к красоте и любви. Его подругой была чистая, девственная Артемида: вместе с ней блуждал он по лесистым горам, охотясь на ланей и вепрей; не искал он дружбы с Афродитой. Гневом воспылала на него за это богиня любви и решила погубить гордеца, вселив нечистую любовь к нему в сердце мачехи его Федры.

Федра была дочерью Миноса и младшей сестрой Ариадны. Тезей вступил с ней в брак, находясь уже в преклонных летах. Так была – похожа Федра на свою старшую сестру, что когда Тезей ввел в свой дом молодую жену, ему показалось, будто он снова переживает свои счастливые дни юности и видит осуществление надежд и мечтаний своей молодости. Одно лишь упустил из вида Тезей, что годы его не соответствовали возрасту молодой жены и что юная красота, которою он привлекал некогда женское сердце, давно уже миновала.

Однажды Ипполит пришел из Трезен в Афины, на праздник Элевсинских таинств. Тут Федра в первый раз увидала своего пасынка: таким же красавцем был Тезей в молодые годы. С первой же встречи Федра горячо полюбила юношу, – такова была воля Афродиты. Таила супруга Тезее свою страсть и старалась подавить ее; но бессильна была ее воля, не властна была она над собою. Когда Ипполит ушел опять в Трезены, Федра на высоком холме построила храм Афродите; здесь часто просиживала она по целым дням и, томимая страстью, смотрела на дальний берег, где жил ее пасынок.

В скором времени Тезей должен был ехать вместе с нею в Трезены и пробыть там довольно долго; близость прекрасного юноши еще более усилила любовь к нему Федры.

Она уже не хотела более подавлять свою страсть: муки любви стали для нее наслаждением и счастьем. В то время, как Ипполит упражнялся в единоборство на арене, царица садилась под тень миртового дерева, на ступени храма Афродиты, стоявшего на ближнем холме, и отсюда, никем не зримая, любовалась красотой юноши и не сводила глаз с него, а когда мучения страсти становились невыносимы, царица, заливаясь слезами, рвала листья мирта и пронзала их шпильками. Так изводилось пагубной страстью ее болящее сердце; сохла она, увядала ее краса. День и ночь Федра томилась в своем одиноком замке, бледная и недужная, и наконец решилась умереть. Три дня отвергала она всякую пищу, полуживая, недвижимо лежала на своем ложе, и никто не мог постичь причины ее страданий. Пришла, наконец, к царице ее старая кормилица и начала расспрашивать о ее горе; несчастная открыла ей свою тайну. Хитрая кормилица, питавшая к госпоже безрассудную, слепую любовь, задумала открыть Ипполиту, как любит его мачеха, и убедить его не отвергать ее чувства. Узнав о намерении кормилицы, Федра не поощрила ее ни одним словом, но и не воспретила исполнить задуманное.

Ипполит только что возвратился из нагорных лесов, где охотился со своими сверстниками. В их веселом обществе, воспевая хвалебные гимны, отправился он к храму защитницы своей, девственной Артемиды. Украсив статую богини венком из цветов, он беззаботно вступил в дом деда своего Питфея. Здесь-то и встретила его старуха-кормилица.

Взяв с царевича клятву, что он не откроет никому того, что услышит от нее, старуха сообщила ему о страсти Федры и убеждала его не отвергать этой любви. С ужасом и негодованием выслушал целомудренный юноша рассказ и предложение старухи и, возмущенный, проклиная всех женщин, тотчас же удалился из дома и пошел в горы бродить по лесам; здесь, на лоне мирной, непорочно-прекрасной природы, искал он успокоения смущенной душе своей и не хотел возвращаться домой до тех пор, пока не вернется отец его, бывший в то время в Дельфах.

Когда узнала Федра, каким гневом воспылал Ипполит, слушая речи ее кормилицы, и как быстро скрылся он потом из дома, – стыд и отчаяние овладели душой несчастной царицы, и

она решилась умертвить себя. Какими глазами стала бы она смотреть теперь на своего супруга и на юношу, ведавшего уже ее вину и гнушавшегося ее страстью? Одна только смерть – так казалось несчастной – может избавить ее от позора и искупить вину ее; смертью же думала она отомстить и тому, кто своим гордым презрением оскорбил и разбил ее сердце: не миновать и ему гибели, – общая участь постигнет их обоих, и не будет он больше с гордым безучастием смотреть на злую судьбу ее. Удалившись в опочивальню, царица накинула на шею петлю и удавилась. Но перед смертью она написала на дощечке мужу, что, в отсутствие его, Ипполит сделал покушение на ее честь и что только смертью могла она спастись от угрожавшего ей позора.

Украшенный лавровым венком, спокойно возвращался Тезей из Дельф, надеясь, что будет встречен радостными приветствиями домочадцев; но, подъехав к дому, он, вопреки ожиданиям, услышал вопли женщин и печальные крики рабов, Уж не умер ли престарелый Питфей, не случилось ли несчастия с кем-нибудь из малолетних царевичей? Только слышит он, что не Питфей умер, а умерла Федра, сама наложив на себя руки. Быстро вбежал он в дом, бросился к трупу и, в отчаянии горькими слезами оплакивал потерю жены – лучшей из всех жен на земле.

Увидев в руке ее дощечку, он взял ее и прочитал. Собственноручно писала Федра мужу, что сын его Ипполит покушался на честь ее и что это покушение было причиной ее самоубийства. Полный гнева и невыносимой скорби, проклинает Тезей преступного, сына, взывает к бурегонителю Посейдону:

– Отец Посейдон! Ты любил меня всегда как сына и дал мне некогда обещание исполнить три мои желания: молю, покарай преступного; если не ложно было твое обещание, пусть не переживет он этого дня. Если же владыка Посейдон, – прибавил Тезей, – не низошлет в Аид моего сына, я сам изгоню его из пределов нашей земли; пусть в горе и нужде, тяготимый проклятием отца, влачит он дни свои на чужбине.

Тезей пылал еще гневом, когда Ипполит возвратился домой. Ничего не зная о причине отчего гнева, он с участием стал расспрашивать его о том, что случилось. С невозмутимым спокойствием, в полном сознании своей непорочности, защищался Ипполит от обвинения и упреков, которыми осыпал его отец; но, связанный клятвою, не мог он открыть истинной причины самоубийства Федры и не убедил отца в своей невинности. Тезей изгнал сына из отечества.

Проливая горькие слезы, Ипполит, перед уходом еще раз торжественно призвал в свидетели своей невинности Артемиду, выдавшую непорочность его сердца, и Зевса, охранителя клятв.

Не зашло еще солнце того дня, как к Тезею явился гонец с вестью о гибели сына его Ипполита. С горькой усмешкой спросил ослепленный гневом отец:

– Кто умертвил его? Не пал ли он от руки врага, жену которого оскорбил так же, как жену отца своего?

– Нет, – отвечал раб – Собственные кони убили его… Видно, погубило его проклятие; которое изрек ты над ним, когда призывал на его голову кару Посейдона.

– О боги, о Посейдон! – воскликнул Тезей, – Как же милостив ты был ко мне в этот день, как отец внял ты мольбы моей и исполнил ее! Но скажи мне, вестник, как поразила преступного праведная кара гневного бога?

– Были мы на берегу моря, – начал рассказывать вестник, – мыли мы там и чистили коней Ипполита, и вот дошла до нас весть, что царевич навсегда изгнан тобою из родины. Вскоре за тем подошел к нам и сам царевич, сопровождаемый толпой опечаленных друзей, и подтвердил нам то, что слышали мы от других; потом велел запрягать коней в колесницу: земля его предков стала теперь для него чужой землею. Когда кони были впряжены в колесницу, он взял в руки поводья и сказал, воздев руки к небу: «Зевс всевидец! Пусть поразит меня смерть, если я пови-

нен в возводимом на меня беззаконии! Рано или поздно, при жизни моей пли после смерти, пусть отец мой узнает, как несправедливо поступил он со мной!» С этими словами пустил он коней, мы же пошли вслед за ним – по дороге к Эпидавру и Аргосу. Когда, миновав Трезены, прибыли мы к Саронскому заливу, на пустынный берег моря, мы услыхали раскаты грома, раздававшегося как будто из-под земли. Испуганные кони навострили уши, и в страхе стали мы озираться во все стороны, отыскивая, откуда исходили громовые звуки. Обратившись к морю, мы увидали неслыханно-высокий вал: до небес вздымался тот вал и совершенно скрывал от нас скалы противоположного берега. Вскоре пенящиеся, седые волны с шумом устремились на берег, на дорогу, по которой ехала колесница царевича, и из волн вышел огромный, чудовищный бык, от дикого рева которого содрогались прибрежные скалы и утесы. Страх обуял коней. Сын твой, опытный в искусстве править колесницей, изо всех сил натягивал поводья и всячески старался сдержать бешеных коней; но, закусив удила, мчались они по дороги, и не было возможности сдержать их никакой силой. Ипполит старался направить коней к равнине, но бык бросался на них с этой стороны, пугал их своим ревом и гнал в противоположную сторону – к скалистому, крутому побережью. Так пригнал он коней к обрыву скалы; кони бросились вниз и разбили колесницу. Бешено помчались они по берегу, влача за собой по песку и по камням запутавшегося в поводьях царевича; голова и тело несчастного все время бились о камни и выступы прибрежных утесов. Мы бросились к нему на помощь, но не могли догнать мчавшихся без устали коней. Наконец, высвободившись из оборвавшихся поводьев, разбитый и окровавленный царевич пал на землю и лежал, еще борясь со смертью. Кони исчезли из виду, скрылся также и бык – словно его поглотила земля. Господин, – сказал в заключение вестник, – я раб твой, но никогда не заставишь ты меня думать, что сын твой преступен; в моих глазах он вечно будет добродетельнейшим из людей.

Тезей, все еще убежденный в преступности Ипполита, сказал после долгого молчания:

– Не радуюсь я несчастью сына, но не могу и жалеть о злодее. Принесите его сюда, умирающего, с глазу на глаз уличу я его – не может он более запираться в своем злодеянии: гнев богов-карателей обличает его.

Пока Тезей ждал прибытия умирающего сына, внезапно явилась ему девственная богиня Артемида, подруга Ипполита, сопутствовавшая ему на охотах по горам и лесам, и обратилась к афинскому царю с такой речью:

– Зачем радуешься ты, Тезей, гибели сына? Несчастный! Ты поверил лживым словам жены и погубил неповинного сына! Вечным позором покрыл ты свою голову, и нет тебе отныне места между правдивыми. Узнай же злосчастную судьбу свою. Жена твоя Федра, распаленная ненавистной мне богиней, любила твоего сына; пыталась она подавить в себе эту любовь, но не смогла и погибла, послушав своей старой кормилицы. Кормилица открыла любовь госпожи своей Ипполиту, он же с негодованием и ужасом отверг эту любовь. Тогда Федра написала тебе лживое письмо, и им погубила твоего сына, – ты же поверил письму. Сын же твой, дал кормилице клятву молчать об услышанном от нее, не нарушил клятвы. Великое преступление совершил ты: увлеченный гневом, не разбирая дела, поразил сына проклятием и погубил его, ни в чем не повинного.

Как убитый, стоит Тезей перед богиней. Знает он теперь, что сын его умирает безвинно, жертвой безрассудного отцовского гнева.

– Погиб я, – восклицает Тезей, – нет для меня более радостей в жизни!

С громкими рыданиями бросается он навстречу сыну: покрытый кровью, избитый и еле живой лежит перед ним Ипполит. Прожил он, однако, столько времени, что успел простить убитого горем отца и снять с него вину в неповинно пролитой крови.

Полный глубокой скорби Тезей похоронил сына под миртовым деревом, под которым так часто сиживала Федра, томимая муками любви. И тело Федры погребено было под тем же деревом – в месте, которое так любила она в последние дни жизни: Тезей не хотел лишать своей

несчастной жены чести погребения. Трезенские жители стали воздавать Ипполиту почести, подобающие полубогам, и установили в память ему ежегодные празднества. Девушки оплакивали судьбу целомудренного юноши, любимца Артемиды, принявшего смерть от оскорбленной им Афродиты: они приносили ему в жертву кудри волос своих и пели в честь его сладкозвучные песни.

5. Свадьба Пирифоя. Битва кентавров с лапифами

(по Овидию „Метаморфозы")

Пирифой, царь воинственных лапифов, обитавших в Фессалии, мужественный, необоримый герой, много слышавший о Тезее и его геройских подвигах, захотел узнать его поближе и померяться с ним силой. Он прибыл в Аттику, в Марафонскую страну, и угнал стадо быков, принадлежавшее Тезею. Когда Тезей узнал об этом, то немедленно пустился за похитителем в погоню. Подпустив преследователя на близкое расстояние, Пирифой быстро обернулся и стал против него, готовый тотчас же вступить в бой; но когда противники сошлись лицом к лицу, каждый из них был поражен силой и мужеством другого до такой степени, что забыли они про битву, протянули друг другу руки на мир и заключили между собою братский союз,

В скором после этого времени Тезей отправился в Фессалию, на свадьбу своего нового друга, вступавшего в брак с Ипподамией, прелестнейшей из всех фессалийских красавиц. На Пейрифоеву свадьбу сошлось великое множество гостей: пригласил он к себе на пир всех Фессалийских царей, многих из друзей своих, живших вдалеке от Фессалии, пригласил также и соседей своих кентавров – дикий, суровый народ, обитавший на соседней горе Пелионе. Тело кентавров было получеловеческое и полуконское: голова и верхняя часть туловища человеческие, грудь же и ноги конские. Обширные палаты царского замка не могли вместить всех прибывших на пир, и многие из гостей сели за столы, поставленные в просторном, осененном деревьями гроте. Радостный шум стоял в брачных чертогах Пирифоя, пелись брачные песни, многочисленные светильники пылали на алтарях, и гости вкушали ароматные вина и сладкие яства. Юная невеста Пирифоя, блистая красотою, сидела посреди палаты, окруженная толпой женщин, и со всех сторон слышались похвалы ее красоте; все гости завидовали хозяину, вступавшему в брак со столь прелестной девушкой.

Долго шел пир, не смущаемый ничем. Но в середине его Эвритион, самый дикий и самый сильный из всех кентавров, отуманенный вином, вдруг поднимается со своего места, бросается на Ипподамию и, схватив ее за волосы, увлекает за собою. Следуя его примеру, и остальные кентавры бросились на присутствовавших на пиру женщин и повлекли их за собою. Быстро вскочили с своих мест лапифы и другие герои Эллады; бросились они на похитителей, и пошел в брачных чертогах Пирифоя дикий, ожесточенный бой, какой бывает на улицах города, в который ворвались неприятельские войска. Самые мужественные и могучие из героев Эллады ратовали против грубой силы и зверской дикости кентавров. Тезей напал на Эвритиона:

– Какое безумие побудило тебя, – воскликнул герой, – нападать в моем присутствии на Пирифоя и оскорблять нас обоих?

С этими словами бросился он на кентавров и вырвал у них похищенную ими девушку. Не говоря в ответ ни слова, Эвритион напал на Тезея, ударил его своими сильными кулаками в грудь; но Тезей схватил большой, тяжеловесный медный кубок и изо всей мочи ударил им кентавра в лицо: с разбитым черепом пал кентавр, забил копытами о землю и испустил дух.

– К оружию! – вскричали остальные кентавры, видя смерть сильнейшего из них. – К оружию!

Стали бившиеся метать друг в друга кубками, чашами и большими медными блюдами.

Кентавр Амик схватил тяжелый светильник со всеми горевшими в нем свечами и размозжил этим светильником череп лапифу Келадону; но тотчас же и сам пал на землю, пораженный в голову ножкой стола, которою вооружился на него Пелат. Кентавр Гриней поднял с земли высокий алтарь и бросил его в средину лапифов, но не кентавру прошло это даром: Эксадий выколол ему оленьими рогами оба глаза. Ройт, самый страшный кентавр после Эвритиона, схватил с алтаря пылающую головню, ударил ею в висок Харака и всадил ее в рану: вспыхнули волосы на голове у Харака и потоком хлынула из раны кровь, шипя, как раскаленное железо, погружаемое в холодную воду. Раненый извлек головню из раны, вынул из пола тяжелую каменную плиту и плитой решил было поразить врага; но тяжесть камня была слишком велика, – Харак выронил его из рук, и камень, падая, раздавил и Харака, и стоявшего возле него Комета. Радуясь своей победе, Ройт бросился на других лапифов и убил юного Корифа и Эвагра; но когда наскочил кентавр на Дрианта, тот всадил ему в шею длинный, спереди обожженный кол. Издавая стоны, старался раненый кентавр извлечь кол, засевший глубоко в кости, и, истекая кровью, обратился в бегство.

Вслед за ним побежали и другие кентавры, и в доме Пирифоя остался один Афеидас. Отягощенный вином, он лежал на шкуре мохнатого медведя, вытянувшись во весь рост и держа в ослабившей уже руке наполненный вином кубок. Увидав его, Форбас проколол копьем ему гортань и с насмешкой воскликнул при этом:

– Смешай себе вино с водою Стикса!

Без мучений умер опьяневший кентавр; черная кровь его разлилась по ложу, на котором застала его смерть, и часть этой крови попала в кубок.

После бегства кентавров из Пирифоева дома битва продолжалась с прежним пылом, но сражающиеся дрались уже обыкновенным своим оружием. Кентавр Петрей обхватил руками дуб и силился вырвать его из земли, но Пирифой вонзил ему в ребра копье и пригвоздил его тело к стволу дерева. Пали еще три другие кентавра от копья Пирифоя.

Диктис искал от него спасения в бегстве, но упал с вершины утеса вниз и при падении разбился о высокий ясень. Увидев смерть Диктиса Афарей и решился отомстить за него: оторвал он от скалы огромный камень и собирался бросить его в царя лапифов, но Тезей своею палицей

разбил Афарею руку. Убить его до смерти герой не желал или не имел времени: вспрыгнув на широкую спину Бианора и держа его левой рукой за волосы, правой бил его палицей он по вискам. Еще одного врага умертвил афинский герой.

Демолеон хотел идти на него с высокой пихтой и долго силился вырвать ее из земли с корнями, но, увидав, что Тезей подошел к нему совсем близко, он, не теряя времени, обломил пихту у корня и бросил ею в приближавшегося неприятеля.

Тезей отскочил в сторону, и сосна попала в соратника Пелеева Крантора. Пелей пронзил Демолеона дротиком. Всячески старался кентавр извлечь копье из раны, но не мог этого сделать. Бросился он на Пелея, намереваясь забить его копытами, но Пелей прикрылся щитом и шлемом и успел вонзить врагу в грудь меч. Подобным же образом бился и Нестор, герой Пилоса: грудами ложились вокруг Нестора окровавленные трупы могучих кентавров.

Благообразней всех других кентавров был Киллар, самый юный из них. Щеки его только начинали покрываться бородой, светло-русые волосы волнистыми кудрями спадали по плечам. Тело было сложено так изящно, как будто было изваяно самым искусным скульптором; даже нижняя часть тела, конская, была безупречно прекрасна: при блестяще черном цвете туловища ноги и хвост были белы. Многие из дев-кентавров любили Киллара и оказывали ему знаки внимания, но сам он любил одну Гилоному, прелестнейшую из всех обитательниц лесистых вершин Пелиона. Чтоб удержать за собою любовь Киллара, прелестница старалась всеми средствами усилить красоту свою: гребнем по нескольку раз в день расчесывала свои волосы, украшала их розмарином, фиалками, лилиями и розами; по два раза в день мылась в студеной, чистой воде горных потоков. Оба они любили друг друга одинаково горячо и никогда почти не разлучались, вместе бродя по лесистым горам и межгорным долинам. Оба пришли на брачный пир к царю лапифов и вместе приняли участие в битве, возгоревшейся на этом пиру.

В самом разгаре боя кто-то из лапифов пустил в Киллара копьем и поразил его на смерть. Падающего, подхватила его Гилонома на свои руки, старалась остановить льющуюся из раны кровь и употребляла все средства, чтобы возвратить умирающего к жизни. Увидав же, что Киллар лежит перед ней уже бездыханный, она в отчаянии схватила поразившее его копье и вонзила себе в грудь. Умирая, она все еще обнимала труп своего супруга.

Все более и более теснили лапифы кентавров. Пирифой, Тезей, Нестор и Пелей— совершали чудеса храбрости; но всех сильнее бился в этой схватке лапиф Кеней, исполин необоримой силы. По воле Посейдона, милостивого к Кенею, его нельзя было ранить никаким орудием. Градом сыпались на него дротики, стрелы и всякие другие орудия кентавров, но лапиф оставался невредим. Увидав, что против Кенея не может действовать никакое оружие, кентавры стали громоздить на него целые горы древесных стволов и скал; подавленный этим бременем, Кеней испустил, наконец, дух.

После его смерти, герои Эллады напали на врагов еще сильнее, и с наступлением ночи битва окончилась: большая часть кентавров осталась на месте, остальные искали спасения в бегстве. Так одолели герои дикую силу.

В последовавшие за тем дни Пирифой с своими соратниками изгнал остатки кентавров из соседних гор и загнал их на Пинд[21] и за границу Эпира[22].

---

[21] Пинд (лат. Pidnus) – древнее название тянущегося с северо-запада на юго-восток горного хребта, который со своими высокими зубчатыми вершинами и глубоко прерванными проходами образует водораздел между Фессалийской низменностью и горной страной Эпира.

[22] Эпир (Epirus). – Словом Эпир у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам; в частности, этим именем жители западных греческих островов (Ионийского и Адриатического морей) называли противолежащий

6. Первое похищение Елены. Смерть Тезея

Недолго жил Пирифой с своей женой: прекрасная Ипподамия умерла вскоре после свадьбы. Подобно Пирифою, Тезей жил в это время также вдовцом; поэтому, несмотря на свой пятидесятилетний возраст, он изъявил согласие принять участие в отчаянном предприятии своего друга – в похищении Елены. Эта дочь Зевса и Леды, своей красой и легкомыслием погубившая впоследствии Трою, в то время была почти еще ребенком; но молва о ее красоте прошла уже далеко. Прибыли Тезей с Пирифоем в Спарту и похитили деву в то время, как она вместе с другими спартанками совершала служение Артемиде в ее храме. Похитители бежали с своей добычей в горы Аркадии. Долго гнались за ними спартанцы, но вблизи Тегеи остановились и не преследовали далее похитителей, ибо видели, что погоня была бесполезна. На досуге стали теперь друзья рассуждать о том, что им делать с похищенною девушкой, и согласились бросить жребий: кому выпадет жребий, тот и возьмет себе Елену.

Но при этом положен был еще и такой уговор: получивший Елену должен будет помочь своему другу похитить другую невесту, какую бы последний ни выбрал. Бросили жребий, и Елена досталась Тезею. Он отвез ее в Аттику, поместил в крепкомь замке своем в Афинах и поручил ее матери своей Эфре.

По условию, Тезей должен был добыть теперь невесту для Пирифоя. Но не привык Пирифой довольствоваться малым: он пожелал похитить из Тартара Персефону, супругу Плутона, властителя теней. Тезей, дав слово, не мог отказаться от него и последовал за своим другом в царство теней. Пошли они вдвоем, и у местечка Колона спустились в подземную обитель Аида – через ту пропасть, по которой нисходил в Аид и Эдип. Почти достигли они ворот Аида и здесь присели на камень отдохнуть и поразмыслить о том, как бы лучше исполнить предприятие. Когда же хотели они подняться с камня, чтобы продолжать путь далее, то обнаружили, что приросли к камню, на котором сидели. Долго пришлось им сидеть, и горько раскаивались они, что затеяли такое безрассудно-дерзкое дело. Впоследствии, когда Геракл нисходил по этой дороге в царство Плутона, чтобы достать оттуда Цербера, Тезей с Пирифоем простерли к герою руки, моля освободить их. Геракл подал Тезею руку и оторвал его от скалы: боги позволили Гераклу освободить Тезея, – он был муж благочестивый и всегда воздавал богам подобающие почести, в дерзкое же предприятие пошел не сам собою, а вовлечен был Пирифоем. Когда же Геракл хотел освободить от скалы и другого страдальца, – с громом содрогнулась земля. Богам неугодно было освобождать дерзкого нечестивца. Так сидит он и доселе, прикованный навсегда к скале и терзаемый мстительными Эринниями.

Когда Тезей возвратился из Аида на землю, в царстве его все шло не по-старому: замок его в Афинах был разрушен, мать его Эфра уведена в плен, и Афинами правил новый царь. Во время отсутствия Тезея прибыли в Аттику близнецы Диоскуры, Кастор и Полидевк, отыскивавшие сестру свою Елену. Пришли они в Афины и требовали от граждан Возвращения сестры. Афиняне отвечали, что у них в городе нет никакой Елены и что они даже не знают, где скрыл ее Тезей. Диоскуры стали грозить войной. Знал тайну Тезея лишь Академ и выдал ее Диоскурам. Они пошли на Афины, разрушили крепость Тезея, освободили сестру и увезли ее на родину; а вместе с Еленой увезли они также и мать Тезее Эфру. С той поры Эфра стала рабыней Елены и сопровождала ее впоследствии в Трою. Удаляясь из Аттики, Диоскуры наказали Тезея еще и тем, что царем в Афинах поставили врага его Менесфея, Петеева сына, из рода Эрехфея. Долго, но напрасно стремился Тезей завладеть афинским престолом. Вступив в Афины, он не встретил сочувствия к себе; Менесфей же был боготворим афинской чернью, и власть его была так прочна, что старый царь счел за лучшее оставить всякие посягательства на

берег Эллады до входа в Коринфский залив.

царскую власть и удалился на чужбину. Двух младших сынов своих, Акаманта и Демофонта, он послал на Эвбею, к своему другу Элефенору, сам же отправился на остров Скир, где у него было много родичей и оставалось еще наследственное имущество. Отойдя недалеко от Афин, Тезей торжественно изрек проклятие на неблагодарных афинян, и место это называется с того времени «полем проклятия».

На Скире царствовал в то время Ликомед, овладевший всем достоянием Тезея. Когда же Тезей потребовал от него возвращения своей собственности, Ликомед притворился, будто готов отдать все охотно, и повел пришельца на вершину крутой прибрежной скалы, дабы оттуда показать ему все его владения. В то время, как Тезей любовался видом прекрасного острова, коварный Ликомед столкнул его со скалы в море. Так окончил свою жизнь престарелый герой – вдали от царства своих предков, в печальном изгнании. Оба сына его вместе с Элефенором участвовали в Троянской войне и прославили себя доблестными подвигами. По разрушении Трои, они с бабкой своей Эфрой, освобожденной ими из неволи, возвратились в Афины и по смерти Менесфея овладели престолом своих предков.

Несмотря на то, что Тезей был предан и изгнан афинянами, он и после своей смерти был им другом и помощником. Рассказывают, что когда они сражались на Марафонских полях с персами, герой встал из могилы и повел афинскую рать к победе. После этой славной битвы вспомнили афиняне о своем благодетеле и порешили перенести его кости со Скира в отечество. Когда полководец Кимон[23] взял Скир и стал искать на нем гробницу Тезея, то внезапно ему явился орел: то парил он над прибрежным холмом, то опускался вниз и взрывал когтями землю. Кимон велел копать на месте, которое указывал орел. Стали копать и нашли гробницу: в ней лежал исполинский остов и возле него – медное копье и меч. Кимон доставил священные останки в Афины, где они были встречены с торжественными почестями и преданы родной земле. В центре города герою был воздвигнут великолепный храм – Тезейон; развалины этого храма видны еще и поныне. С той поры благодарные афиняне чествовали Тезея, как основателя и благодетеля их государства.

7. Калидонская охота (Мелеагр)

Борьба этолийцев и куретов

(Гомер «Илиада»)

Царь Ойней, повелитель этолийцев, приносил однажды в городе своем Калидоне жертвы богам. Деметре достались полевые плоды, Вакху – вино, Афине – масло олив. Каждому из богов принес Ойней подобающую жертву, только алтари богини Артемиды, дочери громовержца Зевса, остались без жертвенного курения. С умыслом ли обошел Ойней алтарь Артемиды, или сделал это по нерадивой рассеянности, – вина его во всяком случае была велика. Разгневанная богиня наслала на земли этолийцев дикого, лютого вепря.

Был тот вепрь величиною с быка; огнем горели у него налитые кровью глаза, копьями торчала щетина, а клыки величиной не уступали бивням слона; от знойного дыхания вепря блекла трава, и увядали листья на деревьях. Страшные опустошения производил дикий зверь на полях Калидонских: опустошал он и тучные нивы, и цветущие виноградники; с корнями вырывал из земли оливы и другие деревья в садах. Пастухи калидонские не могли более пасти стад: хищника не только нельзя было отогнать от стада собаками, – он ломал и умерщвлял самых сильных и ярых быков. Жители Калидона считали себя в безопасности только в стенах города.

[23] Кимон (ум. в 449 г. до н. э.) – сын Мильтиада и дочери фракийского царя Олора, знаменитый афинский полководец, человек щедрый и справедливый, совершивший множество славных побед во славу Афин.

Мелеагр встречается с Аталантой на Калидонской охоте

В такой беде юный герой калидонский Мелеагр, сын Ойнея, призвал из всех стран Эллады самых неустрашимых и могучих воинов и с ними пошел на лютого вепря. Пришли в Калидон, по зову Мелеагра, оба Диоскура, Кастор и Полидевк; пришли Тезей с Пирифоем, сыновья Афарея, Идас и Линкей, Пелей и Теламон; явились из Фессалии Ясон и Адмет, из Фив – Ификл и Иолай, из Элиды – сросшиеся ниже пояса близнецы Эврит и Ктеат, и много других охотников и героев.

Из Аркадии на калидонскую охоту пришла Аталанта, дева, обитавшая в лесах с самых ранних лет. Тотчас по рождении она брошена была в лесу; здесь нашла ее медведица и вспоила своим молоком, потом ее призрели у себя звероловы, и от них научилась она искусству охоты. По красоте своей и быстроте бега, подобная покровительнице своей Артемиде, Аталанта, как и она, чуждалась любви, и намеревалась всю жизнь остаться девой. И одевалась она совершенно так же, как Артемида. Волосы заплетала она искусно сзади в одну косу; ее короткая охотничья одежда застегивалась на правом плече гладкой пряжкой, а на левом висел костяной колчан, наполненный стрелами; в левой руке был у нее лук. Едва увидал Мелеагр прекрасную, стройную девушку, как почувствовал к ней любовь. «Счастлив тот, – сказал себе он, – кого она выберет себе в супруги».

Девять дней Ойней угощал своих гостей, а на десятый отправились они на вепря. Пришли в темный и густой лес; высокоствольных деревьев этого леса никогда еще не касался топор дровосека. Здесь одни из охотников стали расставлять сети, другие – спускать со своры собак, третьи пошли исследовать лесные тропинки, сгорая нетерпением найти поскорее ход к логовищу страшного зверя. Идя далее, они в скором времени дошли до глубокой ложбины, дно которой поросло густым ивняком, непроходимой чащей тростника и осоки. Как молния из черной тучи, выскочил из этой чащи вепрь, поднятый голосами охотников, и бросился на них. Громкими криками встретили его охотники и уставили против него остроконечные копья свои. Зверь бросается в сторону, бьет и увечит клыками набегающих на него собак и пробивается сквозь их свору. Со всех сторон летят в него копья; но одни из охотников из-за поспешности не попадают в цель, копья же других, ударяясь в жесткую щетину, отскакивают или наносят

только легкие раны. Придя в еще большую ярость, вепрь снова обращается назад, и как камень, пущенный тараном, бросается на охотников. Троих из них он повергает на землю и нападает уже на четвертого – на Нестора, стяжавшего впоследствии столь громкую славу; погиб бы тут преждевременно Нестор, если бы не успел вовремя вскочить на сучья соседнего дуба. В лютой ярости зверь стал точить клыки свои о ствол дуба и, изощрив их таким образом, поразил ими ближайшего к себе неприятеля. В это время близнецы Диоскуры, Кастор и Полидевк, сидевшие на высокорослых конях, готовы были нанести вепрю своими блестящими копьями тяжелые раны; но вепрь убежал от них и скрылся в темной чаще леса, в которой его нельзя было преследовать на коне, нельзя было даже попасть в него копьем. Бросились по следам зверя Теламон с Пелеем, а также и Аталанта. Пустила Аталанта стрелу и, метко попав в вепря, нанесла ему рану около уха. То была первая рана, от которой щетина зверя обагрилась кровью. Мелеагр первый увидал кровь и, указывая на нее товарищам, сказал Аталанте: «Тебе, о дева, должна принадлежать честь победы!»

Охотники покраснели от стыда, видя, что всех их превзошла женщина. Раздраженные, бросились они вслед за убегающим зрем и тучами метали в него стрелы и копья, но горячность их еще более портила дело. Аркадиец Анкей, исполин необычайной силы, догнал вепря и, подняв общими руками секиру, воскликнул:

– Вот увидите, может ли женщина владеть оружием лучше мужчины! Если бы зверя стала теперь защищать сама Артемида, и тогда ему не уйти от мой руки!

Так похвалялся Анкей, уязвленный успехом своей соотечественницы, и замахнулся уже на вепря секирой; но, прежде чем успел нанести ему ударь, упал окровавленный на землю: лютый зверь всадил ему в тело оба клыка.

Наконец, после многих промахов других охотников, Мелеагр нанес зверю копьем рану в спину. Заметался зверь и пришел в неистовую ярость; Мелеагр же подскочил к нему и нанес ему еще одну рану – под лопатку. От этой раны вепрь упал на землю и издох.

С радостными криками поспешили к победителю охотники и признали за ним право на добычу; дивились они страшному зверю, лежащему распростертым у их ног. Мелеагр, став ногой на голову вепря, мечом снял с него шкуру и, подавая ее Аталанте, сказал ей:

– Возьми, дева Аркадии, принадлежащую мне добычу; ты достойна разделить со мной славу победы.

С радостью приняла девушка дар Мелеагра. Но тогда в толпе охотников послышался ропот зависти, и два сына царя Фестия, Плексипп и Токсей, дяди Мелеагра по матери, с поднятыми кулаками бросились на Аталанту и закричали:

– Оставь сейчас же добычу и не присваивай себе того, что должно принадлежать нам; иначе не спасет тебя ни красота, ни защита Мелеагра.

Тут вскипел Мелеагр бурным гневом:

– Знайте же вы, не признающие заслуг и прав других, – знайте, что угрозы не то, что дело!

Так закричал на них герой, и вслед за тем поразил мечом сперва Плексиппа, а потом и другого своего дядю.

В это время Алфея, мать Мелеагра, шла в храм принести богам благодарственную жертву за победу, дарованную ее сыну.

Но на пути в храм встретила она людей, уносивших трупы ее братьев. С громкими воплями ударила Алфея себя в грудь, сорвала с себя златотканные, праздничные одежды и облеклась в черное, траурное платье. Когда же она узнала, что братья пали от руки ее родного сына Мелеагра, печаль ее сменилась гневом, возжаждала она мести и преисполнилась желания покарать убийцу.

Тем временем Артемида, еще более разгневанная удачей этолийцев в этой охоте, подняла шумную распрю между ними и участвовавшими в охоте куретами[24]: стали спорить о том, кому должна достаться клыкастая голова убитого вепря.

Разгорелся жестокий, губительный бой, и в том бою плохо пришлось куретам; хотя числом они и превосходили этолийцев, но не могли стоять против них в открытом поле, вне своих стен. Но когда Мелеагр, увлеченный гневом, покинул поле битвы, счастье отвратилось от этолийцев. Разгневан был Мелеагр проклятиями матери своей Алфеи. Пав на колени и обливая грудь слезами, исступленная Алфея с воплями била о землю руками и взывала к Аиду и Персефоне, моля их наслать смерть на ее сына. И носящаяся во мраке ночном, беспощадная Эринния из темной бездны вняла воплям и проклятиям матери.

Озлобленный сердцем, праздно сидел Мелеагр у супруги своей Клеопатры, прекрасной дочери могучего Ида и Марпессы, но скоро под стенами и башнями Калидона и перед воротами его раздался стук мечей и крик громившего город неприятеля – куреты подступили к городу целым войском. Тогда старшие из этолийских граждан послали к Мелеагру избранных жрецов и через них молили героя выйти на брань и спасти родной город. Обещали этолийские старейшины великий дар Мелеагру: на тучных калидонских полях они обещали ему отрезать пятьдесят десятин земли, на половину покрытой виноградниками, а на половину не тронутой еще плугом. Отец героя, престарелый Ойней, поднявшись до порога его опочивальни, долго стучал в створы дверей и, пав на колени, молил сына; много просили его и сестры, и другие родственники, но Мелеагр упорствовал даже более, чем прежде. Приходили к нему и друзья, чтимые им и любимые более всех в Калидоне; но и их мольбы не тронули ожесточенного сердца.

Гибель Мелеагра

Так коснел Мелеагр в злобе до тех пор, пока не потрясся его собственный дом от ударов вражеского оружия, пока куреты не взошли на городские башни и не начали жечь великий город. Рыдая, стала тогда молить Мелеагра жена его и исчисляла перед ним все бедствия, которым подвергается взятый врагами город: режут воины граждан, предают огню жилища и людей и толпами уводят в плен детей и женщин.

Внял Мелеагр просьбам жены, встал, покрылся пышными и блестящими доспехами и отразил гибель от родного города.

Только не вернулся он с битвы: Эринния, внявшая проклятиям, которыми поразила героя мать, подсказала ей путь к его смерти.

Случилось так, что еще при рождении Мелеагра, в покой Алфеи вступили три богини судьбы, три мойры, и бросили в пламя очага головню со словами: «Пока не погаснет эта головня, до тех пор будет жив и твой младенец».

---

[24] Куреты – народ, живший в Этолии, неподалеку от Калидона.

Когда богини удалились, Алфея встала с своего ложа, выхватила из огня головню и спрятала ее, желая продлить жизнь сына на возможно долгое время. Теперь же, когда сердце Алфеи объято было жаждой мести, достала она роковую головню, бросила ее на очаг, подложила под нее хвороста и зажгла этот хворост.

Четыре раза готова была она сжечь головню и четыре раза останавливалась, отходила от очага: чувство матери боролось в ней с чувством сестры. Лицо ее то бледнело от боязни, то пламенело гневом; то выражалась в нем гневная суровость, то сострадание и готовность простить сына. Как колеблется на воде челн, гонимый ветром против течения, так колебалась дочь Фестия между двумя равносильными влечениями сердца. Наконец, любовь к братьям взяла верх над любовью к сыну.

– Пусть смерть поразит моего сына! – воскликнула она. – Придите сюда, тени братьев моих, посмотрите, какую жертву приношу я фуриям! Злодеянием караю я злодеяние, смертью искупаю смерть. Видите, дорогие тени, что делаю я ради вас; примите мою искупительную жертву: не легко приносить мне эту жертву, предавать смерти сына. – Так говорила она и, отвратив лицо, дрожащей рукой бросила роковую головню в пламя.

Когда огонь охватил головню, из нее послышался – так показалось, по крайней мере, Алфее – жалобный вздох. В тот же миг юный Мелеагр, не ведавший, что творит над ним разгневанная мать, был поражен нестерпимой, жгучей болью.

Первоначально он еще в силах был переносить эту боль, но вскоре стал перед нею бессилен и посетовал, что приходится ему умирать бесславной смертью, позавидовал он судьбе друзей, павших в битве с врагом. С громкими стонами призвал он к себе престарелого отца, братьев, сестер и горячо любимую жену; вместе с ними призывал он к себе, может быть, и мать свою. Чем более пожирал огонь роковую головню, тем сильнее и мучительнее становилась боль, терзавшая Мелеагра; когда же головня догорела и превратилась в пепел, юный герой испустил дух.

Пораженный скорбью, оплакивал гордый Калидон своего героя; более же всех других скорбели о нем отец его, жена и сестры. Мать же Мелеагра, сознав всю тяжесть своей вины, мечом пронзила себе грудь.

Так закончилась Калидонская охота.

Книга пятая. Ясон и аргонавты

1. Фрикс и Гелла

В Орхомене, богатейшем городе Беотии, жил царь Афамант, сын бога ветров Эола. Супругой его, родившей ему двух детей, Фрикса и Геллу, была божественная Нефела, богиня облаков. Но когда, помимо нее, он соединился брачными узами со смертной женщиной Ино, дочерью фиванского царя Кадма, разгневанная Нефела покинула его дом, и с той поры гибель воцарилась в семье Афаманта.

Ино была злою мачехой Фриксу и Гелле и всячески старалась отделаться от них. Она уговорила фивянок тайно иссушить зерновой хлеб, предназначенный для посева; когда же на полях не оказалось ожидаемой жатвы, и Афамант отправил посольство к дельфийскому оракулу, чтоб узнать, каким образом устранить бесплодие почвы, то послы, подкупленные Ино, принесли ему ложное предсказание: «бесплодие прекратится, когда Фрикс будет принесен в жертву Зевсу». Афамант, принуждаемый жителями страны, приготовился к закланию сына и повел его на Лафистийскую гору, где обычно совершались жертвоприношения. Мальчик уже стоял у жертвенного алтаря, когда мать его Нефела послала ему с облаков дивного златорунного овна[25]. Пока оторопелый Афамант взирал на это чудо, юный Фрикс подхватил свою сестричку, усади ее на загривок овна, сам вскочил верхом, и чудесный небесный овен устремился в путь на восток.

На всем протяжении пути дети с восторгом созерцали расстилавшиеся внизу далеко под ними леса, поля, города и реки. Однако, когда они пролетали пролив, отделявший Европу от Азии, маленькая Гелла почувствовала себя плохо, у нее закружилась голова и она упала вниз и утонула. Позже этот пролив люди в честь нее назвали Геллеспонтом.

После долгого пути по воздушным пространствам, овен, неся на себе Фрикса, достиг страны Айи, или Колхиды, что на крайнем востоке Черного моря, где течет река Фасис[26]. Там царствовал знаменитый царь-чародей Эет, сын бога солнца Гелия. Дружелюбно принял он мальчика, оставил его при себе и, когда Фрикс стал сильным юношей, женил его на дочери своей Халкиопе. В благодарность за свое избавление Фрикс принес златорунного овна в жертву Зевсу, «покровителю побегов», а золотое руно подарил царю, столь благосклонно его принявшему. Эет повесил диковинную драгоценность на дубе в священной роще Ареса и на страже около нее поставил ужасного, никогда не засыпавшего дракона. Там, под верной охраной, долго висело руно, и добыть его оттуда считалось одним из труднейших и опаснейших предприятий. В Греции же повсюду была распространена молва об этом чудесном руне, и у родственников Фрикса возникло желание достать его, так как от обладания им зависело благоденствие и спасение рода.

2. Ясон и Пелий

(из Пиндара «Пифейская ода»)

Крефей; брат Афаманта, построил в Фессалии, у одного залива, город Иолк, который, благодаря плодородию окрестных полей, торговле и мореплаванию, достиг цветущего благоденствия. Владычество над городом оставил он своему старшему сыну Эсону; но сводный брат последнего, Пелий, человек несправедливый и кичливый, свергнул его с престола, и пришлось

[25] То есть барана с золотой шерстью.

[26] Полагают, что эта река ныне называется Риони.

Эсону жить в городе простым гражданином. Когда у Эсона родился сын, он и супруга стали опасаться, чтобы жестокий царь не умертвил их младенца, которому по праву надлежало наследовать престол. А потому они объявили, что дитя умерло тотчас же после рождения и устроили в своем доме тризну; сына же тайно отослали в Пелионские горы на воспитание к мудрому кентавру Хирону. В пещере кентавра, на руках воспитателя своего, супруги его Харикло – и матери Филиры, вдали от света, вырос Ясон (такое имя получил он от Хирона) и стал прекрасным мальчиком; Хирон наставлял его во всех геройских доблестях. Когда Ясон достиг двадцатилетнего возраста, он оставил тихое убежище своей юности и отправился в родной Иолк с намерением возвратить себе отцовскую власть. Добрался он благополучно, только когда он пересекал речушку, протекавшую перед родным городом, у него развязалась одна сандалия, и ее унесло потоком.

На рынке, среди собравшегося народа, появился он, гордый своею силой и сияющий красотою. На нем была обыкновенная местная одежда, но через плечи, в защиту от холодного ливня, висела пестрая шкура барса; длинные кудри волнистых волос доходили до спины. В руках, по обычаю героев, он держал два крепких копья. Свободно и неустрашимо стоял он и искал где бы ему купить сандалию взамен недостающей, а народ с изумлением смотрел на прекрасного чужеземца, спрашивая себя: не спустился ли к ним с небес лучезарный Аполлон или это сам могучий Арес.

Тут приехал на великолепной колеснице, запряженной быстрыми лошаками, царь Пелий. Он испугался, заметив, что юноша был обут только на одну ногу. Некогда получил Пелий от оракула предсказание: «Остерегайся человека, на одну ногу обутого, который спустится с горы в равнинуИолка, будь то чужестранец иди туземец; тебе суждено погибнуть от силы или от неизбежной хитрости потомков Зола». Испуганный Пелий вспомнил предсказание, но затаив в сердце боязнь, насмешливо спросил чужеземца о роде и племени.

– Одно только посоветую тебе, сказал он надменно, – не оскверняй себя ненавистной ложью, – я враг ее.

Спокойно и дружелюбно отвечал юноша:

– Я всегда верен наставлениям мудрого Хирона, учившего меня правде и честности у себя в пещере, при жене и матери и при добродетельных дочерях своих. Двадцать лет прожил я у них и ни разу не провинился ни словом, ни делом; теперь же я вернулся сюда в дом отца моего Эсона, чтобы потребовать унаследованную от предков власть, насильственно захваченную, как я слышал, несправедливым Пелием. Любезные сограждане, укажите мне дом моих геройских предков, я тоже уроженец этой страны, я – сын Эсона.

Так отвечал он; когда же вошел в дом родителей, отец тотчас узнал его, и слезы радости навернулись на седых ресницах при виде прекрасного юноши-сына. При известии о возвращении Ясона, прибыли заявить ему свою приязнь братья Эсона: Ферет – из соседнего города Фер и Амифаон— из далекой Мессении, оба со своими сыновьями Адметом и Меламподом. Ясон радушно принял их в родительском доме и почтил их прекрасными дарами; угощая их, как нельзя лучше, в продолжение пяти дней и пяти ночей и занимая их дружественною беседой и всякою забавой, он, на шестой день, завел речь о деде и объявил им свое намерение. Они одобрили его, все встали тотчас же со своих седалищ и отправились в дом Пелия.

Услышав их быстрые шаги, Пелий вышел им на встречу, и тогда Ясон кротко обратился к нему с следующими словами:

– Сын Посейдона! Сердце человека более склонно к выгодной несправедливости, чем к правде; но вследствие этого порой нежданно-негаданно впадают люди в беду. Мы же с тобой укротим все бурные порывы. Из одного мы рода и, как кровные родственники, не должны прибегать к копью и мечу, чтобы решить, кому подобает сан предков. Итак, оставляю тебе все стада овец и быков и все земли, отнятые тобою у моих родителей; но скипетр и престол, на

котором некогда восседал мой отец, – только этого я и домогаюсь, – отдай мне добровольно, чтобы не было новой беды.

– Я согласен на это, – отвечал Пелий хладнокровно, но тая злой обман в сердце, – только прежде всего примири тяготеющий над нашим домом гнев богов преисподней. Умерший вдали от родины, Фрикс умоляет, чтоб отозвали его душу из Аида и даровали бы ей мир. Он умоляет, чтобы отправились мы ко дворцу Эета и добыли оттуда руно овна, на котором некогда он избежал гибели в море и ушел от преследований мачехи. Чудесное сновидение возвестило мне это. Чтобы узнать, не лживо ли было сновидение, обратился я к Кастальскому источнику[27] и бог мне повелел немедленно снарядиться к морским странствиям. Но меня удручает старость, ты же находишься еще во цвете юности: решайся же на этот подвиг, и, клянусь, я безропотно уступлю тебе тогда власть и царство.

Ясон согласился на это и стал набирать себе спутников для похода по всей Греции.

3. Приготовление аргонавтов к походу

(из поэмы Аполлония Родосского „Аргонавтика")

Ясон объехал всю Грецию и повсюду вызывал известнейших героев того времени на общий поход в Колхиду. Все они с радостью обещали ему свою помощь и обязались прибыть к назначенному сроку в Иолк. Из спутников Ясона назовем мы знаменитого певца Орфея и аргивского прорицателя Амфиарая, Зета и Калаида – крылатых сыновей Борея, братьев Диоскуров – Кастора и Полидевка, Идаса и Линкея, Теламона и Пелея, Геракла, Мелеагра, Тезея, Лаэрта – отца, и Автолика – деда Одиссея по матери, сильного Анкея из Аркадии, Адмета; Акаст – сын Пелия – против воли отца своего заключив тесную дружбу с Ясоном, тоже принял участие в этом походе. Когда же герои, мужественные и отважные исполины, цвет всей Греции, собрались в Иолк, они нашли здесь, на песчаном побережье, совершенно готовый к отплытию корабль, на котором им надлежало отправиться в море. То было прекрасное, пятидесятивесельное судно, необычайно легкое и быстроходное – первый большой корабль, на котором греки отважились пуститься в открытое море. Его соорудил у подножия Пелиона Арг, сын Арестора, с помощью Афины, обратившей особенную благосклонность к Ясону; потому корабль этот и назывался «Арго»; герои же, плывшие на корабле, были прозваны аргонавтами, то есть «плавававшими на «Арго»». Афина вставила в корму корабля кусок священного дуба из рощи Додонского оракула – это должно было оберегать корабль во время путешествия.

Кроме Афины, аргонавтов под свое покровительство взяла богиня Гера. Гневалась она на Пелия за то, что он отказал ей в жертвоприношении и поклонении; и поэтому она желала,

[27] Древнейший оракул, возникший на месте ручья, в который прыгнула нимфа Касталлия, преследуемая богом Аполлоном. С этого момента воды источника, как полагали стали давать предсказания будущего.

чтоб Ясон привез в Иолк волшебницу Медею, которая смогла бы ей послужить для наказания царя. К Ясону же Гера была милостива. Однажды, зимнею порой, охотился он в горах и пришел к стремительному, разлившемуся от дождей потоку. Старуха, стоявшая на берегу, рыдала и просила перенести ее через бушующий поток. Юноша сжалился над ней и перенес ее на своих плечах. То была богиня Гера, принявшая образ старухи, дабы испытать Ясона. С того времени он пользовался благоволением и помощью могущественной богини, как это и оказывалось неоднократно во время похода.

Аргонавты, видя, что они все на лицо в иолкской гавани, начали с избрания предводителя. Все обратили взоры свои на Геракла, могучего Зевсова сына, славнейшего из героев, и просили его принять начальство над ратью: но он всеми усилиями отклонял от себя эту честь и указал на Ясона. Ясон принял начальство и прежде всего приказал спустить «Арго» на воду; слугам же своим велел снабдить его съестными припасами. Затем, по жребию, распределили они места на корабле: пришлось по два гребца на каждую лавку; на среднее весло, без жребия, избрали самых сильных героев – Геракла и Анкея. Тифий избран был в кормчии, а дальнозоркий Линкей – в лоцманы.

Между тем привели Ясону из стада его двух самых красивых быков и, по его же повелению, воздвигли на берегу алтарь Аполлону. Прежде всего, думал Ясон, надлежит принести жертву этому богу, так как он оракулом своим подал и мысль о плавании и, вместе с тем, обещал счастливый исход. Подвели к алтарю быков, одного убил Геракл палицей, а другого Анкей – тяжелой железной секирой.

Когда сожгли куски жертвенного мяса, и Ясон, воззвав к светлокудрому богу, совершил священное возлияние, – ярко вспыхнуло пламя. Основываясь на этом, прорицатель Идмон предсказал счастливое возвращение; ему же самому, прибавил он, суждено умереть вдали от родины, на азиатской земле. Герои, сожалея об участи любимого спутника, обрадовались тем не менее счастливому предсказанию и с наступившим вечером принялись за веселое жертвенное пиршество. Расположившись на берегу, на мягкой листве и траве, наслаждались они едой и питьем, тешились веселым разговором и внимали сладкозвучным песням Орфея. На следующее утро, чуть занялась заря, Тифий разбудил их; сели они на «Арго» и, совершив богам возлияние в море, ради счастливого плавания, бодро отплыли из гавани.

Преследуя далекую цель, должны были они плыть мимо берегов Фессалии, Македонии и Фракии. Попутный ветер надувал паруса, и весело, под мирные звуки песен Орфея, без помощи весел, скользил по волнам «Арго». В восторге прислушивались герои к песням, а рыбы и другие обитатели вод морских, вынырнув из глубины, очарованные сладостными звуками, плыли за кораблем, подобно, стаду, идущему за свирелью пастуха.

4. Аргонавты на Лемносе

(из поэмы Аполлония Родосского «Аргонавты»)

После нескольких дней плавания, аргонавты пристали к острову Лемносу. Здесь, за год до их прибытия, женщины умертвили своих мужей за измену их, за связь с пленницами, привезенными ими с соседнего материка. Кроме мужей и все дети мужского пола тоже были ими умерщвлены, ибо они могли со временем отомстить за смерть отцов. Только царская дочь Гипсипила успела спасти отца своего Фоанта: тайно спустила она его в закрытом ящике в море, и у берега острова Сикина был он вытащен из воды рыбаками. Итак, лемниянки принуждены были пасти стада и возделывать поля и, подобно воинственным амазонкам, ходили в вооружении своих мужей, постоянно опасаясь нападения фракийцев, родственников их соперниц. А потому, увидев, что красивый корабль приближается к острову, ринулись они к берегу с поднятым оружием (царица Гипсипила была во главе их) к берегу, чтобы воспрепятствовать высадке.

Аргонавты же, не подозревая ничего плохого, отправили к царице вестника, прося позволения переночевать на берегу. Вследствие этого Гипсипила отвела свое женское войско в город и созвала на площади народное собрание для обсуждения просьбы иноземцев. Она восседала на каменном престоле отца своего; возле нее помещалась седая кормилица, по обе стороны которой стояли две белокурые девы; кругом же расположился народ. Девственная царица встала и сказала:

– Любезные сестры! Мы доставим чужеземцам на их корабль яства, питье и все, что они пожелают, только пусть они не выходят на наш остров и не ведают, какое преступное дело совершено нами. Наверное, они погнушались бы им, и дурная молва о нас далеко распространилась бы по земле. Таков мой совет; если же кто имеет предложить другое, пусть говорит.

Встала тут ее старая кормилица царицы и, опираясь на посох, сказала:

– Да, пошлите иноземцам подарки, я тоже согласна с этим; но вместе с тем подумайте, что будет с вами, если войско фракийцев или какой-нибудь другой народ нападет на вас. Даже если кто-либо из богов и устранит от вас эту напасть, то мало ли еще каких зол предстоит вынести вам? Когда мы, старухи, перемрем, а вы, молодые, состаритесь, разве быки сами собой станут впрягаться под ярмо и влачить плуг по полям? А когда созреет жатва, уж не они ли, вместо вас, срежут колосья? Ведь все это вам будет не под силу. Что касается до меня, я скоро сойду в могилу; но вам, молодые, советую взять чужих мужчин к себе в дома и доверить им имущество и управление городом, чтоб они защитили вас от внешней опасности, а дети могли бы охранять вас от бедствий старости.

Совет старухи понравился всему народу, и Гипсипила тотчас же отправила деву Ифиною к Ясону пригласить чужеземцев на берег, в город. Ясон накинул на плеча драгоценное пурпурное одеяние, подаренное ему Афиной, взял в руки копье и, подобный лучезарной звезде, вместе с Ифиноей направился к городу. У городских ворот вышли ему радостно на встречу жены и девы и, изумленные, проводили его до дворца царицы; широко растворили ему служанки высокие двери, и Ифиноя повела его в покои своей повелительницы. Войдя к ней, он сел против царицы на великолепное седалище.

Гипсипила опустила взоры, и лицо ее зарделось от стыдливости.

После краткого молчания, смущаясь, сказала она юному герою:

– Чужестранец, отчего вы так долго пребываете вне наших стен? В городе нашем не обитают мужчины, и опасаться вам нечего. Они пашут фракийские поля по ту сторону моря. В царствование отца моего Фоанта они переправились на ту сторону, опустошили страну, унесли богатую добычу, увели множество дев пленницами. С ними вступили они в брак и покинули наш остров, чем жестоко обидели своих законных жен и детей. Когда же они опять покинули они Фракию и заявились сюда, то при их возвращении мы затворили перед ними ворота, дабы принудить их поступать с нами по справедливости или отправляться куда-нибудь с своими любимицами. Они потребовали отдать им своих сыновей и вместе с ними отправились во Фракию, где и живут по сию пору. Так остались мы беспомощными. А потому, если хотите, придите к нам и останьтесь у нас; ты же, если желаешь расположиться здесь на житье, прими власть отца моего и будь царем острова. Право, страну эту ты не будешь хулить, – это плодороднейший и красивейший остров во всем море. Итак, вернись к своим, объяви им наше предложение и не оставайтесь долее за городом.

Так говорила царица, сознательно умолчав о преступном умерщвлении мужчин.

Ясон отвечал ей следующими словами:

– Царица, мы охотно готовы придти вам на помощь. Я только оповещу своих товарищей и тотчас же вернусь; власть же над островом пусть остается в твоих руках: суровый бог призывает меня отсюда в дальнюю страну.

Он подал царице правую руку и вернулся на корабль. В то время, как он шел по улицам, женщины веселыми толпами провожали его до ворот; затем они живо снарядили колесницы,

положили на них дары для гостей и поспешили к морю. Аргонавты с радостью приняли весть Ясона и последовали за женщинами в город. Ясон поселился во дворце у Гипсипилы, другие же расположились в различных частях города. Один Геракл с несколькими выборными остался сторожить корабль.

Настало веселое время – дни воинов проходили в празднествах.

Пиршества сменялись веселыми хороводами; повсюду поднимался с алтарей благовонный жертвенный пар. Из всех богов наиболее чествовали жертвами и пением Гефеста, бога-покровителя острова, и прелестную супругу его Афродиту. Каждый день отсрочивался отъезд, и аргонавты пробыли бы на острове, вероятно, еще долее, если бы Геракл тайно от женщин не собрал своих товарищей и с бранью и укорами не напомнил им о цели их плавания. Пристыженные герои вняли увещаниям Геракла и стали снаряжаться к отъезду. Лемниянки, подобно пчелиному рою, с мольбами и плачем окружили уезжающих друзей; со слезами на глазах, жали они им руки и выражали пожелания счастья в дальнейшем плавании. При расставании Гипсипила, с полными слез глазами, протянула Ясону руку и сказала:

– Отправляйся же, и да позволят боги тебе и твоим спутникам привезти домой желанное руно. Если ты когда-нибудь счастливо вернешься сюда, я сдам тебе власть над островом. Но знаю, этому не бывать, – нет у тебя такого намерения. Так, живя вдали от меня, сохрани по крайней мере память обо мне.

Тронутый Ясон простился с царицей и сел на корабль, а вслед за ним и другие.

Аргос оттолкнул корабль от берега, весла пришли в движение, и скоро исчез из виду прекрасный остров.

5. Кизик

(из Аполлония Родосского)

Геллеспонтом достигли аргонавты острова Кизик в Пропонтиде, близ фригийского берега; остров этот был соединен с материком узким перешейком. Там, на «Медвежьей горе», обитали дикие исполины. Каждый из них был о шести могучих руках: по две на широких плечах и по четыре на боках. А вокруг перешейка и на равнине обитали долионы, которыми правил царь Кизик. Они вели свой род от Посейдона, бога моря; он-то и защищал их: несмотря на близкое соседство, исполины же не причиняли им вреда. Тут аргонавты стали на якоре в прекрасной гавани и высадились на берег. Кизик и долионы, услышав о высадке благородных героев, поспешили к ним, приняли их дружелюбно и уговорили направить корабль в городскую гавань. Царь Кизик был еще в юношеском возрасте; едва пробивался у него на подбородке и щеках нежный пушок и лишь за нисколько месяцев до этого женился он на прелестной Клейте, дочери Меропа. Некогда оракул возвестил ему, что он должен радушно принять божественное воинство героев, которое, быть может, когда-нибудь прибудет к нему, и с этими героями он не должен вести войны. Поэтому Кизик снабдил аргонавтов вином и жирными овцами, и сам прибыл принять участие в их трапезе; услыхав о цели их путешествия, он дал им наставления относительно пути. На следующее утро взобрался он с ними на высокую гору, дабы дать им возможность обозреть положение острова в обширном море; в это самое время часть аргонавтов, в том числе и Геракл, собрались вывести корабль из гавани. Тут, с другой стороны горы, ринулись на них исполины и принялись запирать вход в гавань огромными каменными глыбами, обломками скал. Но Геракл схватил свой лук – и стали падать исполины один за другим.

Между тем и другая часть аргонавтов спустилась с горы и луками и копьями помогла одолеть исполинов, всех до последнего. Подобно огромным стволам, срубленным топором дровосека, лежали исполины один на другом: кто головой и грудью в воде, ногами же на берегу; кто тяжелым туловищем на песке, а ногами в воде; как те, так и другие были желанной поживой для рыб и для птиц.

После этой битвы Аргонавты, напутствуемые пожеланиями долионов, пустились в море. Весь день попутный ветер гнал перед собою «Арго»; ночью же ветер переменил направление, чего герои, однако, не заметили, и пригнал их обратно к острову долионов.

Они вышли на берег, но в темноте не узнали союзного острова; долионы же, услышав о высадке вооруженных людей, подумали, что это пеласги, морские разбойники, частенько устраивавшие набеги на остров, и, вооруженные, вышли им на встречу.

Страшный бой начался во мраке, и ни одна сторона не узнала другой. Аргонавты положили на месте множество долионов, а Ясон поразил копьем царя Кизика прямо в грудь. Бой продолжался до утра, и лишь тогда с ужасом увидели бойцы несчастную ошибку. Три дня аргонавты и долионы с распущенными волосами оплакивали любимого царя, погибшего во цвете лет; потом погребли его с большими почестями и над высокой могилой, которую можно было видеть и в позднейшее время, устроили погребальную тризну. А Клейта, юная супруга царя, не вынесла одинокой жизни: самоубийством покончила она дни свои.

Ее оплакивали нимфы соседних рощ, и из слез их, обильными струями орошавших землю, боги создали источник, которому дали имя бедной Клейты, так рано покончившей с жизнью.

6. Гилас

(из Аполлоний Родосского)

Однажды вечером, после бурного плавания, аргонавты высадились на берегу Мисии, на том самом месте, где впоследствии находился город Бирос иди Бирусий, теперешняя Брусса. Туземцы приняли их радушно и снабдили съестными припасами и напитками. Пока герои после дневных трудов отдыхали на мягкой траве и подкреплялись ужином, Геракл отправился в соседний лес срубить дерево для весла: в этот день он, в борьбе с напиравшими на корабль волнами, переломил свое весло. Вскоре нашел он пихту, которая показалась ему пригодной, и, отложив свои лук, колчан и львиную шкуру, схватил ствол обеими руками и вместе с корнем вырвал его из земли.

Между тем его оруженосец, прекрасный мальчик Гилас, вышел из стана добыть воды себе и своему господину Гераклу. В лесистой низменности юноша нашел источник; но в то самое время, как он нагибался, чтобы медной кружкой зачерпнуть воды, нимфы источника, воспламененные любовью к нему, схватили его и повлекли за собой в пучину. Прекрасный Гилас исчез в воде, подобно светилу, сияющему во мраке и гаснущему при падении. Аргонавт Полифем, друг Геракла, ожидавший его возвращения близ этого самого источника, услышал крик мальчика и подумал, что он схвачен диким зверем или что разбойники влекут его в горы. Подобно льву, рыскающему за добычей, с обнаженным мечом устремился он в ту сторону, откуда ему послышался зов, но не нашел там мальчика. Тут встретил он Геракла, возвращавшегося с пихтой из леса.

– Несчастный, закричал он ему навстречу, отчего мне первому суждено принести тебе печальное известие! Гилас отправился к источнику и не вернулся: либо разбойники похитили его либо дикие звери растерзали на части, – я сам слышал его крик.

Когда Геракл это услышал, пот показался у него на висках, и кровь прихлынула к груди. Разъяренный, бросил он пихту наземь и, подобно быку, уязвленному слепнем, заметался во все стороны. Всю ночь они искали Гиласа и звали его громкими голосами, и вот, как будто издалека, достигли до их ушей слабые звуки откликавшегося мальчика. Они и не подозревали, что голос этот исходил из соседнего источника, где нимфы старались на своих коленях поцелуями унять боязнь и тоску прелестного юноши.

Лишь только взошла над горой утренняя звезда и поднялся попутный ветер, Тифий стал увещевать спутников воспользоваться ветром и пуститься в море. Радостно и на всех парусах

поплыли они по волнам, и тогда только заметили отсутствие Геракла и Полифема; начался спор о том, оставить или нет храбрейших спутников. А Ясон, беспомощный и озабоченный, сидел, не говоря ни слова. Гнев одолел, наконец, Теламона, вернейшего друга Геракла. Обратившись к Ясону, он воскликнул:

– И как ты можешь так спокойно сидеть?… Да, выгодно тебе оставить Геракла! Все это случилось по твоему старанию: боялся ты, чтобы великий герой не затмил твоей славы. Впрочем, к чему слова! Я не желаю продолжать путь с тобой и твоими спутниками: вы задумали и выполнили все случившееся.

Нимфы похищают Гиласа

Затем с блистающими гневом глазами кинулся он на кормчего Тифия и принудил бы его повернуть корабль назад и опять направиться к мисийскому берегу, если б оба Бореада с бранью не удержали его.

И в то же самое время из глубины моря вынырнул морской бог и прорицатель Главк с взъерошенной головой. Твердой рукой схватил он киль корабля и объявил аргонавтам, что Геракл и Полифем остались на острове по воле богов; что Гераклу суждено свершить для Эврисфея двенадцать подвигов и за это обрести бессмертие; что Полифем, по воле рока, должен основать город Киос и окончить жизнь свою в стране халибов; что, наконец, оба они остались, отыскивая Гиласа, похищенного влюбленными нимфами. Затем бог погрузился в бурную пучину. Герои обрадовались предсказанию, а пристыженный Теламон подошел к Ясону и попросил простить ему грубое слово, вырвавшееся в печали. Ясон охотно согласился, и они весело продолжали они путь.

После долгих и тщетных поисков любимого Гиласа, Геракл отправился в Аргос служить Эврисфею; но перед этим он заставил мисийцев поклясться в том, что они будут искать Гиласа до тех пор, пока не найдут его. Вот отчего и впоследствии обитателя этой страны ежегодно бродили по лесам, отыскивая Гиласа. Полифем же остался у них и выстроил город Киос.

7. Амик

Ранним утром следующего дня аргонавты направили корабль к далеко вдающейся в море косе вифинского берега.

Там находились жилище и двор царя бебриков Амика. То был дикий человек исполинского роста и силы. Он не отпускал от своего берега ни одного чужеземца, не померившись с ним силою в кулачном бою. Не один человек из соседних стран, приведенный судьбою на роковой берег, пал под его тяжелой рукой. И теперь, видя, что «Арго» причаливает к берегу, прибежал он туда и с кичливою гордостью закричал вступавшим на берег аргонавтам:

– Услышьте, морские бродяги, то, что надлежит вам знать! Не один чужеземец не смеет выехать отсюда, не померившись со мной силами. А потому выбирайте из своей среды сильнейшего и выставляйте его здесь для кулачного боя. Если же вы этого не исполните, то горе вам!

Ярый гнев обуял героев, особенно же возмущен был Полидевк, лучший из кулачных бойцов во всей Элладе. Он выскочил вперед и закричал:

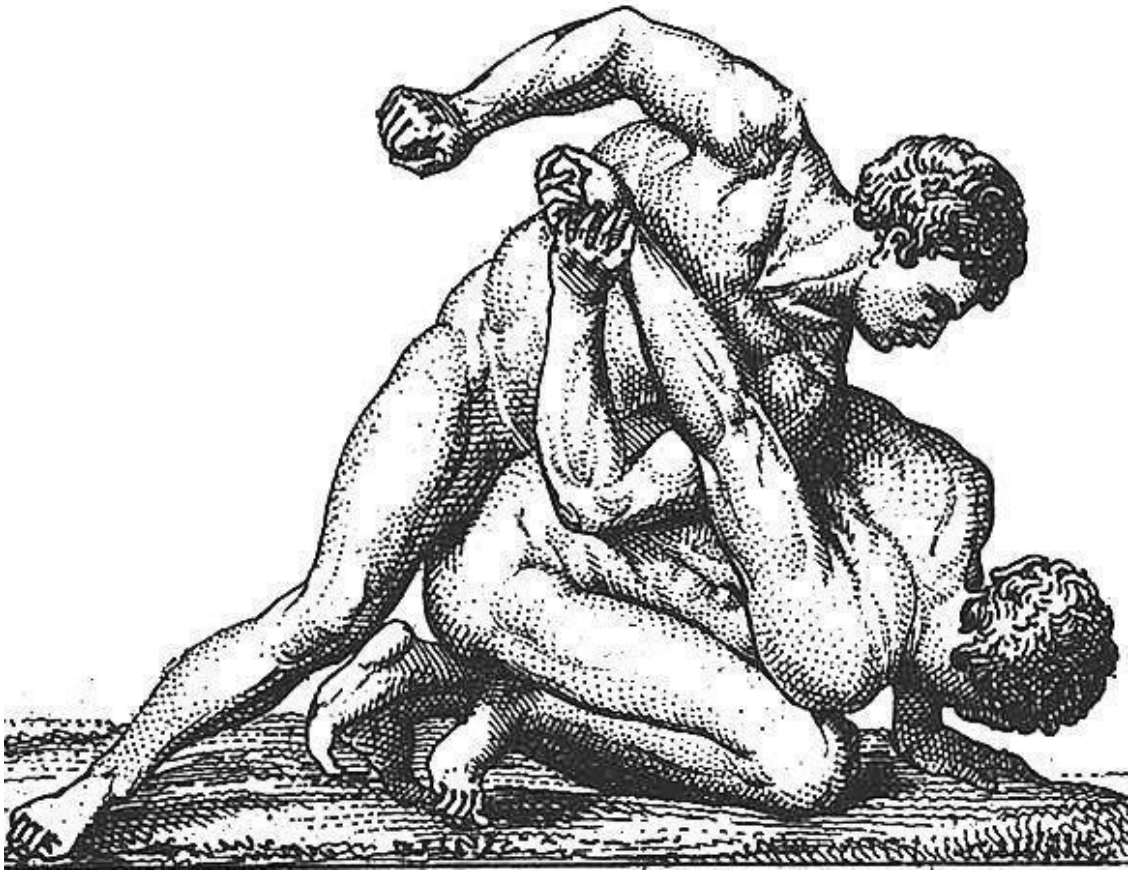
– Успокойся и перестань грозить. Мы подчиняемся твоему закону; я готов выйти на состязание с тобой.

Грозно взглянул Амик на смелого юношу, – взглянул, как раненый в горах лев смотрит на того, кто первый нанес ему рану. Но Тиндарид спокойно снял с себя плащ и приготовился к состязанию; Амик тоже сбросил черный плащ и кинул пастушескую дубину, которую носил обыкновенно при себе. Между тем по обе стороны расположились смотреть на бой эллинские герои и толпы пришедших бебриков. Дикий царь был страшен и подобен сыну ужасного Тифона; бодро стоял юный Полидевк, подобный лучезарной звезде на вечернем небе. Правда, первый пух еле пробивался на его щеках; но он в себе чувствовал непобедимую силу, и чем более смотрел на противника, тем более росло в нем гордое мужество.

Полидевк махнул рукой, чтобы посмотреть, не оцепенела ли она от долгой гребли. Не двигаясь, стоял против него Амик, и жажда крови так и светилась в мрачных глазах его. Тут слуга Амика бросил на землю между противниками крепкие кулачные ремни.

– Возьми без жребия, который захочешь, – сказал царь, – чтобы потом не жаловаться. Обвяжи ремнем руку – и скоро ты увидишь, что я хороший шорник и умею окрашивать кровью человеческие щеки.

Полидевк с улыбкой поднял тот ремень, который лежал поближе, и с помощью друзей обвязал им кулак; то же самое сделал Амик, и начался ужасный кулачный бой.



Бой Полидевка с Амиком

Мощными руками закрыв лицо, устремились они друг на друга. Как тяжелая волна, напирающая на корабль, внезапно ринулся Амик на юного Полидевка и принялся наносить ему удар за ударом; но юноша, ловко уклоняясь, оставался невредим и, в свою очередь, хорошо подметив слабые стороны противника, нанес ему не один чувствительный удар.

Неутомимо наносили бойцы друг другу удары, от которых хрустели челюсти и зубы; остановились лишь, когда у них прервалось дыхание. Тут отошли они в сторону и с тяжелыми стонами утерли льющийся пот. Но вскоре, подобно двум быкам, они опять устремились в бой. Амик высоко замахнулся, намереваясь приподняться на носки и изо всей силы ударить кулаком Полидевка по голове; но последний так изловчился, что только слегка был задет по плечу, и тут же нанес своему противнику такой удар по уху, что переломил ему кость; Амик от боли упал на колено. Громко возликовали друзья Полидевка, а умирающий Амик склонил голову на землю.

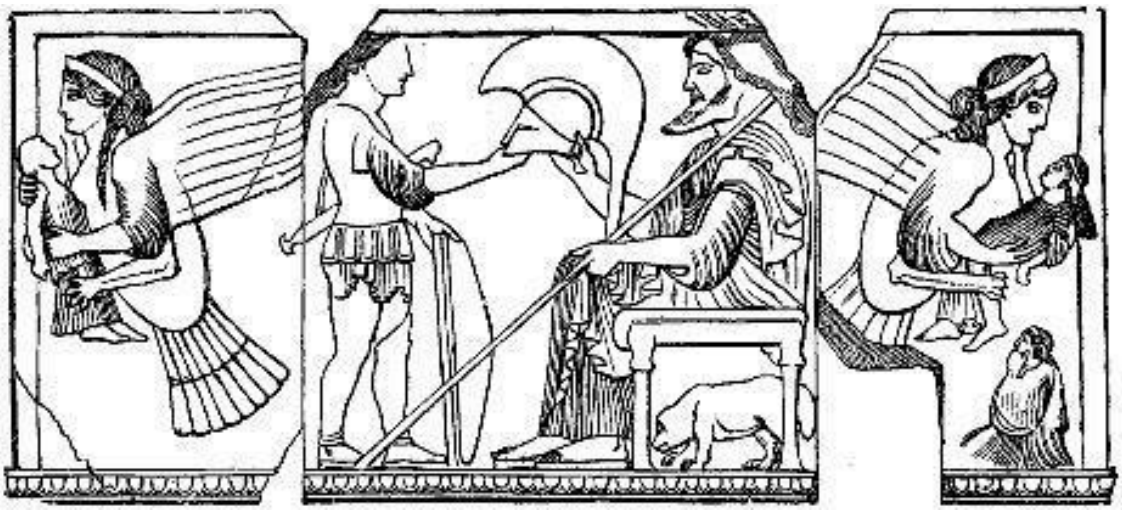
Видя смерть своего царя, бебрики, с дубинами и копьями, ринулись на Полидевка. Но товарищи с обнаженными мечами поспешили защитить его. Дошло до жаркого боя. Полидевк сам положил на месте первых, набежавших на него: одному так ступил ногой на грудь, что тот и не встал; другому кулаком вышиб глаз. Кастор, стоя возле брата, мечом поражал одного за другим, а Анкей, аркадкий великан, в щетинистой кабаньей шкуре, неистово замахал тяжелой секирой. Тут овладел бобриками панический страх, и они поспешно обратились в бегство. Аргонавты преследовали их далеко во внутрь страны. Затем они напали на хлев со скотом и увели богатую добычу. Ночь провели на берегу, перевязав раны и принеся жертву богам. Увенчав головы лаврами, сидели они, радостно пируя, и, с наполненными кубками в руках, наслаждались веселыми песнями и игрою Орфея. Воспевали они Полидевка-героя, победоносного Зевсова сына.

8. Финей

На следующий день аргонавты пристали к берегам Фракии. Здесь жил прозорливый старец Финей, бывший прежде царем Фракии, теперь же влачивший жизнь в великом горе и бедствиях. Аполлон ниспослал Финею дар прорицания, но тот стал злоупотреблять этим даром и открывал людям тайные советы Зевса. За это на склоне дней он был поражен слепотою, и злые гарпии – девы, имевшие вид хищных птиц – лишали несчастного пищи, которую приносили ему люди за его гадания: лишь только, бывало, поднесет он кусок ко рту, гарпии тотчас же вырвут кусок из его рук. Поэтому Финей постоянно был мучим страшным голодом. Если даже когда гарпии и оставляли ему какую-нибудь часть пищи, то пропитывали ее таким зловонием, что никто не мог есть ее. Когда Финей услыхал шум шагов проходивших мимо его дома чужеземцев, прозрел он, что чужеземцы эти – аргонавты, и вспомнил сделанное ему предвещание, что тогда перестанут мучить его гарпии когда к фракийским берегам пристанут сыновья Борея с своими спутниками. Поднялся старец с своего ложа и побрел, опираясь на посох и ощупывая стены, навстречу аргонавтам. Но едва лишь дошел он до порога своего дома, как обессиленный опустился на землю. Увидав несчастного старца, исхудалого, дрожавшего всем телом, аргонавты почувствовали к нему жалость и обступили его толпою. Когда Финей несколько оправился, то сказал еле слышным голосом:

– О, герои Эллады! если я не обманываюсь, если вы те, которых ведет Ясон за добычей золотого руна, то помогите мне, спасите меня от невыносимой муки. Мстительные Эриннии не только лишили меня света очей, но отнимают у меня даже и пищу, томят и изводят меня голодом. Было мне открыто некогда, что от этой муки должны меня освободить Бореады. Заклинаю вас, спасите меня. Я не чужой вам: я – Финей, сын Агенора; некогда царствовал я над фракийцами и был женат на Клеопатре, сестре Бореадов, находящихся между вами.

Герои не могли смотреть без слез на несчастного старца, и Зет, один из сынов Борея, обнял страдальца и обещал при помощи своего брата освободить его от мучительниц-гарпий, если только будет на то соизволение богов. Тогда Финей, подняв к небу свои безжизненные, тусклые очи, поклялся аргонавтам, что не лживо было то предсказание, которое предвещало ему спасение от сыновей Борея, и что боги не разгневаются на них за оказанную ему помощь. Герои тотчас стали готовить Финею обед, и этот обед должен был быть последней добычей гарпий: Бореады стали вблизи с обнаженными мечами.



Аргонавты сражаются с гарпиями

Едва старец успел прикоснуться к поставленной перед ним пище, как с громким криком налетели они быстрокрылые, и похитили у него пищу. Аргонавты подняли шум, но птицы не испугались этого шума и пожрали все, что было поставлено перед Финеем до последнего куска; потом с криком же полетели он за море, оставляя за собой невыносимое зловоние. Бореады, с обнаженными мечами, понеслись вслед за ними: как сыны северного ветра, они одарены были крыльями. Долго гнали они гарпий и вблизи Пифейских островов подлетели к ним так близко, что могли схватить их руками. Схватились Бореады за мечи, но быстрая вестница богов, Ирида, низошла с неба и воспретила героям умерщвлять гарпий. Она подтвердила, что, по воле богов, гарпии отныне никогда не будут посещать Финеева дома. Веря словам богов, сыны Борея возвратились к кораблям своим, и с той поры Пифейские острова стали именоваться Строфадами— островами возвращения.

Аргонавты омыли Финея, закололи овцу, взятую ими из стад Амика, и стали готовить злополучному старцу сытный обед. Довольные и радостные, сели они за стол и с изумлением смотрели, с какой жадностью утолял Финей свой голод, томивший его так долго и так сильно. Самому ему казалось, будто все это он видит во сне. Дожидаясь возвращения сынов Борея, всю ночь просидели аргонавты за столом, с кубками в руках; Финей же, сидя между ними у очага, пророчествовал о судьбах дальнейшего их плавания.

– Боги не позволяют, – начал Финей, – сказать вам всего, что открыто мне о судьбах вашего предприятия; но вот что скажу я вам, вы же внемлите словам моим. Прежде всего вы приплывете к двум гибельным скалам – Симплегадам; по тесному проливу между этими скалами не проходил доселе ни один из мореплавателей, ибо скалы те не стоять твердо на месте, а беспрерывно сталкиваются одна с другой и снова расходятся. А потому, когда вы приблизитесь к скалам, будьте предусмотрительны и подплывайте к ним с величайшей осторожностью. Вы пустите наперед перед собой голубя: если голубь пролетит между скалами невредимо, дерзайте и вы, гребите веслами изо всех сил и не забудьте призвать на помощь богов. Если же голубь погибнет между скалами, то плывите другим путем: гибель голубя должна показать, что вам не суждено проплыть между скалами. Миновав Симплегадские скалы, вы берите направо и плывите вдоль берега, но не слишком близко: там много отмелей и скалистых мысов, далеко вдающихся в море; да к тому же на берегу том, по местам, живут дикие и воинственные народы. Вы поплывете мимо городов, где обитают амазонки, мимо башен мосинэкского народа, построенных на вершинах лесистых гор; минуете вы также и страну халибов, в поте лица выкапывающих железо из земли. Наконец достигнете берега Колхиды в том месте, где Фасис изливает в море свои шумные воды, и здесь станете на якорь. В той страны, на берегах Фасиса, стоит высокобашенный замок царя Эета, и висит на высоком дубе золотое руно, денно и нощно охраняемое страшным, никогда не смыкающим очей драконом.

Молча и не без прискорбия внимали Аргонавты речам прозорливого старца; но он утешил их обещанием счастья и полной удачи в том случае, если благополучно минуют Симплегадские скалы. Завещал он им также, прибыв в Колхиду, испросить помощи у хитроумной Киприды, богини любви.

Многое еще хотели расспросить аргонавты у прозорливца, но внезапно появились среди их Бореады, возвратившиеся с победой. И закипел праздничный пир.

9. Симплегады

Корабль бодро бежал по волнам, рассекая их своим заостренным носом. Море было небурным, лишь порой напоминая о своей сокрытой мощи, когда било волною о борт, и тогда пенистые фонтаны обрушивались на героев, сидевших на веслах. Справа зеленел пологий берег.

Но вот откуда-то издали донесся мерный шум, постепенно переросший в могучие ритмичные удары. Грохот то пропадал, то вновь низвергался, словно где-то в небесах затаился молот, который изо всех сил обрушивался на наковальню. И вскоре поняли аргонавты, что приближаются они к страшным скалам-Симплегадам, о которых их предупреждал слепой провидец Финей.

Ясон взял на руки голубку, которую дал им с собою Финей и взошел на нос корабля.

И вот показались сами Симплегады – огромные, иссиня-черные утесы. Один от другого они были отделены не более полусотней локтей. Незыблемые высились они высоко над морем и нельзя было их обойти, ибо вокруг них кружили сильные водовороты.

Герои, закаленные в десятках битв и поединков, не боявшиеся людей, исполинов и чудовищ, рисковавшие порою бросить вызов богам, они оробели перед мощью слепой стихии, ибо сломить ее было не в силах человеческих. Вот уже рядом зловещие утесы, уже увлекает корабль к ним сильнейший поток.

– Выпускай свою птишку! – крикнул Тифий.

Ясон бросил голубку высоко над головой. Белоснежная птичка вспорхнула ввысь и устремилась в полет между утесами. Почуяв живое, каменные громады соединились с ужасающим грохотом. Но затем они разошлись, и все увидели, что голубка сумела пролететь, лишь в воздухе кружились несколько перышек с ее хвоста.

– Теперь и наша очередь! На весла! – закричал кормщик Тифий и сам налег на рулевое весло, направляя корабль между утесами.

Единым духом налегли герои на весла, и корабль словно сам взлетел от такого напора. Черные скалы надвинулись на них… они уже близко, еще мгновение… И «Арго» вылетел на чистую воду, лишь жуткий трек скрипнул по сердцу каждого, ибо героям показалось, что корабль их раскалывается надвое – но нет! Это лишь треснуло кормовое весло, не избежавшее удара страшных каменных челюстей.

В тот же вечер герои уже отдыхали в кругу дружественного народа мариандинов. Однако на следующий день, как планировали, отплыть они не смогли, поскольку славный кормщик Тифий, который столько сделал для похода, заболел и вскоре умер. Похоронив его, аргонавты назначили на его место могучего Анкея и вновь пустились в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.